

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы; Россия, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюпэтр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бочкарёва Н. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Крючков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта Е. В. Исаева.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa; Russia, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site E. V. Isaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Гладкова К. Ю. ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «ИНТЕРРОГАТИВНОСТЬ» В ЛИНГВИСТИКЕ	5
Качинская И. Б. НОМИНАЦИЯ СТАРЫХ ДЕВ И ХОЛОСТЯКОВ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ	18
Кикило Н. И. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ ЛИЦА, ЧИСЛА И МОДАЛЬНОСТИ В ИРРЕАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ МАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА	25
Кононова В. А. ТРАНСВЕРСАЛЬНОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОРПУСОВ И ДРУГИХ КОНТЕКСТОВ	34
Мошина Е. А. ВИТАЛЬНЫЙ КОД КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗНЫХ ПРИЗНАКОВ МАКРОКОНЦЕПТОВ «ЗЕМЛЯ» И «EARTH / LAND» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	43
Шутёмова Н. В. ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕКЛАРАЦИИ ЮНЕСКО О ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	52
Яковлева Е. Л. ФИГУРАТИВНЫЙ ЯЗЫК В ПЕРЕВОДЕ ТАЙВАНЬСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ	63
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	72
Абашева М. П., Куриленко М. В. ПОЭТИКА ЦИКЛИЗАЦИИ В ПРОЗЕ ЮРИЯ БУЙДЫ	72
Бочкарева Н. С., Суслова И. В., Бажанов А. Д. ПОЭТИКА «РОМАНА О РОМАНЕ» ПАТРИКА МОДИАНО «ЧТОБЫ ТЫ НЕ ЗАБЛУДИЛСЯ В КВАРТАЛЕ»	81
Дроздова А. О., Петров В. В. РУССКАЯ КЛАССИКА В ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВАХ ЧИТАТЕЛЕЙ	90
Кузина Д. Д. АВТОГЕОГРАФИЯ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА: ТРИ ТРАВЕЛОГА О ЧЕТЫРЕХ МИРАХ	100
Слоистова М. С. ТИПОЛОГИЯ И СТРАТЕГИИ КРЕАТИВНОЙ РЕЦЕПЦИИ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ ПОСТМОДЕРНА	110
Терещук А. А. РОМАН БЕНИТО ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА «СУМАЛАКАРРЕГИ» И ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ МИФОВ В ЛИТЕРАТУРЕ	120
Черняк М. А., Саргсян М. А. МЕТАПРОЗАИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ	130

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Gladkova K. Yu. INTERPRETATIONS OF THE NOTION ‘INTERROGATIVITY’ IN LINGUISTICS	5
Kachinskaya I. B. DENOMINATION OF SPINSTERS AND BACHELORS IN ARKHANGELSK DIALECTS	18
Kikilo N. I. INTERACTION OF GRAMMATICAL PERSON, NUMBER AND MODALITY IN NON-FACTUAL CONSTRUCTIONS IN THE MACEDONIAN LANGUAGE	25
Kononova V. A. TRANSVERSALITY: EVOLUTION OF THE TERM THROUGH THE PRISM OF CORPORA AND OTHER CONTEXTS	34
Moshina E. A. VITAL CODE AS A WAY TO REALIZE FIGURATIVE SIGNS OF THE MACROCONCEPTS ‘ZEMLYA’ AND ‘EARTH / LAND’ IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUISTIC CULTURES	43
Shutemova N. V. GENRE CHARACTERISTICS OF UNESCO STATEMENTS OF OUTSTANDING UNIVERSAL VALUE OF WORLD HERITAGE SITES IN THE LINGUOSTYLISTIC ASPECT	52
Yakovleva E. L. FIGURATIVE LANGUAGE IN TRANSLATION OF TAIWANESE COMMERCIAL ADVERTISEMENT	63
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	72
Abasheva M. P., Kurilenko M. V. POETICS OF CYCLIZATION IN THE PROSE OF YURIY BUYDA	72
Bochkareva N. S., Suslova I. V., Bazhanov A. D. ‘SO YOU DON’T GET LOST IN THE NEIGHBORHOOD’ BY PATRICK MODIANO: POETICS OF THE ‘NOVEL ABOUT A NOVEL’	81
Drozdova A. O., Petrov V. V. RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN READERS’ ONLINE COMMUNITIES	90
Kuzina D. D. THEODORE DREISER’S AUTOGEOGRAPHY: THREE TRAVELOGUES ABOUT FOUR WORLDS	100
Sloistova M. S. TYPOLOGY AND STRATEGIES OF CREATIVE RECEPTION: A CASE STUDY OF ENGLISH POSTMODERNIST POETRY AND PROSE	110
Tereshchuk A. A. THE NOVEL ‘ZUMALACÁRREGUI’ BY BENITO PÉREZ GALDÓS AND TRANSFORMATIONS OF HISTORICAL MYTHS IN LITERATURE	120
Chernyak M. A., Sargsyan M. A. METAFICTIONAL STRATEGIES IN MODERN PROSE	130

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'16
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-5-17

ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «ИНТЕРРОГАТИВНОСТЬ» В ЛИНГВИСТИКЕ

Катерина Юрьевна Гладкова

старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Katerina_G_L@mail.ru

SPIN-код: 9747-1840

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7603-2082>

Статья поступила в редакцию 25.02.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гладкова К. Ю. Трактовки понятия «интеррогативность» в лингвистике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 5–17. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-5-17

Please cite this article in English as:

Gladkova K. Yu. Traktovki ponyatiya «interrogativnost'» v lingvistike [Interpretations of the Notion 'Interrogativity' in Linguistics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 5–17. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-5-17 (In Russ.)

Статья посвящена обзору трактовок понятия «интеррогативность», достаточно подробно изученного в различных научных дисциплинах, в числе которых – философия, логика, психология, педагогика, социология, лингвистика, литературоведение и др. Целью исследования является анализ трактовок понятия «интеррогативность» в лингвистике с точки зрения разных аспектов: коммуникативного, функционально-прагматического, семантического, стилистического, грамматического. Изучены исторический контекст возникновения и развития феномена «вопрошание» в философии, а также понимание термина «интеррогативность» в логике. Автор приходит к выводу, что в лингвистике наследуется логико-философское понимание интеррогативности с позиций ее гносеологического потенциала, а также развиваются представления о способах репрезентации интеррогативности в языке, семантике, функциях и ее роли в текстах разных функциональных стилей. С собственно лингвистической точки зрения интеррогативность понимается как функционально-семантическая категория, обладающая различными способами представления в языке. Исследователями отмечается сложность семантики и функциональная неоднородность интеррогативности, вследствие чего возникает проблема несоответствия вопросительной семантики и способов ее языковой репрезентации. Таким образом, автор полагает возможным говорить о наличии в тексте явной, эксплицитной интеррогативности, которая выражена формальными показателями вопроса (интонация, инвертированный порядок слов, слова-маркеры), а также имплицитной интеррогативности, которая выявляется в контексте, но не выражена формально вопросительными средствами. В функциональном аспекте интеррогативность непосредственно связана с текстообразующей функцией, а также служит реализации функции образности в художественном тексте, точности в официально-деловом, экспрессивности и апеллятивности в публицистическом и научности в научном тексте.

Ключевые слова: интеррогативность; интеррогатив; вопрос; лирический вопрос; риторический вопрос; семантика; прагматика; функциональный стиль.

Феномен «вопрошание» имеет давнюю историю в науке: впервые проблема осмысления человеком себя, мира, своего места в нем, сформулированная в форме вопроса, появляется в так называемых предфилософских текстах, найденных в Древней Греции, Древнем Китае, Древнем Египте. В собственно философской традиции данный феномен берет начало в античной философии, и его осмысление неразрывно связано с развитием философии на каждом историческом этапе. В науке хорошо известен метод Сократа, подразумевающий способ познания и самопознания путем постановки вопросов и поиска ответов в процессе диалога. Исследователи биографии Сократа и его метода полагают, что диалог являлся искусным способом изучения морально-этических, философских, политических проблем [Нерсеянц 1996]. Ключевую роль в процессе сократовского диалога играло искусство задавать вопросы, которые позволяли «выявить границы знания и незнания собеседника» [там же]. Вопрос был направлен, с одной стороны, на испытание собеседника, на доказательство факта ограниченного знания или отсутствия знания о том или ином явлении. С другой стороны, вопрос рассматривался как средство самопознания, своеобразного «рождения» истины в голове собеседника [Кессиди 2001].

Исследователями также отмечается идея поиска и самопознания у Гераклита, который исторически является предшественником Сократа. Например, анализу подвергается известное изречение Гераклита «Я исследовал самого себя». М. Н. Вольф утверждает, что использованный в изречении глагол имеет помимо значений «исследовать», «искать» такие значения, как «распрашивать», «разузнавать» [Вольф 2011: 148].

Последователь Сократа, Платон, наследует сократовское представление о вопрошании как способе получения нового знания. Считается, что Платон вслед за Сократом использует вопрошание как метод получения знания, который в сократовской традиции называется «эленхос», или «опровержение» [там же: 150].

В «Аналитике» вопрос осмысливается Аристотелем как средство развития мысли, вопрошание способствует аналитическому рассуждению и последовательному изложению умозаключений [Аристотель 1952]. Целью вопрошания является постижение сущности вещей и явлений, совершение доказательства. Однако в трудах Аристотеля существует другое понимание функции вопрошания, а именно риторическое вопрошание, цель которого заключается в словесном обезоруживании противника на суде.

Таким образом, в античной философии новое знание выводилось в процессе аналитического

осмысления явлений действительности посредством поиска ответов на вопросы о сущности вещей, причинности, взаимосвязях различных явлений. Кроме того, возникало понимание вопрошания как средства убеждения в риторике.

В философии XVII в. проблема вопрошания осмысливается в связи с развитием наук и научных методов. Так, один из представителей классической парадигмы в науке Рене Декарт предложил определение понятия «вопрос», а также анализ структуры вопроса с позиций логики. Под вопросом Р. Декарт понимал «все то, в чем отыскивается истинное и ложное» [Декарт 1989]. В каждом вопросе необходимо наличие области известного и области неизвестного, которая должна быть определенным образом обозначена через условия, которые нам известны [там же]. В концепции Декарта важную роль играет категория понимания. В решении научной проблемы, или в ответе на вопрос, понимание является необходимым условием, при котором вопрос может быть проанализирован и разложен на составные части с целью выявления сущности проблемы. Таким образом, Декарт демонстрировал структурно-логический подход к пониманию феномена вопрошания.

В западной философии XX в. роль, структура, функции вопросов осмысливаются в том числе трудах М. Хайдеггера. Ключевую проблему своей философии М. Хайдеггер формулирует как вопрос о бытии. Он определяет вопрошание как целенаправленное, познающее искание сущего, таким образом, акцентируя гносеологический характер этого феномена [Хайдеггер 2003]. Целью вопрошания является поиск, или исследование сущего в его экзистенции, следовательно, философское вопрошание носит также онтологический характер. М. Хайдеггер осмысливает специфику фундаментальных вопросов, раскрывающих сущностные свойства явлений действительности. По его мнению, вопрошание само есть сущее, которое должно быть изучено и определено с целью осмысления вопроса о смысле бытия. Важную роль в вопросе о смысле бытия играет категория «вот-сущее», или «Dasein», которая трактуется в философии как человек или способность человека понимать бытие. Согласно М. Хайдеггеру, вопрошание является способом существования «вот-сущего» [Хайдеггер 1998].

Роль и сущность вопрошания с позиций герменевтики были осмыслены Г. Г. Гадамером, который считал, что любое вопрошание происходит из опыта, поскольку человеческое познание осуществляется посредством вопрошания. Причиной вопрошания Г. Г. Гадамер полагает ситуацию «знания незнания» [Гадамер 1988]. Сущ-

ностным свойством вопроса является его осмысленность, или, по мысли исследователя, его направленность на определенную сферу, в сторону «бытия опрашиваемого» [Гадамер 1988]. Смыслом вопроса является его способность «раскрыть» объект вопрошания в его проблематичности. Категория осмысленности вопроса в концепции Г. Г. Гадамера связана с категорией «открытости», т. е. неизвестности ответа заранее. По этому принципу исследователь противопоставляет «подлинный вопрос» «педагогическому» и «риторическому» вопросам, поскольку в первом случае знание невыводимо и ответ известен заранее, а во втором случае ответа на вопрос не предполагается. Вместе с тем открытость вопроса ограничена определенными предпосылками, исходным знанием, что в терминах Г. Г. Гадамера обозначается «горизонтом вопроса» [там же]. Таким образом, вопрошанию присущ дуализм открытости-ограниченности, исходного знания и незнания, который приводит к выведению нового знания. Г. Г. Гадамер открыто формулирует гносеологическую ценность вопрошания: «Решение вопроса есть путь к знанию» [там же]. Утверждая диалогичность знания и ценность вопросно-ответной формы его выведения, исследователь приходит к выводу, что вопрошание, играющее ключевую роль в стимулировании беседы, дискуссии, где основными принципами являются доказательность и уважение к мнению собеседника, способствует мышлению в принципе.

Г. Г. Гадамер раскрывает значение вопрошания в процессе интерпретации текстов, т. е. обосновывает ценность вопрошания в постижении смысла текста. В его концепции текст является своего рода ответом на вопрос, который необходимо реконструировать с целью понимания смысла текста. Текст, как и ответ, по мысли исследователя, ограничен в смысловом плане «горизонтом вопроса» [там же], который, как уже было сказано выше, диалектически сочетает в себе категории открытости и ограниченности. Однако процесс понимания текста намного шире, чем реконструкция исходного вопроса, на который мог бы ответить данный текст. Любой текст проблематичен, он сам является неким вопросом, в решении которого исследователь обращается как к реконструкции, так и к осмыслению интенций автора текста. Кроме того, диалогичность текста предполагает его открытость интерпретациям. Г. Г. Гадамер утверждает «принципиальную незавершенность того смыслового горизонта», в котором находится текст [там же].

Таким образом, понятие «интеррогативности» в философии непосредственно связано с процессом познания сущностных сторон объектов и

явлений окружающей действительности. Философское вопрошание осмыслялось в истории философии в аспекте диалогичности процесса познания; изучался логический потенциал вопроса; вопрошание исследовалось в качестве научного метода, а также как механизм отражения объективной реальности; отмечалась роль вопрошания в процессе рефлексии и интерпретации текстов.

Логика как раздел философии продолжает развивать понимание феномена «вопрошание» в аспекте его гносеологической значимости. В логике вопрошание трактуется, с одной стороны, с позиций формальной логики, согласно которой вопрос противопоставляется суждению, с другой стороны, с позиций интеррогативной логики, или логики построения компьютерных поисковых систем. С позиций современной философии и логики вопросно-ответное единство определяется как мыслительная и языковая структура, фиксирующая и устраняющая познавательную неопределенность в мышлении [Прытков, Ивлев, Симонов 2019]. Вопрос в логике осмысляется как высказывание, фиксирующее недостаток знания о каком-либо объекте, явлении или ситуации и побуждающее к устранению неопределенности, восполнению информации [там же]. В логике существует раздел, изучающий логику вопросов, способы построения вычислительных и поисковых компьютерных систем, – интеррогативная логика. Основоположники концепции интеррогативной логики Н. Белнап и Т. Стил разграничивают понятия «естественный язык» и «формальный язык» и предполагают, что примеры вопросов, взятые из естественного языка в результате логического анализа, будут переведены на формальный язык, необходимый для функционирования поисковых систем [Белнап, Стил 1981]. Авторами осмысляются ключевые для их теории понятия: «вопрос», «ответ», «интеррогатив»; дается классификация вопросов и интеррогативов; производится логический анализ грамматики и семантики вопросов; исследуется структура вопроса и ответа. Под вопросом понимается категория естественного языка, формальным представлением которого на языке компьютерных систем является интеррогатив. Вводится понятие элементарного вопроса, в структуру которого входит абстрактный субъект и абстрактная предпосылка. Помимо элементарных вопросов авторы выделяют составные вопросы, состоящие из элементарных вопросов, и вопросы типа элементарных, в число которых входят «вопросы-идентификации», «вопросы-описания», «что-вопросы» и «сколько-вопросы» [там же].

В работах финского исследователя Я. Хинтикки, в сферу научных интересов которого вхо-

дили проблемы философии, математики и логики, а именно эпистемологии, математической логики, теории игр и т. д., представлена и описана интеррогативная модель запроса / поиска / познания (interrogative model of inquiry). Рассматривая модель интеррогативности в аспекте теории игр, Я. Хинтикка пишет о том, что описываемая модель включает в себя два ключевых компонента: спрашивающего (The Inquirer) и источник информации, или природу (...the source of information we call Nature) [Hintikka, Harris 1988]. Процесс познания сводится к тому, что спрашивающий, обладающий некоторым количеством исходной информации, или предпосылок (a set of premises), посредством вопросов и средств дедуктивной логики стремится к приращению знания о том или ином объекте или явлении окружающей действительности. Если спрашивающему удастся получить ответ на поставленный вопрос, полученная информация пополняет исходный набор предпосылок. В случае если вопрос безответен, но на него нельзя дать истинный ответ, источник (природа) дает ложный ответ на поставленный вопрос.

А. Мутанен развивает идеи Я. Хинтикки относительно интеррогативной модели познания, анализируя роль интеррогативности в науке вообще, философии и методологии научного исследования. Например, он уточняет характер и функции базовых компонентов интеррогативной модели: спрашивающего и источника информации. Так, спрашивающий обладает определенной стратегией поиска информации: опираясь на известное знание и эмпирический материал, он выстраивает стратегию, включающую характер и способы постановки необходимых ему вопросов. Источник информации не является неограниченным, спрашивающий может использовать только те источники, которые ему доступны [Mutanen 2011]. Кроме того, А. Мутанен предлагает ввести в интеррогативную модель новый элемент («оператор»), необходимый для верификации полученных сведений, и разработать логику верификации, которая также могла быть компонентом представленной модели.

В концепции Л. Я. Аверьянова вопрос рассматривается как форма мышления и как форма выражения концептуального знания. Исследователь описывает вопросно-ответные отношения как форму социальной деятельности людей, поскольку они основаны на общих принципах межличностных отношений [Аверьянов 1993]. Вопрос представлен, с одной стороны, как система, обозначающая определенный процесс или явление действительности, с другой – как выражение формы процесса познания, в основе которого лежит противоречие между старым и новым зна-

нием. В аспекте гносеологии вопрос представляет собой гипотетически-концептуальное знание, или определенную переходную форму от возможно истинного знания к истинному знанию.

Таким образом, в логике интеррогативность рассматривается с позиций формальной логики в аспекте противопоставления вопроса суждению, а также с позиций интеррогативной логики в аспекте построения компьютерных моделей запроса информации. В логике акцентируется непосредственная роль интеррогативности в процессе получения знания, а также предлагаются лингвистические классификации вопросов с логической точки зрения.

Логико-философские истоки категории «интеррогативность» находят дальнейшее развитие в лингвистике, где изучается ее семантический и функциональный потенциалы, а также способы языкового выражения. Под интеррогативностью мы вслед за А. В. Логиновым понимаем функционально-семантическую категорию, единство семантики запроса о неизвестном и системы ее выражений в языке [Логинов 2012б: 82]. В качестве языковых и речевых проявлений интеррогативности выступают вопросительные и невопросительные предложения и высказывания, в структуре плана содержания которых актуализированы семы неизвестности и запроса информации. Проблеме вопросительного предложения и высказывания, описанию его структуры, функций, семантики, стилистических особенностей и роли в дискурсе посвящено много работ. Результаты этих исследований позволяют сделать вывод о том, что в силу асимметрии языкового знака вопросительные по форме предложения и высказывания могут обладать как вопросительной, так и невопросительной семантикой, в то время как формально невопросительные предложения могут подразумевать семантику запроса информации. Отсюда возникает проблема неоднородности семантического и функционального потенциала вопросительных предложений и высказываний, которая освещена в ряде работ по семантике, грамматике и стилистике вопросительных предложений, а также послужила созданию ряда классификаций.

С точки зрения языковой формы вопросительному предложению присущи определенный интонационный контур, порядок слов, наличие вопросительных местоимений, наречий, частиц. Считается, что перечисленным формальным средствам отводится основная роль, поскольку с их помощью любое невопросительное предложение может стать вопросом или переспросом [Шведова 1980]. Вопрос может быть представлен синтаксически самостоятельным предложением или войти в состав сложного предложения [там же].

В грамматике принято классифицировать предложения по цели высказывания на повествовательные, восклицательные и побудительные. Побудительные предложения могут быть далее разделены на повелительные и вопросительные предложения. Целью вопросительных предложений, таким образом, является побуждение сообщить неизвестную информацию говорящему или ответить на вопрос [Пешковский 2001: 392]. Ученым перечислены также формальные отличительные признаки вопросительного предложения, а именно наличие вопросительных слов, обратный порядок слов, наличие особой интонации. Классификация вопросительных предложений включает «чистый вопрос», который с функциональной точки зрения сегодня принято называть собственно-вопросом, или вопросом в первичной функции, и «переходные вопросы», занимающие положение между вопросом и сообщением, или, в современных терминах, вопросы, реализующие вторичные функции [там же: 393–394].

Изучению проблемы вопросительного предложения с позиции его функционирования и семантики посвящен ряд работ по грамматике. В концепции В. В. Виноградова, например, предложение определяется как «грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Виноградов 1975]. В качестве определяющих признаков предложения предлагается рассматривать предикативность, т. е. отношение содержания высказывания к реальной действительности, и интонацию. Предикативность предложения проявляется в таких грамматических категориях, как модальность, время, лицо. По В. В. Виноградову, именно многообразие форм проявления предикативности обуславливает разнообразие конкретно-языковых форм предложений русского языка. Автором различаются типы предложений по их модальности и функции: повествовательные, вопросительные и побудительные. Вопросительные предложения, наряду с побудительными и восклицательными, рассматриваются в контексте противопоставления формального и актуального членения предложения как пример субъективного порядка слов в предложении, целью которого является грамматически выразить эмотивность высказывания [там же]. Таким образом, несмотря на то что в концепции В. В. Виноградова предложение представлено с формальных позиций, тем не менее, особое внимание уделяется функционированию предложения в коммуникативном контексте.

В ряде зарубежных работ по синтаксису представлен коммуникативный подход к проблеме

вопросительного предложения. В концепции О. Есперсена отмечается коммуникативная вариативность вопроса: от выражения идеи приказа до вежливой просьбы [Есперсен 1958]. Он предлагает рассматривать два типа вопросов: некусные вопросы (общие вопросы в терминах формальной грамматики) и «иксовые» вопросы (специальные в терминах формальной грамматики). Различия между данными типами вопросов заключаются в характере ответа на них, характере используемой интонации (восходящая и нисходящая). Предлагается также группа альтернативных вопросов, которые находятся между некусными и иксовыми и характеризуются смешанным тоном. Автор перечисляет формальные признаки, отличающие вопросительные предложения от других видов высказываний, в число которых входят: вопросительные слова, интонация, порядок слов. В целом очевидно, что О. Есперсен акцентирует коммуникативную роль вопросительных предложений, затрагивая проблему несоответствия семы вопросительности формальному ее выражению и приводя в пример риторические вопросы, вопросы-выражения удивления, эмотивные вопросы [Есперсен 1958].

Проблема неоднородности и сложности семантического и функционального потенциала вопросительных предложений находится в центре внимания многих исследователей. Изучая вопросы лингвистической семантики, Н. Д. Арутюнова предлагает классифицировать вопросительные предложения на вопросы идентификации и бытийные вопросы. Функцией вопросов идентификации является установление тождества, семантическим принципом организации темы является проблема отождествления (например, у переспросов). Бытийные, или экзистенциальные, вопросы делятся на общие вопросы и специальные вопросы и включают посессивные предложения, высказывания о пространственном вхождении предмета в микромир человека, высказывания о вхождении лиц в микромир человека, высказывания о наличии внешних обстоятельств в жизни человека. Далее в структуре семантики каждого из классов вопросов может быть актуализирован один из элементов (в зависимости от класса): предикат бытия / наличия, область бытия, показатель количества, показатель качества, локализатор, функция и др. [Арутюнова 1976].

Деление функций вопросительных предложений на первичные (поиск информации) и вторичные (передача сообщения) используется в классификации, предложенной Н. Ю. Шведовой [Шведова 1980]. Первичные функции, по мысли исследователя, основаны на трех факторах: характер и объем ожидаемой информации, осве-

домленность говорящего о предмете вопроса и ожидаемый ответ. Каждый из предложенных факторов является основой разделения вопросов на классы. Таким образом, по характеру и объему ожидаемой информации вопросы делятся на общевпросительные (направлены на получение информации о ситуации в целом) и частновпросительные (направлены на получение информации об отдельной стороне явления, факта, ситуации). По параметру осведомленности говорящего различают три группы вопросительных предложений: собственно вопросительные, неопределенно-вопросительные (выражение коннотации неуверенности, догадки, сомнения), констатирующе-вопросительные (сочетание значения вопросительности и уверенности). По параметру ожидаемого ответа выделяют две группы вопросов: предложения, требующие ответа-подтверждения или ответа-отрицания, и предложения, требующие открытого ответа, т. е. сообщения [Шведова 1980]. С точки зрения вторичных функций вопроса, ориентированных на передачу семантики эмотивности, предлагается следующая классификация: вопрос с семантикой экспрессивно окрашенного утверждения; вопрос с семантикой экспрессивно окрашенного отрицания; вопрос-уяснение с коннотациями удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения; вопрос-побуждение; вопрос-выражение эмоциональной реакции говорящего; вопрос с целью активации внимания [там же].

В концепции И. Л. Кобозевой также предлагается разделение функций вопросительных предложений и высказываний на первичные, подразумевающие выражение вопроса, т. е. запроса информации, и вторичные, например, просьба, утверждение, сомнение, удивление и др. [Кобозева 2000]. Под собственно вопросом понимается тип речевого акта, характеризующийся следующими условиями успешности: условием пропозиционального содержания, подготовительными условиями (знание ответа адресатом и незнание ответа адресантом), условием искренности (наличие у адресанта желания знать ответ), условием назначения (нацеленность на получение информации). Соблюдение всех этих условий позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемое высказывание является вопросом, реализованным в своей первичной функции [Кобозева 2000].

Исследователи полагают, что функциональный потенциал интеррогативных высказываний намного шире непосредственного запроса информации и включает в себя такие функции, как утверждение, побуждение, совет, волеизъявление, эмотивность и др. [Логинов 2012а]. Этот лингвистический феномен возможен в силу многофункциональности и гибкости вопросительной

структуры, большей ее сложности по сравнению с повествовательной структурой, а также ввиду конкретных условий коммуникативной ситуации (например, собственно языковые возможности адресата и прагматические условия речевой ситуации). В конкретном речевом акте, таким образом, собственно интеррогативное значение высказывания может быть нейтрализовано, например, в структурно-семантическом плане при актуализации восклицательного значения и значения эмотивности или в плане содержания при актуализации значения утверждения [там же]. Анализируя семантику интеррогативных высказываний, автор приходит к выводу, что невопросительные коннотации заложены в них имплицитно, например, сема «запрос информации» имплицитно коннотирует сомнения и неуверенности, а сема «адресованности» предполагает коннотации участия, контакта, сближения, причастности [там же: 106]. Следовательно, выявляются два типа интеррогативности: истинная, реализующая функцию запроса информации, и мнимая, реализующая косвенные функции [там же].

Проблема функционально-семантической неоднородности вопросительных предложений, а также проблема несоответствия вопросительной семантики ее формальной языковой реализации находит свое развитие также с позиции теории речевых актов. В рамках данного направления вопрос рассматривается в аспекте реализации императивных и вторичных функций в процессе акта коммуникации: с одной стороны, иллокутивная направленность вопросительных высказываний заключается в том, чтобы заставить слушающего совершить действие или дать ответ, и в этом случае вопрос является частным случаем директивов [Остин 1986, Серль 1986]. С другой стороны, вопрос можно рассматривать как частный случай косвенного речевого акта, т. е. такого иллокутивного акта, при реализации которого говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает [там же]. Примером такого акта являются косвенные просьбы, репрезентированные на уровне языка вопросительными предложениями, но коммуникативно не являющиеся вопросами.

В современной лингвистике изучение проблемы вопросительных высказываний в аспекте теории речевых актов достаточно распространено. Исследователями анализируются различные разновидности вопросов, например, встречный вопрос, риторический, монологический, проблемный вопрос и другие, а также их функционирование в дискурсе. Например, Л. А. Мостовая, изучая специфику риторического вопроса, относит его к категории косвенных речевых актов на том основании, что план выражения и

план содержания риторического вопроса асимметричны. Иллокутивная функция вопроса данного типа заключается в передаче сообщения, а не в собственно запрашивании информации [Мостовая 2009]. В концепции Л. А. Мостовой проводится различие между риторическим вопросом и другими речевыми актами с функцией сообщения, такими как упрек, рефлексивный вопрос и монологический вопрос. Рефлексивный вопрос трактуется как проявление акта автокоммуникации, поскольку он обращен адресантом самому себе. Целью вопроса такого рода является констатация факта в ситуации недоразумения, поэтому он зачастую приобретает эмоционально-оценочную коннотацию. Специфика монологического вопроса заключается в том, что адресант, задавая монологический вопрос, сам на него отвечает. Функцией монологического вопроса является диалогизация монологического высказывания [там же]. К разряду косвенных речевых актов исследователь относит также вопросительные конструкции со значением отрицания, которое формально не выражено в предложении. Такие конструкции реализуют в речи целый ряд непрямых значений: упрек, побуждение прекратить действие, экспрессивное отрицание [Мостовая 2008].

Таким образом, в представленной концепции освещены разновидности вопросительных предложений, которые являются таковыми только с формальной точки зрения, поскольку семантика интеррогативности в них не реализована. В концепции И. Б. Сычевой рассматриваются особенности функционирования встречного вопроса, который трактуется как реплика, появляющаяся в диалоге в качестве реакции на предшествующее высказывание и обладающая формальными (грамматическими и интонационными) свойствами вопросительности [Сычева 2008: 3]. Встречные вопросы могут использоваться в коммуникации в их прямом и непрямом употреблении, а также могут быть охарактеризованы как кооперативные и некооперативные речевые акты [там же: 7]. С точки зрения функционирования встречные вопросы могут служить как для восполнения информации, так и для уточнения, опровержения, предположения и т. д. [там же: 13–14]

Вопросительная интенция, по мысли Т. Г. Волошиной и Г. В. Мироновой, может быть репрезентирована в речи с помощью следующих типов косвенных речевых актов: декларативов, директивов, эгзортивов, каузативов. Исследуя специфику кинодискурса на материале киносценариев как наиболее приближенных к естественному общению, авторы приходят к выводу, что декларативы в форме вопроса наиболее частотно использованы в киноречи для придания диалогам

драматического эффекта. Итак, авторы утверждают, что вопросительные конструкции эффективно реализуют помимо прямой иллокутивной функции устранения неопределенности и получения информации также ряд косвенных функций [Волошина, Миронова 2017].

В целом, интеррогативность как коммуникативное намерение может быть реализована в речи прямо, т. е. для снятия неопределенности в коммуникативной ситуации или для расширения говорящим знания относительно объекта или явления действительности, и косвенно, формально, т. е. для достижения определенного прагматического эффекта. В аспекте теории косвенных речевых актов наблюдается тенденция к реализации семантики невопросительности формальными средствами вопросительного предложения, за счет чего достигается необходимое воздействие на собеседника.

Экспрессивность и воздействующая функция вопросительных предложений и высказываний подробно изучена в стилистике. Начиная с работ Аристотеля риторический вопрос осмысливается как один из способов эстетического оформления речи, способ убеждения, апелляции к аудитории, способ концентрации внимания на некоем проблемном аспекте речи и т. д., т. е. рассматривалось не прямое, вторичное функционирование вопроса. В современной стилистике под риторическим вопросом понимается «особый стилистический прием, сущность которого заключается в переосмыслении грамматического значения вопросительной формы» [Гальперин 1958: 215–217]. Таким образом, автор указывает на обозначенную нами выше проблему несоответствия невопросительной семантики в данном случае риторического вопроса его формально вопросительному языковому выражению. По мысли И. Р. Гальперина, языковой механизм выражения невопросительной семантики в вопросительной форме актуализирует эмоциональность и эмфатичность подобного высказывания, позволяет понять отношение говорящего к предмету мысли. Приводятся разные виды риторических вопросов, например, эмоционально-утвердительные предложения и вопросительно-отрицательные предложения. С точки зрения употребления риторического вопроса в дискурсе полагается, что наиболее уместно его употребление в устной публицистике, а также в художественном дискурсе [там же: 215–217].

Результаты изучения проблемы несоответствия формы и содержания в вопросительных предложениях и высказываниях отразились в ряде стилистических классификаций, основанных на переосмыслении значения и функций синтаксических конструкций. Например, в кон-

цепции И. В. Арнольд вводится понятие транспозиции, т. е. функционально-стилистического сдвига, заключающегося в употреблении синтаксических структур в несвойственных им денотативных значениях с дополнительными коннотациями [Арнольд 2006: 223]. Исследователь подробно рассматривает два вида транспозиции: транспозицию повествовательного предложения в вопрос и обратную, преобразование вопроса в утвердительное предложение. В первом случае использование формальных показателей утвердительного предложения (прямой порядок слов) с вопросительной интонацией обогащает высказывание дополнительной эмотивностью, что оказывает большее воздействие на собеседника, привносит подтекст и субъективное отношение адресанта к ситуации. Во втором случае рассматривается риторический вопрос, функцией которого является не столько получение ответа, сколько привлечение внимания, усиление эмоционального тона, впечатления [там же: 224–225]. По И. В. Арнольд, возможна также транспозиция вопросительных предложений в побудительные и восклицательные, что придает речи большую эмоциональность [там же: 228].

Проблема переосмысления плана содержания высказывания в рамках анализа специфики парадигматического синтаксиса изучена в концепции Ю. М. Скребнева. Его классификация основана на переосмыслении синтаксических значений предложения, таких как вопрос, утверждение, отрицание и побуждение [Скребнев 1975: 114]. Автором представлены три типа предложений: отрицательно-вопросительные, или несобственно-утвердительные предложения, которые являются разновидностью риторического вопроса. Это предложения формально вопросительные, но утвердительные в плане содержания. Второй тип – несобственно-отрицательные предложения, содержащие отрицательное значение, которое формально не выражено. Такие предложения актуализируют коннотации недоверия, несогласия, иронии. Третий тип – несобственно-побудительные предложения, выполняющие функцию вопросительного предложения. Роль этих предложений заключается в актуализации семы императивности без формального участия императива [там же: 114–115].

В функциональной стилистике рассматривается роль интеррогативности в текстах различных функциональных стилей. В научных текстах вопрошание трактуется как ментальная деятельность исследователя по выявлению и разрыванию нового знания [Чагин 2013]. Она направлена на изучение глубоких сторон сущности мира и человека, законов действительности в процессе научного познания. Целью интеррогатив-

ности в научном тексте является получение новых знаний о мире. Интеррогативность рассматривается как атрибут научного текста, как фактор, обуславливающий типологическое свойство научности текста [Алексеева, Шутёмова 2012: 7–8]. Вопрос в научном тексте способствует рефлексии, т. е. переосмыслению автором собственного знания, а также чужих мнений, концепций, научных результатов [Кобелева 2007]. Посредством использования вопросительных конструкций реализуется диалогичность научного текста, проявляющаяся в факторе адресованности речи [Викторова 2019: 57; Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 306–307]. М. Н. Кожина утверждает, что текстам научного стиля присуща эмотивность и экспрессивность. В качестве средств усиления выразительности она приводит использование проблемных вопросов и вопросно-ответных комплексов [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 302].

Интеррогативность в текстах, принадлежащих к публицистическому функциональному стилю, направлена на реализацию одной из важнейших функций, присущих данным текстам, а именно экспрессивной функции. Вопрос здесь является средством обращения к читателю и концентрации читательского внимания на проблеме, освещаемой в тексте. В газетной речи вопрос необходим для создания атмосферы непринужденного взаимодействия между автором и читателем [там же: 359–360]. В официально-деловых текстах вопрос необходим для реализации стилевой черты точности, не допускающей интолкувания. В текстах данного типа широко используются уточняющие вопросы, направленные на восполнение недостающей информации, а также для осуществления регулировочной функции [там же: 335].

В текстах художественного стиля интеррогативность служит реализации индивидуально-авторской эстетической концепции. Интеррогативность как свойство художественного текста характеризуется субъективностью, эмотивностью, экспрессивностью, оценочностью. В художественном тексте интеррогативность репрезентирована различными средствами поэтического синтаксиса. И. И. Ковтунова, изучая особенности поэтического синтаксиса, разделяет вопросительные высказывания на два типа: вопросительные высказывания с невопросительным значением (риторический / квазивопрос), являющиеся экспрессивной формой утверждения, и вопросительные высказывания с собственно вопросительным значением. Лирические вопросы могут быть обращены как к внутреннему адресату, так и к внешнему, который может быть эксплицирован в виде читателя, человечества и некоего «наадресата». Характерной чертой лирического

вопроса является его безответность, т. е. целью вопроса не является получение ответа, его функция – воспроизвести динамику эмоционального и мыслительного процесса (внутреннюю работу мысли) [Ковтунова 1986: 128–142]. Лирические вопросы, по И. И. Ковтуновой, обладают познавательной ценностью, поскольку в поэзии ставятся вопросы о сути вещей, о времени, о судьбах и т. д. В этом, по мысли исследователя, воплощается познавательная природа лирики. К функциям лирического вопроса И. И. Ковтунова относит модальную (выражение желания / нежелания, эмоциональной оценки), изобразительную (характеристика событий, героев и т. д.), коммуникативную (донесение сообщения) [там же].

Проблема изучения интеррогативности как языкового и речевого явления актуальна и в современных зарубежных исследованиях. Как и в отечественных работах, в них освещаются проблемы грамматики, стилистики, функционального потенциала вопросительных предложений, их роли в различных типах дискурса (педагогическом, психологическом, юридическом и других), их прагматического воздействия. Эти вопросы рассматриваются на материале разных языков: английского, норвежского, немецкого, китайского и его диалектов, еврейского, испанского, японского и др. Актуально изучение границ вопросительного и невопросительного значения в вопросительных конструкциях, например, в специальных вопросах (wh-questions), которые, по мнению исследователей, в конкретном речевом акте функционируют как риторические вопросы [Ozerov 2019]. Актуализация невопросительного значения в вопросах подобного типа зависит от таких факторов, как интонация, цель сообщения, коммуникативная ситуация в целом [там же]. В поэтике риторический вопрос выполняет функции эмоционального окрашивания речи и создания образности. Отмечается активное использование риторического вопроса не только в художественном дискурсе, но и в публичной речи, где данный стилистический прием зачастую необходим для убеждения оппонента [Cuddon 2013: 606]. Как мы видим, понимание риторического вопроса, представленное в зарубежной лингвистической традиции, не противоречит отечественным взглядам на данную проблему.

Частотны также междисциплинарные исследования на стыке лингвистики, психологии, педагогики, экономики. Например, коммуникация рассматривается учеными в терминах микроэкономики, поскольку запрос информации сравнивается с затратами, которые говорящий стремится минимизировать. Предлагается социально-экономическая модель коммуникации, в которой участники избегают использования вопросов или

предпочитают общие вопросы с целью получения самой необходимой и максимально сжатой информации [Siemund 2017]. Актуальны исследования, посвященные проблемам детской речи, поведения детей, где понятие интеррогативности также является одним из ключевых. Так, изучаются проблемы усвоения грамматики (инверсия при построении вопросительных предложений) у детей-билингвов [Cuza 2016]; интерес представляют проблемы детской познавательной активности в условиях урока в различных коммуникативных ситуациях [Albu 2015]. Полагают, что желание и способность задавать вопросы является необходимым компонентом процесса обучения и компетенцией, которая формируется в определенных условиях. Предлагается классификация типов поведения преподавателя, которые способствуют более или менее «вопросительности» на занятиях с детьми: «разъяснительная» (expository) модель поведения педагога, «описательно-объяснительная» модель (descriptive – expository – explanatory) и «вопросительно-поисковая» модель (interrogative – investigative – explanatory). Последняя модель поведения педагога на занятии считается наиболее способствующей развитию когнитивных способностей студентов и развивает в них понимание ценности научного поиска и выведения знания [там же].

Подводя итог обзору вышеизложенных концепций, мы можем сделать вывод, что в лингвистике интеррогативность осмысливается комплексно с позиций коммуникативного, семантического, стилистического, грамматического, когнитивного аспектов. В науке признается гносеологический потенциал интеррогативности, неоднородность функций, сложная семантическая организация, стилистическая вариативность, диалогичность, коммуникативная и когнитивная обусловленность. Ввиду семантической и функциональной неоднородности интеррогативности возникает проблема несоответствия вопросительной семантики и способов ее языковой репрезентации. Следовательно, мы можем говорить о наличии в тексте явной, эксплицитной интеррогативности, которая выражена формальными показателями вопроса (интонация, инвертированный порядок слов, слова-маркеры), а также имплицитной интеррогативности, которая является в контексте, но не выражена формально вопросительными средствами. В функциональном аспекте интеррогативность непосредственно связана с текстообразующей функцией, а также служит реализации свойств образности в художественном тексте, точности в официально-деловом тексте, экспрессивности и апеллятивности в публицистическом тексте и научности в научном тексте.

Список литературы

- Аверьянов Л. Я. Почему люди задают вопросы? М.: Социолог, 1993. 152 с.
- Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Типология перевода. Пермь, 2012. 198 с.
- Аристотель. Аналитики. Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. URL: <http://bookre.org/reader?file=63-9912&prg=437> (дата обращения: 10.12.2019).
- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2006. 384 с.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 380 с.
- Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М.: «Прогресс», 1981. URL: <https://scicenter.online/logika-uchebnik-scicenter/logika-voprosov-otvetov-moskva-progress.html> (дата обращения: 05.11.2019).
- Вольф М. Н. Эпистемический поиск в диалоге Платона «Менон» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4(16). С. 146–159.
- Викторова Е. Ю. О некоторых проявлениях диалогичности в русском научном дискурсе // Филология в XXI веке. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 57–62.
- Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 562 с. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html> (дата обращения: 01.11.2019).
- Волюшина Т. Г., Миронова Г. В. Семантика и прагматика косвенных речевых актов вопросительных конструкций (на материале англоязычных сценарных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69). С. 72–74.
- Гадамер Г. Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf (дата обращения: 15.12.2019).
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. URL: <https://topuch.ru/i-galeperin-ocherki-po-stilistike-anglijskogo-yazika/index17.html> (дата обращения: 26.09.2019).
- Декарт Р. Правила для руководства ума // Рене Декарт. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3958> (дата обращения: 15.12.2019).
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/esper/ (дата обращения: 02.11.2019).
- Кессиди Ф. Х. Сократ. СПб.: Алетейя, 2001. 345с. URL: <http://platoakademeia.ru/index.php/ru/e-library/researches/itemlist/category/26-ksocr> (дата обращения: 15.12.2019).
- Кобелева М. А. Категория интеррогативности как атрибут научного текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. Вып. 1(79). С. 57–61.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
- Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Наука, 2008. 463 с.
- Логинов А. В. Функциональная периферия категории интеррогативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012а. № 5(16). С. 104–108.
- Логинов А. В. Лексические средства выражения семантики интеррогативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012б. № 6(17). С. 82–85.
- Мостовая Л. А. Вопросительные косвенные речевые акты (КРА) со значением отрицания // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2(9). С. 112–114.
- Мостовая Л. А. Риторический вопрос в группе косвенных речевых актов // Вестник РУДН. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. М., 2009. № 4. С. 39–45.
- Нерсеяну В. С. Сократ. М.: Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1996. 312 с. URL: <https://e-libra.ru/read/435304-sokrat.html> (дата обращения: 18.12.2019).
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 18.12.2019).
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки слав. культуры, 2001. 544 с.
- Прытков В. П., Ивлев Ю. В., Симонов А. И. Вопрос и ответ // Гуманитарный портал. 2019. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7350> (дата обращения: 15.12.2019).
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 20.12.2019).
- Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 20.12.2019).
- Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 175 с.
- Сычева И. Б. Встречный вопрос и его функционирование в динамике диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003167152#?page=1> (дата обращения: 06.11.2019).

Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/-philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (дата обращения: 12.12.2019).

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. URL: http://www.odinblago.ru/haideger_prolegomeni/ (дата обращения: 12.12.2019).

Чегин И. В. Научное вопрошание и проблемы научного перевода // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: сб. тез. докл. ежегодной междунар. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. С. 35–36.

Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Т.2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. URL: <https://scicenter.online/russkiy-yazyk-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelny-96649.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Albu G. Interrogative Style in the Subsequent Development of School. Case Study // *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 2015. P. 1548–1554.

Cuddon J. A. *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. Penguin, 2013. 996 p.

Cuza A. The Status of Interrogative Subject–Verb Inversion in Spanish-English Bilingual Children // *Lingua*. 2016. Vol. 180. P. 124–138. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S024384116300274> (дата обращения: 20.01.2020).

Hintikka J., Harris S. On the Logic of Interrogative Inquiry // *Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 1988. Vol. 1. P. 233–240.

Mutanen A. The Interrogative Model of Inquiry as a Logic of Scientific Reasoning // *Вестник РУДН. Философия*. М., 2011. № 3. С. 22–30.

Ozerov P. This is not an Interrogative: the Prosody of “Wh-questions” in Hebrew and the Sources of Their Questioning and Rhetorical Interpretations // *Language Sciences*. 2019. Vol. 72. P. 13–35. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0388000118300263> (дата обращения: 20.01.2020).

Siemund P. Interrogative Clauses in English and the Social Economics of Questions // *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 119. P. 15–32. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216616306853> (дата обращения: 10.12.2019).

References

Aver'yanov L. Ya. *Pochemu lyudi zadayut voprosy?* [Why do people ask questions?]. Moscow, Sotsiolog Publ., 1993. 152 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Shutemova N. V. *Tipologiya perevoda* [Typology of translation]. Perm, Perm State University Press, 2012. 198 p. (In Russ.)

Aristotle. *Analitiki* [Analytics]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1952. Available at: <http://bookre.org/>

reader?file=639912&pg=437 (accessed 10.12.2019). (In Russ.)

Arnold I. V. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Contemporary English language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)

Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning. Issues of logic and semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 380 p. (In Russ.)

Belnap N., Steel T. *Logika voprosov i otvetov* [The logic of questions and answers]. Moscow, Progress Publ., 1981. Available at: <https://scicenter.online/logika-uchebnik-scicenter/logika-voprosov-otvetov-moskva-progress.html> (accessed 05.11.2019). (In Russ.)

Volf M. N. Epistemicheskiy poisk v dialoge Platona 'Menon' [Epistemic inquiry in Plato's Meno]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2011, issue 4 (16), pp. 146–159 (In Russ.)

Viktorova E. Yu. O nekotorykh proyavleniyakh dialogichnosti v russkom nauchnom diskurse [On some manifestations of dialogism in Russian scientific discourse]. *Filologiya v XXI veke* [Philology in the 21st century]. Perm, Perm State University Press, 2019, pp. 57–62. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Studies on Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 562 p. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html> (accessed 01.11.2019). (In Russ.)

Voloshina T. G., Mironova G. V. Semantika i pragmatika kosvennykh rechevykh aktov voprositel'nykh konstruktsiy (na materiale angloyazychnykh stsenarnykh tekstov) [Semantics and pragmatics of indirect speech acts of interrogative constructions (based on English-language scenarios)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, issue 3, pp. 72–74. (In Russ.)

Gadamer H. G. *Istina i metod* [Truth and method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf (accessed 15.12.2019). (In Russ.)

Gal'perin I. R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on English stylistics]. Moscow, 1958. Available at: <https://topuch.ru/i-r-galeperin-ocherki-po-stilistike-angliyskogo-yazyka/index17.html> (accessed 26.09.2019). (In Russ.)

Descartes R. *Pravila dlya rukovodstva uma* [Rules for the direction of the mind]. *Rene Dekart. Sochineniya v 2 t.* [Rene Descartes. A collection of works in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/-basis/3958> (accessed 15.12.2019). (In Russ.)

- Jespersen O. *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow, 1958. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/esp/er/ (accessed 02.11.2019). (In Russ.)
- Kessidi F. Kh. *Sokrat* [Socrates]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 345 p. Available at: <http://platoakademeia.ru/index.php/ru/e-library/researches/itemlist/category/26-ksocr> (accessed 15.12.2019). (In Russ.)
- Kobeleva M. A. Kategoriya interrogativnosti kak atribut nauchnogo teksta [Interrogativity category as an attribute of scientific text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2007, issue 1(79), pp. 57–61. (In Russ.)
- Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)
- Kovtunova I. I. *Poeticheskij sintaksis* [Poetical syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 463 p. (In Russ.)
- Loginov A. V. Funktsional'naya periferiya kategorii interrogativnosti [Functional periphery of interrogativity category]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2012, issue 5, pp. 104–108. (In Russ.)
- Loginov A. V. Leksicheskie sredstva vyrazheniya semantiki interrogativnosti [Lexical means of expressing the semantics of interrogativity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2012, issue 6, pp. 82–85. (In Russ.)
- Mostovaya L. A. Voprositel'nye kosvennye rechevye akty (KRA) so znacheniem otritsaniya [Interrogative indirect speech acts with negative meaning]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2008, issue 2, pp. 112–114. (In Russ.)
- Mostovaya L. A. Ritoricheskij vopros v gruppe kosvennykh rechevykh aktov [Rhetorical question in the group of indirect speech acts]. *Vestnik RUDN. Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching], 2009, issue 4, pp. 39–45. (In Russ.)
- Nerseyants V. S. *Sokrat* [Socrates]. Moscow, INFRA-M – NORMA Publ., 1996. 312 p. Available at: <https://e-libra.ru/read/435304-sokrat.html> (accessed 18.12.2019). (In Russ.)
- Austin J. Slovo kak deystvie [A word as an action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 18.12.2019). (In Russ.)
- Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Syntax of the Russian language from a scientific perspective]. Moscow, LRC Publishing House, 2001. 544 p. (In Russ.)
- Prytkov V. P., Ivlev Yu. V., Simonov A. I. Vopros i otvet [Question and answer]. *Gumanitarnyy portal* [Website of the Humanities], 2019. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7350> (accessed 15.12.2019). (In Russ.)
- Searle J. R. Kosvennye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 20.12.2019). (In Russ.)
- Searle J. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutory speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 15.12.2019). (In Russ.)
- Skrebnev Yu. M. *Ocherk teorii stilistiki* [Essay on theory of stylistics]. Gor'kiy, 1975. 175 p. (In Russ.)
- Sycheva I. B. *Vstrechnyy vopros i ego funktsionirovanie v dinamike dialoga*: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Counter-question and its functioning in the dynamics of dialogue. Abstract of cand. philol. sci. diss.]. Orel, 2008. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003167152#?page=1> (accessed 06.11.2019). (In Russ.)
- Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkiv, Folio Publ., 2003. 503 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (accessed 12.12.2019). (In Russ.)
- Heidegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni [History of the Concept of Time: Prolegomena]. Tomsk, 1998. Available at: http://www.odinblago.ru/haideger_prolegomeni/ (accessed 12.12.2019). (In Russ.)
- Chagin I. V. Nauchnoe voproskanie i problemy nauchnogo perevoda [Scientific interrogation and issues of scientific translation]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki. Sbornik tezisov dokladov ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii* [Current issues of German, Romance and Russian languages studies. Proceedings of annual international conference]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2013, pp. 35–36. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 2. Sintaksis [Syntax]. Available at: <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.html> (accessed 15.10.2019). (In Russ.)

Albu G. Interrogative style in the subsequent development of school. Case study. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, 2015, pp. 1548–1554. (In Eng.)

Cuddon J. A. *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. Penguin, 2013. 996 p. (In Eng.)

Cuza A. The status of interrogative subject–verb inversion in Spanish-English bilingual children. *Lingua*, 2016, vol. 180, pp. 124–138. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S024384116300274> (accessed 20.01.2020). (In Eng.)

Hintikka J., Harris S. On the logic of interrogative inquiry. *Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, 1988, vol. 1, pp. 233–240. (In Eng.)

Mutanen A. The interrogative model of inquiry as a logic of scientific reasoning. *Vestnik RUDN. Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy], 2011, issue 3, pp. 22–30. (In Eng.)

Ozerov P. This is not an interrogative: the prosody of 'wh-questions' in Hebrew and the sources of their questioning and rhetorical interpretations. *Language Sciences*, 2019, vol. 72, pp. 13–35. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0388000118300263> (accessed 20.01.2020). (In Eng.)

Siemund P. Interrogative clauses In English and the social economics of questions. *Journal of Pragmatics*, 2017, vol. 119, pp. 15–32. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216616306853> (accessed 10.12.2019). (In Eng.)

INTERPRETATIONS OF THE NOTION 'INTERROGATIVITY' IN LINGUISTICS

Katerina Yu. Gladkova

Senior Lecturer in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. Katerina_G_L@mail.ru

SPIN-code: 9747-1840

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7603-2082>

Submitted 25.02.2020

The paper addresses different approaches to the interpretation of the notion 'interrogativity' in science. This notion is under constant study in different fields of knowledge, such as philosophy, logics, pedagogy, psychology, sociology, linguistics, literature studies, etc. The paper aims to study approaches to the interpretation of the notion 'interrogativity' in linguistics in its different aspects; therefore, the above notion is analyzed in grammar, semantics, stylistics, functional stylistics, pragmatics, theory of speech acts. The author also analyzes the notion in a historical retrospective, providing philosophical and logical background of its appearance in linguistics, where it preserves its epistemological sense. From the linguistic point of view, the semantics, functions and formal ways of representation of the above notion in language are considered in the paper. In the aspect of grammar, formal ways of representation of the above category are analyzed. In the aspect of semantics, the content and various functions are under consideration. From the stylistic point of view, the role of interrogativity in texts of various functional styles (e. g. literary text, scientific text, official documents, journalistic text) is analyzed. Numerous research works concerning the notion of linguistic interrogativity claim that it may be either explicit or implicit. Explicit interrogativity means that the semantics of interrogation is presented in the text by formal means of a question (word order, intonation, question words), while implicit interrogativity presupposes interrogative semantics in statements.

Key words: interrogativity; interrogative; question; rhetorical question; lyrical question; semantics; pragmatics; functional style.

УДК 81'28
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-18-24

НОМИНАЦИЯ СТАРЫХ ДЕВ И ХОЛОСТЯКОВ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Ирина Борисовна Качинская

к. филол. н., младший научный сотрудник кафедры русского языка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

111991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1. kacza@yandex.ru

SPIN-код: 6027-2137

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5707-6848>

ResearcherID: C-3732-2019

Статья поступила в редакцию 17.04.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Качинская И. Б. Номинация старых дев и холостяков в архангельских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 18–24. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-18-24

Please cite this article in English as:

Kachinskaya I. B. Nominatsiya starykh dev i kholostyakov v arkhangel'skikh govorakh [Denomination of Spinsters and Bachelors in Arkhangelsk Dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 18–24. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-18-24 (In Russ.)

Рассмотрена номинация и мотивация номинации старых дев и холостяков, т. е. людей, которые никогда не выходили замуж (не женились) или выходили замуж не вовремя, т. е. позже срока, считавшегося «нормой».

Для номинации девушки, вовремя не вышедшей замуж, в архангельских говорах зафиксировано около 20 лексем и около 30 атрибутивных сочетаний. Соответственно для обозначения *холостяка* также зафиксировано около 20 лексем и полутора десятков словосочетаний. Для обозначения *старой девы* употребляются те же лексемы, что и для номинации собственно девушки в брачном возрасте: *дева*, *девица*, *девушка* и др. Слова, имеющие прямое значение в группе половозрастной номинации, получают иное значение, переходя в лексико-семантическую группу «Социальный статус». Те же лексемы могут использоваться и в других значениях, например, 'незамужней женщины, родившей вне брака'. Мотивацией для образования лексем, обозначающих *старую деву*, могут явиться словосочетания или фразеологизмы.

Обращают на себя внимание параллельные наименования: *старая (престарелая, пожилая) дева* ~ *старый (пожилой) парень*, *старуха, старица* ~ *старик, старец*; *перестарок* – и для мужчины, и для женщины; *холостовка, холостячка* ~ *холостяк*; *бобыль* ~ *бобылка*. Но параллелизм этот может быть чисто внешним. Потому что, когда речь идет о холостом мужчине, имеется в виду, как правило, ещё не женившийся парень, а когда о женщине – как правило, уже не вышедшая замуж девушка. Смена акцентов оказывается весьма значительной.

Иллюстрации взяты из вышедших томов «Архангельского областного словаря», его обширной картотеки и собственных полевых записей автора.

Ключевые слова: термины родства; брачные отношения; безбрачие; старая дева; холостяк; северные говоры; архангельские говоры.

С терминами родства тесно соотносится лексико-семантическая группа, связанная с половозрастной номинацией, а также группа, связанная с определением социального статуса в отношении к браку. В традиционной народной культуре все, что определяется как норма, имеет высокий со-

циальный статус. Это замужняя женщина и женатый мужчина; дети, рожденные в браке; супруги, хорошо выполняющие свои функции в браке, т. е. заботящиеся друг о друге, о детях, о доме, о престарелых родителях. Все, что противоречит норме, получает отрицательную оцен-

ку. Соответственно низкий социальный статус имеют люди, по разным причинам не состоящие в браке, т. е. одинокие мужчины и женщины, старые девы и холостяки, вдовы и вдовцы, разведенные супруги; внебрачные дети; дети, потерявшие или не имеющие родителей (или одного из родителей), т. е. сироты; бездетные супруги; женщина, родившая вне брака; женщина и мужчина, плохо выполняющие свои функции в браке (плохие родители, плохие супруги – например, гулящие, пьющие); муж, пришедший жить в дом жены.

В настоящей статье рассматривается номинация и мотивация номинации старых дев и холостяков, к которым относятся женщины, никогда не вышедшие замуж, женщины, вышедшие замуж не вовремя, т. е. позже срока, считавшегося «нормой», мужчины, которые никогда не женились. *Старым девам* и – шире – проблеме безбрачия посвящены работы, связанные как с русской традицией [Добрынкина 1876; Мухина 2013], так и зарубежной [Болонь 2010; Душенко 2011]; разделы в книгах, посвященных семейным и свадебным обрядам и обычаям [Гура 2012: 30–40]. Большой ряд лексем, обозначающих в разных русских говорах и славянских языках вовремя не вышедшую замуж женщину и холостяка, содержится в этнолингвистических энциклопедиях: см. словарные статьи «Вековуха» и «Холостяк» [Прокопьева 2005], «Старая дева» и «Холостой» [Кабакова 2005]; в книгах [Кабакова 2001: 158; Гура 2012: 34]. Примеры метафорических превращений терминов некровного и «аномального (нарушенного) родства», в том числе терминов, связанных с безбрачием и стародевичеством, в русских говорах на общеславянском фоне рассматривает Е. Л. Березович [Березович 2014: 263–284]. Чрезвычайно интересно оказалось сравнить наш материал с богатым материалом, собранным исследователями Пермского края: в обстоятельной статье Ю. В. Зверевой «Наименование человека по отношению к браку в пермских говорах» большое внимание уделено номинации и мотивации номинации старых дев и холостяков [Зверева 2013: 29–31].

В исследованиях много говорится о незавидной участи *старых девишек*, о приметах, предвещающих безбрачие, об обрядах, способствующих устранению такого безбрачия [Гура 2012: 34–40; Мухина 2013]. Но *старая девица* далеко не всегда была изгоем в обществе и вынуждена была жить на краю чужого семейного гнезда: «Девиц, которые не вышли замуж, а хотели жить самостоятельно, семья должна была обеспечить жилищем и долей движимого имущества» [Громыко 1991: 176]. Старые девы «вовлекались в

хозяйственную, ритуальную, религиозную деятельность, выполняли воспитательные и образовательные функции», т. е. они «составляли неотъемлемую, органичную часть крестьянского социума» [Мухина 2013: 50].

В фольклорных текстах постоянна насмешка над *старыми девишками*: *Села курушка на яйца и кричит: кара-кара! В сельсовет пришла бумага – старых девок на дрова. На бесёду не ходите, девки старокосые. И такая песня есть, што никто не возьмёт, только старый старенькой старец да вдовый вдовенькой вдовец*. В пословицах *старая дева* предстает как существо обиженное и злобное: *Где старая девка есть, там чёрта нет. Где есть козёл да стара девка есть, там чёрта нет. Невыхожжа девка да отставной солдат – само хуже. Отставны солдаты да невыходны девки – ноцевать не просись. Не просись ноцевать к отставным солдатам да к старым косоплёткам, они не пустят, злы. Да, мухи к осени, чем ближе к осени, тем они злее. Даже поговорка есть: нету злее осённой мухи да девки вековухи. Стара дева да осенна муха – злее нет*.

Однако после войны, с середины XX в., отношение к *старым девам* изменилось. Из-за массовой гибели мужчин на фронтах незамужним осталось целое поколение женщин 20-х гг. рождения. Если раньше статус *старой девы* предполагал безбрачие и как следствие – отсутствие семьи, жизнь на краю чужой семьи, то уже в 40–50-е гг. многое изменилось. Вдовы и *старые девы* сумели родить и воспитать детей. Именно поэтому в наших материалах, в записях с сер. 50-х гг., так часто появляются многодетные *старые девы* – матери и главы семейств. Изменились представления о брачном возрасте и о браке, о роли женщины в обществе и в семье (см. об этом [РС: 458–467]). И все же в деревне по-прежнему брак считается обязательной нормой, а безбрачие и рождение детей вне брака – отступлением от нее.

В архангельских говорах для номинации девишки, вовремя не вышедшей замуж, зафиксировано около 20 лексем и около 30 атрибутивных сочетаний. Соответственно для обозначения холостяка также зафиксировано около 20 лексем и полутора десятков словосочетаний. Обращают на себя внимание параллельные наименования: *старая (престарелая, пожилая) дева* ~ *старый (пожилой) парень, старуха, старица* ~ *старик, старец, перестарок* – и для мужчины, и для женщины, *холостовка, холостячка* ~ *холостяк, бобыль* ~ *бобылка*. Но параллелизм этот может быть чисто внешним. Потому что, когда речь идет о холостом мужчине, как правило, имеют в виду **ещё** не женившегося парня, а когда о женщине – как правило, **уже** не вышедшую замуж

девушку. Смена акцентов оказывается весьма значительной.

Для номинации *старой девы* используются те же лексемы, что и для номинации собственно девушки в брачном возрасте: *дева, девица, девичушка, девка, девочка, девушка: Не выходила замуж – дева. Она не выходила, девой век прожила. Не выходила, так в девах и осталась. Как-то ведь тоже браковали, оставались девами, то гуляет, там сгуляет ребёнка, а кто знает, за цё мужики бракуют девок? До старости всё девки, как не вышли замуж. В Ларькиной у нас одна девка есь на пензеи. Я девка, уж девка восемьдесят годов. Она не выходила взамуж, девоцка. Она у нас не выходила, она девушкой дак жила.*

Старая дева, никогда не выходившая замуж, могла иметь внебрачных детей. Поэтому одни и те же лексемы могут употребляться для номинации как женщины, никогда не бывшей замужем, так и женщины, имеющей внебрачных детей: *Девица – замужем не была, а двое детей у неё. Девушка четверых принесла: все парни как один. Пять дочерей вырастила девушка, вот.*

Девушка, не сохранившая девственность и родившая до замужества, – *бесчестная, нечестная, порченная, браковая, приносица: Мать эка у ней молоденька зачала таскаться с ребятами, а сейцяс все эки, ни одной нет целой, все порцены, как не стыдно замуж выходить, эки молоденьки, все уж спят с робятами, что за мода-та! Ведь и так нечестная вышла за нево. Нечестная – и ворота вымажут смолой, хороший парень брюхо сделает и возьмёт замуж. Если сама себя распустит, родит, дак браковая девка, сгупит, дак кто её будет брать? Браковая девка, её никто не будет брать. Бесчестна, приносица называли. Ой, эта приносица, принесла ребёнка, ей и укора. Девочка оберемнеет заранее, принесё, скажут приносица. А добрый парень прибрал – и хорошо, всё покрылося. Приносица – не девка, не жёнка.*

Эти же лексемы с корнем *дев-* сопровождаются атрибутивами *старая (старенькая, пристарелая), пожилая: Стара дева – не вышла взамуж-то. Стара дева Фёкла у нас, не выходила. Засиделась в девках – стара дева. Стара дева, уж если она не выйдет совсем. Новой рас не выходяют, не выходяют, а потом выйдут на больших годах – всяко живёт. Ницё не вдовела: из девок она, только стара-то девка, в годах. Тётка была старая деушка, ходила в Киев молиться. Старая девчонка, никто замуж не взял, в боковушке живёт. О, стара вешалка, 54 года – замужем не бывала. Пожилая девка – зажилась в девках, никто взамуж не берёт. Вот эта пожилая девушка, она-то замуж не выхаживала. Де-*

вок-то пожилых выписывали на фронт. Стрелилась пожила девица.

Рядом со *старой девкой* оказывается *старая жёнка: Стары жонки-ти – взамуж ичо не вышли.* К старым девам примыкают девушки, поздно вышедшие замуж: *Долго не пуцала (мать замуж), я долго девкой жила, двадцать восемь годов девкой жила. Двадцать пять годов, докуда ишо в девках сидеть?! Тогда и эта стара девка за него пошла. Вдовци, как овдовец, с двумя или тремя детьми – разбирали старых девок.*

Незамужняя женщина, родившая вне брака: *Она дева стара, не выходила замуж, у ей пригуляны дети. Матрёна не выходила, она стара дева, эта у ней нагуляна. Они потому стары девки, что робят впереди времени принесут. У ей людно робят, да старая девоцка была.*

Параллельно сочетанию *старая дева* и подобным появляется сочетание *старой (пожилой) парень (парничёк, молодец): Ну и бегай старым парнём, их тут много бегаёт. Старым-то называется, который неженатый дак. Старый парень – это неженатый, так старый парень. Парень с нами ходил старый, он не жанивался. Тут у Татьяны Фёдоровны Коля-то старый парень. Только не дедушка, парень – старой уже, не женатый. У меня парничёк-то уи старой. Парень такой пожилой, здоровой. А ко мне пожилой парень ходит, я его кормлю.*

Адъектив *старая (старелая)* может сопровождать не только лексемы, связанные с полом и возрастом, но и термины родства: *дочь, тётка, кока (одно из значений лексемы кока ‘тетка’): Старелая дочь, взамуж не взяли. Стара кока, если замуж не выйдет. Стары коки злы. Стары коки – старая дева. Дева-то стара кока – котора родила-то (вне брака). Ту старой тёткой зовут, што не выходит. Тётка и кока здесь, конечно, в половозрастном значении ‘женщины’, а не в качестве термина родства.*

Женщина, вовремя не вышедшая замуж, – *старица, старуха, перестарок: А девка замуж до тридцати годов не вышла – дак это старица. Старица – если никто взамуж не берёт. У нас у дяди на Слободках было семь девок-то, и первы-те в войну и позасидилися – старици можно называть. Раньше девки старицами оставались. Старицами-то плохо быть. Ой, она старуха, стара дева, взамуж не вытти. Вот это и гоорят – старуха, старуха в стороны осталась. Замуж не вышла, значит старая дева, перестарок. У меня дедушка женился на девушке, которая была перестарком, двадцать восемь лет, и принесла в придано восемьдесят сарафанов.*

Незамужняя женщина, родившая детей: *У нас Акулина-старуца троих выводила (детей).*

Холостой мужчина, который не женился до 30–40 лет, тоже *перестарок*: *Говорят, перестарки, с годов ушли. Семён, ужо сорок, перестарок.*

Если девушка долго остается в родительском доме – она *домовуха*, *доможивка*: *Так она и дожила свой век домовухой. Так она в доможивках-то и осталась-то. Мати да тоже была домовуха (родила вне брака).*

Не вышла замуж – *невыхожая* (*невыходная*) *девка* (*девоцка*): *Невыхожя, стара девка. Она-то девка невыхожя. У нас в городе много невыхожих девоцек. У нас в роду были таки невыхожихи, этой красной жизни тоже не опробовали.*

Зафиксированные лексемы *беззамужняя*, *безмужняя*, *безмужичница* могут быть соотнесены со *старой девой* и обозначать женщину-вдову: *Бегали безмужичницы. Она тоже безмужня, муж у ней был пьяного. Кака вдова, а у нас безмужня вдовица. У Аны у Петровны не бывали у завхозихи? Всю жизнь она безмужня.*

Мотивация может идти со стороны фразеологии. Сочетание *сидеть в девках* дает мотивацию существительным *посиделка*, *дева-посидела*, *девка-посиделка*, *посидельница*, *старая посидельница*, *засиделка*, *заседатель*: *Девкой сидеть будешь, скажут: стара дева, посиделка. Девка-посиделка была, дак взял. У их были две девки-посиделки. Старая посидельница – в девках сидит, замуж не ушла. Стара девка – заседатель. Дева – котора засиделка. Заседатель – если долго замуж не выходит, осталась заседателем, много осталось в эту войну заседателем.*

Идиома *век в девках (сидит)* мотивирует появление лексем *вековуша*, *вековуха*: *Вековуха – стара дева, замуж долго не шла. Вековух-то? Были. Кто ево знает, может, не брали, может, сами не шли. Вековуша зовут.* Возможно, название старой девы (или одинокой женщины) *векшей* связано именно с этим корнем, а не с основным значением слова *векша* ‘белка’: *Бывало, московка пришла да векшей прожила.*

Ярким отличием девушки была коса: замужние женщины обязаны были убирать волосы под специальную шапочку (*повойник*, *сороку* и др.), на людях на эту шапочку надевался платок. Женщина, вовремя не вышедшая замуж, продолжала ходить с непокрытыми волосами. *Косоплетка* – это и ‘узкая ленточка, веревочка, полоска ткани, которой завязывают конец косы’, и девушка, которая плетет косу. Старую деву называли *косоплётка*, *старая косоплётка*, *старокосая*, *девка старокосая*: *Семнацать лет девушка разова, а после двадцати – косоплётка, двадцать пять пройдёт, так и стара дева. До*

двадцати пети не назовут косоплёткой, до тридцати надо замуж выходить, я вот двадцати восьми замуж вышла. Косоплётка – така девоцка, котора замуж не выходила, а молода – дак всё жениха ждёт-то. Стара косоплётка, замуж не вышла и всё одну косу плетёт. Стара дева, да назовут как стара косоплётка, как разругаются, так: Иди ты, старая косоплётка, скажут. Ты старокоса, тебя никуды не берут. Эж, как бы у нас были старокосые, нас бы не отправляли! – всё эти тётушки за них делали. В последнем примере речь идет о том, что на общественные работы в лесопункт, если в семье был выбор, отправляли не замужних женщин и молодых девушек, а старых дев.

Основным и наиболее частотным значением лексемы *бобыль* является значение ‘бедный человек, не имеющий хозяйства, скотины, дома’, а также ‘ленивый, бесхозяйственный человек’. При этом развивается и значение ‘одинокий человек’ и ‘неженатый мужчина’: *Бобыль дак ходит, не работает. Ходит как бобыль. Бобыль – неженатого мужика тоже бобылём звали, а мы говорим, что бобыли – лентяи. Бобыли – лодыри. Бобыль – это как один мужчина-то неженатый. Не могут жениться, живут бобылями, нюхлы. Нюхлы – к девке подойти боится. Второй-то тоже бобыль ходит, холостой, неженатый, несемейный такой.*

Рядом с *бобылём* оказывается *бобылка*, *бобылиха*: *Бобылка – это женщина, которая не выходила ни разу замуж, а бобыль – кто никогда не женился. Мужик один – бобыль. А если одна – бобылиха. Я бобыль, а ты бобылка, я жеребчик, ты кобылка, посиди часок со мной, пострадаем под луной.*

Лексема *холостой* многозначна, как и ее дериваты. В числе значений: ‘пустой’, ‘без зародыша, без зерна’: *Холостой (колос), пустой, одна ось в ём. Да три года у нас хлеб не рожался, родится холостой. Холостяк, надо было спылить (опылить).* В значении ‘некрепкий, разбавленный’: *Холостой чай – одна вода буде, без заварки, этот чай мочой называется.* При этом *женить чай* говорят, когда несколько раз переливают заварку из чашки в чашку: *Давай я женю чай.* Таким образом – применительно к чаю – понятия *холостой* и *женатый* неожиданно оказываются не антонимами, а синонимами. О семантике слова *женить* как ‘разбавить водой’ см.: [Гура 2012: 765–770; Березович 2014: 227; Кучко 2018: 95].

Небеременная самка – *холостая*: *Беременная корова – стельная, котора родила уже – это холоста. Если сгуляла – тяжёла корова, если не сгуляла – холостая. Не обходилась, холоста значит. Холостые свиньи – ни разу дети не бы-*

ли, а потом они гуляют. Эта залёжка вёшна, холостой зверь. Но так могут назвать и небеременную женщину: *Замужня женищина холостой приехала, не с пузой.*

Молодая незамужняя девушка – *холостая, холостовка, холостяк: Доци-то есть холостая. А нас, я в девцонках была, от лесопунта направили картошку копать, нас девять было холостяков, девцонок, и одна женищинына. А холостые вы или замужем? Ну и то хорошо, все ударьтесь в науку, пока холостые, потом будет некогда. Ну што, холостовки?* Не только молодой человек, но и девушка, пока не вышла замуж, *холостит, холостует, холостяжит: Так мы с ей дружно ходили, холостили. Я холостовала. Когда мы холостовали, нас восемнадцать девчонок было.*

Неженатый мужчина: *холостой, холостяжный, холостяк, холостяга, холостяжник, холостяжка: Холостому друга, женатому – друга песня. Мужики тут и холостые, и женачи. Здесь остался холостяжый. Холостяжники вина напьются и распорятся. Холостяжка Максим. Холостяги за матерями живут. Холостяги гармонь возьмут и играют, их много-то было, холостяг.*

Одни и те же лексемы употребляются для обозначения и молодого, еще не женатого парня, и так и не женившегося, и разведенного, т. е. разведенный мужчина вновь получал статус холостяка: *Молодых совсем не назовём холостягой, только тех, чьё време прошло. Старый холостяга, захолостится, да и не женится. Молоды мужики есть – всё не женаты, старые холостяки. Женился, жёнка ли отошла, сам ли отогнал, не женится больше, холостяком ходит. Два раз женатой, а холостяк. Два раза холостым стал.*

Но женщина, оставшаяся без мужа, разведенная или вдова, – также *холостая, холостуха, девка: Мужик-от тоже пил да пил да с пьянки-то и умер, она так и живёт холостая. Прикладывают (выпивают), обе холостухи, богачухи. Тожо девкой жывёт* (после развода).

Женщина, вовремя не вышедшая замуж, старая дева: *холостяк, холостячка, холостая: Холостяк, девка стара, холостяком всё звали. Казачиха в дом нанялась, но детей не нянчила, холостячки в няньки наймутся. У нас много наженилося, у нас мало есть холостячек. Сестра холостая красной душой умерла.*

Настоящее исследование выполнено на материале русских говоров только одного региона – архангельского. Еще Н. И. Толстой говорил о возможности и даже необходимости изолированного рассмотрения материала в пределах одной языковой зоны: «Надо полагать, что без эт-

нически, территориально и лингвистически обозначенных, приуроченных и обособленных семиологий общая семиология в некотором отношении останется беспочвенной и без широких перспектив дальнейшего развития» [Толстой 1995: 26]. Иллюстрации взяты из вышедших томов «Архангельского областного словаря» [АОС], его обширной картотеки [КАОС] и собственных полевых записей автора.

Список литературы

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой, Е. А. Нефедовой. М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 1980–2019–. Вып. 1–20– (изд. продолжается).

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. 488 с.

Болонь Ж. К. История безбрачия и холостяков; пер. с фр. М.: Новое лит. обозр., 2010. 478 с.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 448 с.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.

Добрынкина Е. Стары девы в Муромском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1876. Т. 1, вып. II. 66 с.

Душенко К. В. Рец. на кн.: Болонь Ж. К. История безбрачия и холостяков // Вестник культурологии. 2011. № 2. С. 121–129.

Зверева Ю. В. Наименование человека по отношению к браку в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1(21). С. 28–35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-cheloveka-po-otnosheniyu-k-braku-v-permskih-govorah-viewer> (дата обращения: 12.04.2020).

Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2001. 335 с.

Кабакова Г. И. Старая дева. Холостой // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн. М., 2012. Т. 5. С. 154–155; 454–455.

КАОС – Картотека «Архангельского областного словаря». Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, филол. фак-т, каф. русского языка, каб. русской диалектологии.

Кучко В. С. К семантической реконструкции рус. *женить(ся)* на славянском языковом фоне // Образ человека в языке и культуре / ред. С. М. Толстая. М., 2018. С. 94–106.

Мухина З. З. Старые девы в русской крестьянской среде (вторая половина XIX – начало XX в.)

// Женщина в российском обществе. 2013. № 4. С. 50–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starye-devy-v-russkoy-krestyanskoj-srede-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-v/viewer> (дата обращения: 12.04.2020).

Прокопьева Н. Вековуха. Холостяк // Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство – СПб, 2005. С. 96–99; 668–670.

РС – Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2004. 848 с.

Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е. М.: Индрик, 1995. 512 с.

References

Arkhangel'skiy oblastnoy slovar' [Archangelsk Regional Dictionary]. Ed. by O. G. Getsova, E. A. Nefedova. Moscow, Moscow State University Press, Nauka Publ., 1980–2019, issues 1–19. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshchoslavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary against the common Slavic background: semantic and motivational reconstruction]. Moscow, Dmitry Pozharsky University Press, 2014. 488 p. (In Russ.)

Bologne J. C. *Istoriya bezbrachiya i kholostyakov* [The history of celibacy and bachelorhood]. Transl. from French. Moscow, New Literary Observer Publ., 2010. 478 p. (In Russ.)

Gromyko M. M. *Mir russkoy derevni* [The world of the Russian village]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 448 p. (In Russ.)

Gura A. B. *Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbolism]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 936 p. (In Russ.)

Dobrynina E. Starye devy v Muromskom uезде [Old maids in Murom district]. *Ezhegodnik Vladimirovskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Yearbook of Vladimir Provincial Statistical Committee]. Vladimir, 1876, vol. 1, issue 2. 66 p. (In Russ.)

Dushenko K. V. Retsenziya na knigu: Bolon' Zh. K. *Istoriya bezbrachiya i kholostyakov* [Book review: Bologne J. C. The history of celibacy and bachelorhood]. *Vestnik kul'turologii* [Herald of Culturology], 2011, issue 2, pp. 121–129. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zh-k-bolon-istoriya-bezbrachiya-i-holostyakov/viewer> (accessed 12.04.2020). (In Russ.)

Zvereva Yu. V. Naimenovanie cheloveka po ot-nosheniyu k braku v permskikh govorakh [Man nomination in the aspect of marriage in Perm dialects].

Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 1(21), pp. 28–36. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-cheloveka-po-otnosheniyu-k-braku-v-permskih-govorakh/viewer> (accessed 12.04.2020). (In Russ.)

Kabakova G. I. *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoj traditsii* [Anthropology of the female body in the Slavic tradition]. Moscow, Ladomir Publ., 2001. 335 p. (In Russ.)

Kabakova G. I. Staraya deva. Kholostoy [Old maid. Bachelor]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publisher LLC, 2012, vol. 5, pp. 154–155; 454–455. (In Russ.)

Kartoteka 'Arkhangel'skogo oblastnogo slovarja' [Card index of the Archangelsk Regional Dictionary]. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Department of Russian Language.

Kuchko V. S. K semanticheskoy rekonstruktsii rus. zhenit'(sya) na slavyanskom yazykovom fone [On the semantic reconstruction of the Russian 'zhenit'(sya)' (to marry) against the Slavic language background]. *Obraz cheloveka v yazyke i kul'ture* [The image of a man in language and culture]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, 2018, pp. 94–106. (In Russ.)

Mukhina Z. Z. Starye devy v russkoy krest'janskoy srede (vtoraya polovina 19 – nachalo 20 vv.) [Old maids in the Russian peasant environment (the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman In Russian Society], 2013, issue 4, pp. 50–57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/starye-devy-v-russkoy-krestyanskoj-srede-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-v/viewer> (accessed 12.04.2020). (In Russ.)

Prokop'eva N. Vekovukha. Kholostyak [Old maid. Bachelor]. *Muzhiki i baby: muzhskoe i zhenskoe v russkoy traditsionnoj kul'ture: illyustrirovannaya entsiklopediya* [Men and women: male and female In Russian traditional culture: an illustrated encyclopedia]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2005, pp. 96–99, 668–670. (In Russ.)

Russkij Sever: etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura. 12–20 veka [The Russian North: ethnic history and folk culture. The 12th–20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 848 p. (In Russ.)

Tolstoy N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura: Oчерки po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. 2nd edition. Moscow, Indrik Publ., 1995. 512 p. (In Russ.)

DENOMINATION OF SPINSTERS AND BACHELORS IN ARKHANGELSK DIALECTS

Irina B. Kachinskaya

Junior Researcher in the Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 111991, Russian Federation. kacza@yandex.ru

SPIN-code: 6027-2137

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5707-6848>

ResearcherID: C-3732-2019

Submitted 17.04.2020

Terms of kinship are closely related to the lexico-semantic group associated with gender and age denomination, as well as the group associated with the determination of social status. Everything considered a norm has a high social status. Married women and men, children born in marriage fall under the norm. A situation is considered normal when a woman and a man perform their functions in marriage well, i. e. they take care of each other, their children, elderly parents, the house; a woman lives in her husband's house. Everything that is contrary to the norm receives a negative assessment. Accordingly, people who are unmarried for various reasons, i.e. single men and women, have a low social status in traditional culture: spinsters and bachelors, widows and widowers, divorced spouses; illegitimate children; children who have lost or never had parents (or one of the parents), i. e. orphans; childless spouses; a woman who had a baby out of marriage; women and men who poorly perform their functions in marriage (bad parents, bad spouses – for example, drinkers, adulterers); a husband who came to live in his wife's house.

The article analyzes denomination and motivation for denomination of spinsters and bachelors, i. e. people who have never been married or got married at an older age as compared to what is considered 'normal'.

For the designation of a girl who did not get married in due time, about 20 lexemes and 30 attributive combinations were noted in Arkhangelsk dialects. Accordingly, there were noted about 20 lexemes and one and a half dozen word combinations designating a bachelor. To denote a spinster, there are used the same lexemes as for denoting a girl of marriageable age: virgin, girl, maid, etc. Words that have a direct meaning in the age and gender category receive a different meaning after being transferred to the lexico-semantic group 'Social status'. The same lexemes can be used in other meanings, for example, 'a woman who had a baby out of marriage'.

Word combinations or phraseological units may be a motivation for the formation of lexemes denoting a *spinster*.

Noteworthy are parallel names: *old / elderly maid* ~ *old/elderly guy*; *starukha, staritsa* ~ *starik, starets* (derived from the root 'star', which conveys the idea of being old); *perestarok* – for both men and women; *kholostyak* (which is explicitly translated as 'bachelor') ~ *kholostovka, kholostyachka* (feminine gender versions of 'kholostyak'); *bobyl'* ~ *bobylka*. However, this parallelism can be purely superficial: where a single man is concerned, the designations under study mean, as a rule, a guy who is not married yet; but when it comes to a single woman, the designations refer to a girl who has *already missed* the right time to get married. The change in the emphasis is very significant.

The study is based on the material from published volumes of the *Arkhangelsk Regional Dictionary*, its card catalog and the author's field notes.

Key words: kinship terms; marriage relations; spinster; bachelor; Northern dialects; Arkhangelsk dialects.

УДК 81.16
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-25-33

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ ЛИЦА, ЧИСЛА И МОДАЛЬНОСТИ В ИРРЕАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ МАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА

Наталья Игоревна Кикило

аспирант кафедры славянской филологии

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1. kikilo.natalia@gmail.com

SPIN-код: 7130-1820

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2151-6634>

IstinaResearcherID (IRID): 11952207

Статья поступила в редакцию 28.01.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кикило Н. И. Взаимодействие категорий лица, числа и модальности в ирреальных конструкциях македонского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 25–33. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-25-33

Please cite this article in English as:

Kikilo N. I. Vzaimodeystvie kategoriy litsa, chisla i modal'nosti v irreal'nykh konstruktsiyakh makedonskogo yazyka [Interaction of Grammatical Person, Number and Modality in Non-Factual Constructions in the Macedonian Language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 25–33. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-25-33 (In Russ.)

Рассматриваются особенности функционирования глагольной *да*-конструкции первого лица единственного числа в македонском литературном языке, которая в позиции независимого сказуемого имеет два значения: императивное и оптативное. Благодаря взаимодействию грамматических категорий лица, числа и модальности трансформируется значение *да*-конструкции, раскрывается ее функциональный потенциал выявлять коммуникативные интенции говорящего. При семасиологическом подходе описания *да*-конструкции в статье использовались функционально-грамматический и коммуникативно-прагматический методы. Материал исследования составляет около 200 примеров, собранных способом сплошной выборки из современных художественных и публицистических произведений на македонском литературном языке. Установлено: 1. *Да*-конструкция имеет полную лично-числовую парадигму с императивным значением, в которой форма 1 л. ед. ч. имеет особый статус. Императивная речевая ситуация не предполагает совпадения говорящего и адресата, поэтому данный лично-числовой вариант конструкции приобретает значение намерения, которое указывает на готовность говорящего совершить необходимое по его мнению действие. *Да*-конструкция 1 л. ед. ч. маркирует также момент принятия решения говорящим, показывая изменение когнитивного статуса субъекта. Исключения составляют *да*-конструкции с глаголами аудиовизуального восприятия, которые указывают на опосредованную каузацию адресата. 2. Независимая *да*-конструкция 1 л. ед. ч. с глаголами речи и ментального действия имеет тенденцию к идиоматизации, что обуславливает ее переход в разряд дискурсивных маркеров, которые благодаря функции метакомментирования текста / сообщения помогают говорящему выстраивать диалог в соответствии со своими коммуникативными намерениями. 3. Взаимодействие грамматических категорий в составе оптативной *да*-конструкции трансформирует формулы проклятия в формулы клятвы, функция которых – подтвердить истинность слов говорящего и его готовность принять последствия, если он солжет.

Ключевые слова: модальность; категория лица; коммуникативная интенция; дискурсивные маркеры; шифтерные категории; *да*-конструкция; македонский язык.

Категории языка, которые содержат информацию о физических координатах речевого акта (времени и месте) и указывают на его конкретных участников, называются шифтерными или дейктическими [Якобсон 1972]. Важное место шифтеров в грамматике любого естественного языка неоднократно подчеркивалось лингвистами, поскольку данные элементы служат реализации коммуникативной функции языка, обеспечивая взаимодействие участников речевого акта (говорящего и адресата), и подтверждают антропоцентричный характер языковых систем.

Лицо как шифтерная категория соотносит участников речевого акта и участников обозначаемой в высказывании ситуации (объединяет или разделяет их). Личное местоимение первого лица *Я*, а также его лично-числовая реализация в глагольной форме эксплицитно соотносит ситуацию высказывания с говорящим. Семантическое своеобразие данной лично-числовой формы характеризуется ее уникальной референтной способностью актуализировать новый субъект речи в каждом речевом акте, что, по утверждению Э. Бенвениста, становится опорной точкой для выражения субъективности и позволяет говорящему «присваивать себе язык целиком» [Бенвенист 1974: 296].

Особенности семантики первого лица часто оказывают непосредственное влияние на семантику и функционирование глагольных форм и конструкций (см. напр.: [Барентсен 2003; Стешевич 2015]). В македонском языке происходит сложное взаимодействие грамматических категорий лица, числа и модальности в составе независимой *да*-конструкции, которое является предметом исследования данной работы.

Независимой *да*-конструкцией (далее ДАК) в македонском языке называется сочетание частицы *да* и финитной формы глагола, которое имеет широкий спектр модальных значений, главные из которых – императивное (пример 1) и оптативное (пример 2):

1) – Ти си учел... ајде де. Ами ти, братко, кај мене **да дојдеш**, **да видиш** што е наука! (Б. Конески «Крчмите»). – *Учился ты... как же. А вот ты, дружок, приходи ко мне, посмотришь, что такое наука!*

2) – И јас само **да не се залежам**, туку ако ми е речено да умрам, нека умрам од на нозе, или на спиење, или како било, само не болен, – гласно си рече Никола кога се упати кон меаната. (Б. Смаќоски «Корениште»). – *Мне бы только не слечь, а если мне суждено умереть, пусть я умру на ногах или во сне, не важно, лишь бы не от болезни, – громко сказал Никола по дороге к трактиру.*

Финитная ДАК демонстрирует отсутствие ограничений на лично-числовые формы глагола,

что обеспечивает формальную полноту и стройность ее парадигмы. Формы первого лица единственного числа в ДАК открывают новый функциональный потенциал ее модальных значений, взаимодействуя также и с лексической составляющей глагола.

1. Императивная парадигма ДАК и форма 1 лица ед. ч.

Исследователи категории императивности и языковых средств ее выражения указывают на закономерную неоднородность парадигм в языках мира, где образование императивных форм происходит с помощью разных морфологических или синтаксических средств в зависимости от иерархии лично-числовых значений императива, которая располагает их согласно специфике прямой и опосредованной каузации действия [Aikhenvald 2010: 76; Гусев 2013: 55]:

2Sg → 2Pl → 1Pl.incl → 3 → 1Sg/1Pl.excl.

Вершиной иерархии является форма 2 л. ед. ч., которая указывает на прямую каузацию адресата говорящим, а на периферии находятся формы 1 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. эксклюзива, которые авторы семантической карты императива [Ван дер Аувера и др. 2004] характеризуют как «опосредованную каузацию говорящего самого себя / самого себя и других лиц, но не адресата». Для форм второго лица в императивной парадигме часто используются специальные синтетические формы повелительного наклонения (ср. мак. 2 л. ед. ч. *дојди!* 2 л. мн.ч. *дојдете!*), тогда как императив других лично-числовых форм выражается с помощью аналитических конструкций (ср. мак. 1 л. мн.ч. инклюзивное *да дојдеме!*; 3 л. мн.ч. *да дојдат!*).

Семантическая особенность глагольной формы 1 л. ед. ч. в составе императивных парадигм обращала на себя внимание многих исследователей. В зависимости от широкой или узкой трактовки семантики категории императива форма 1 л. ед. ч. включается в состав парадигмы форм повеления, например, со значением «самопобуждение» [Храковский, Володин 2002: 139] или же выносится за ее рамки, поскольку сложно предположить такую коммуникативную ситуацию, в которой говорящему нужно непосредственно приказывать самому себе, чтобы совершить желаемое действие; он контролирует выполнение действия и может просто его сделать [Гусев 2013: 51]. Мы разделяем вторую точку зрения, при которой императивными признаются все лично-числовые формы парадигмы (как синтетические, так и аналитические), кроме формы 1 л. ед. ч., в значении которой наблюдается семантический сдвиг благодаря взаимодействию катего-

рий лица, императивности, а также лексического значения глагола.

В македонском языке глагольные формы 1 л. ед. ч. входят в состав полной лично-числовой гомогенной парадигмы независимой ДАК, кото-

рая функционирует наряду с синтетическими формами повелительного наклонения 2 л., императивно-оптативными конструкциями для 3 л. с частицей *нека* и особой отрицательной формой 2 л. с частицами *немој (те) да* (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1 / Table 1

Синтетические формы императива Synthetic Imperative Forms

Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
2 л.	<i>читај / прочитај</i>	<i>читајте / прочитајте</i>
Отрицательная форма (только НСВ)	<i>не читај</i>	<i>не читајте</i>

Таблица 2 / Table 2

Аналитические конструкции с императивным значением Analytical Constructions with Imperative Meaning

1. <i>да+praes</i>		
лицо	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>да читам / прочитам</i>	<i>да читаме / прочитаме</i>
2 л.	<i>да читаш / прочиташ</i>	<i>да читате / прочитате</i>
3 л.	<i>да чита / прочита</i>	<i>да читаат / прочитаат</i>
Отрицательная форма	<i>да+не+praes</i>	
2. <i>нека+praes</i>		
лицо	ед. ч.	мн. ч.
3 л. ¹	<i>нека чита / прочита</i>	<i>нека читаат / прочитаат</i>
Отрицательная форма	<i>нека не чита / прочита</i>	<i>нека не читаат / прочитаат</i>
3. <i>немој / немојте да+praes</i>		
лицо	ед. ч.	мн. ч.
2 л. отрицательная форма (СВ и НСВ)	<i>немој да читаш / прочиташ</i>	<i>немојте да читате / прочитате</i>
4. <i>да не+perf</i> ²		
лицо	ед. ч.	мн. ч.
2 л. прохибитив (СВ и НСВ)	<i>да не си читал / прочитал</i>	<i>да не сте читале / прочитале</i>

1.1. Значение намерения

Аналитические конструкции «дополняют» синтетическую парадигму повелительного наклонения исходя из специфики каузации в речевом акте для каждого лица. «Слабым местом» парадигмы оказывается позиция 1 л. ед. ч., поскольку императивная речевая ситуация, как правило, не предполагает совпадения говорящего и адресата в одном лице, и категории вступают в противоречие. Происходит семантическая трансформация, при которой ДАК 1 л. ед. ч. приобретает значение **намерения**. Можно выделить несколько типизированных речевых ситуаций.

Ситуация А. В канонической речевой ситуации³ [Падучева 1996: 265] говорящий озвучивает свое намерение в присутствии адресата, который должен принять данную информацию к сведению для последующих действий:

3) Оди Цветко во ресторан и доаѓа келнерот. «Повелете што ќе наречате?» «**Да размислам малку**». По неколку минути... «Одлучивте ли?» (сб. «Вицови»). *Пришел Цветко в ресторан, подходит к нему официант. «Что будете заказывать?»*

«Еще думаю». Через несколько минут... «Вы решили?»

4) *Стојко: Да си ми жива, ќерко. (и подава златник). (...) А сега проштавајте, да одам веднаш дома да ги израдувам. (В. Иљоски «Бегалка»). Стојко: Будь жива-здорова, дочка (дает ей золотой). А сейчас прощаюсь, поспешу домой домашних обрадовать.*

5) – Има да седи, не го пуштаме помалку од десет дена! – Не може, Олга, има работа тука кај нас. Сега **да не ти објаснувам** по телефон! (Р. Бужаровска «Спроти големиот натпревар»). – *Он должен погостить подольше, не отпустим его раньше, чем через десять дней! – Он не может, Ольга, у него дела здесь. Не стану объяснять сейчас по телефону!*

В примере 3 говорящий фразой «*да размислам*» показывает официанту, что тому следует подождать с заказом; в примере 4 говорящий, будучи в гостях, оповещает хозяина о своем уходе, что можно трактовать как сигнал перехода для адресата к сценарию прощания и проводов гостя; в примере 5 говорящий дает понять адресату, что тема закрыта. ДАК намерения исполь-

зуется в ситуации нейтрально-вежливого регистра общения, когда, желая избежать использования прямого директивного высказывания в адрес собеседника, говорящий выбирает стратегию сообщения о собственных будущих действиях. В ДАК намерения действие является контролируемым и не требует непосредственного участия адресата. Сема контроля также соотносит ДАК 1 л. ед. ч. с императивным значением других лично-числовых форм парадигмы, как и сема желания / стремления осуществить действие. ДАК 1 л. ед. ч. часто используется также в сочетании с модально-императивной частицей **ајде** (рус. «давай / давайте»), что подтверждает органичное включение конструкции со значением намерения в парадигму с императивным значением. Р. Ницолова на материале болгарского языка определяет соотношение независимой ДАК 1 л. ед. ч. и императива следующим образом: «Форма 1 л. ед. ч. не выражает побуждения, а только представляет действие как необходимое по мнению говорящего, который демонстрирует готовность его осуществить, иногда в ответ на высказанное повеление слушателя, обращенное к нему. Такая *да*-конструкция содержит только часть значения императива, которая позволяет ей соотноситься с императивными конструкциями» [Ницолова 2008: 413].

Ситуация Б. Говорящий сообщает о своем намерении совершить действие, которое требует непосредственного участия самого адресата:

6) – Сега **ајде да ве честам**, им велама на криминалците, – голема услуга ми направивте. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). – *А сега давайте я вас угощу, – говорю я бандитам. – Вы мне очень подсобили.*

7) – **Да те запознаам**, – се сети Стефан. – Марија, ова е Адам. Едно силно и храбро момче. Вреди да го познаваш. (В. Петрески «Од маглата на север»). – *Давай я тебя познакомлю, – сказал Стефан. – Мария, это Адам. Сильный и храбрый парень. Тебе стоит с ним общаться.*

В составе ДАК используются глаголы, семантика которых включает адресата в качестве актанта (ср. мак. *да ти претставам, да ти помогнам, да те орасположам* и т. д.). Говорящий имплицитно запрашивает согласие адресата на участие в действии, которое он собирается совершить.

Ситуация В. Говорящий вербализует свое намерение, находясь наедине с собой. Такую условно речевую ситуацию можно встретить в художественных или публицистических текстах, когда для читателей по воле автора раскрывается ход мыслей и волевых интенций героя (пример 8, 10) или самого автора в публицистическом тексте, написанном от первого лица (пример 9):

8) Детето спие до мене, му го слушам дишењето, но не вртам глава. Се борам. Не сакам да го видам и се борам. (...) Слушам нешто почна да ми вели: сврти се, мори Небеска, и неговата уста со твојата душа дише. И, **а да го видам, а да не го видам**. Уште сум пренесена на фронтот долу, таму, си мислам, повеќе треба. (Петре М. Андреевски. «Небеска Тимјановна»). *Ребенок спит рядом со мной, я слышу его дыхание, но головы не поворачиваю. Сопротивляюсь. Не хочу его видеть и борюсь с собой. (...) И тут слышу, что-то мне нашептывает: повернись же ты, Небеска, ведь его ротик твоей душой дышит. И, дай посмотрю, нет, не буду. В мыслях я все еще на фронте, на юге, все думаю, что я там нужнее.*

9) Пред некој ден доаѓајќи со возилото кон дома си реков, **ајде да навратам** во големото „Веро“, ќе си пазарам што ми треба и право дома. (ст. «Сто и десет и сто», портал «Дневник online», 19.02.13). *Пару дней назад по пути домой говорю себе, а заеду-ка я в большой супермаркет «Веро», куплю, что мне нужно, и сразу домой.*

10) Михајло Горачинов нашол еден мотоцикл, му ја затегнува гаста и вика: – Ајде, Небеска, **ќе дојдеш** со мене? – **Да дојдам**, – велама, и се очекувам на седиштето зад него. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *Михаило Горачинов нашел какой-то мотоцикл, дает газу и кричит: Давай, Небеска, поедешь со мной? – Поеду, – говорю и устраиваюсь на сиденье позади него.*

В целом ряде контекстов значение намерения включает дополнительный компонент: независимая ДАК 1 л. ед. ч. **маркирует момент принятия решения говорящим**, когда меняется когнитивный статус субъекта. Особенно ярко данное частное значение иллюстрирует пример 8, в котором мать не решается посмотреть на ребенка, и ДАК (*да видам / да не видам*) передают ее метания. В примерах с этим компонентом значения говорящий выполняет упомянутое действие в ближайшем будущем (примеры 4, 9). В примере 10 в ответе используется не нейтральная форма будущего времени «*ќе дојдам*», которая содержится в вопросе, а маркированная ДАК.

ДАК со значением намерения семантически близки к формам будущего времени *ќе+praes*, обе конструкции могут употребляться в идентичных контекстах диалогического режима. Сравнив две конструкции, можно увидеть тонкую грань между темпоральностью и модальностью. Формы будущего времени создают проспективный по отношению к моменту речи план событий, которые произойдут в будущем; однако они не включают в себя **импульс** к совершению действия, тогда как в модальных конструкциях с ДАК 1 л. ед. ч. присутствует **волевой компонент**, который коррелирует с состоянием сознания субъекта / говорящего. Поэтому высказывания с временными будущими формами могут

быть определены как истинные или ложные, если в результате действие не будет иметь места, а высказывание с ДАК – нет, ср. позицию В. Ю. Гусева: «Теоретически совершению желаемого действия могут помешать какие-либо обстоятельства, на данный момент неизвестные говорящему. Поэтому из двух фраз *Я летом поеду отдыхать* (произнесенной с утвердительной интонацией) и *Поеду-ка я летом отдыхать* – в случае, если отдых не состоится, ложной окажется только первая» [Гусев 2013: 259].

1.2. Значение опосредованной каузации

Тем не менее ДАК 1 л. ед. ч. могут иметь императивное значение. Если в ее составе употребляются глаголы аудиовизуального восприятия, то значение конструкции следует интерпретировать как **опосредованную каузацию**: говорящий побуждает адресата совершить действие Б, которое станет причиной реализации действия А, выраженного глаголом аудиовизуального восприятия. Ср.:

11) А1 – минатиот петок, ноќно време, тема 8 март, љубовта кон жената и се околу тоа. (...) А госпоѓата за темата немаше ама баш ништо паметно да каже. Цело време верглаше едни те исти демек провокативни прашања (зарем со една вечера се покажува љубовта, зарем со еден цвет, зарем само еден ден постои во годината, **ајде да ве слушнам, ајде да ве слушнам**). (С. Мацановски-Трендо. «Трендоленд»). *А1 – прошлая пятница, ночной эфир, тема – 8 марта, любовь к женщине и все такое. (...) А ведущей совершенно нечего сказать по теме. Без конца повторяет одни и те же «провокационные» вопросы (разве один ужин может показать любовь, разве любовь в одном букете, разве только один день в году существует, давайте, что вы на это скажете, что вы на это скажете).*

12) *Мирса: Уште прашуваш! Ај да не те видам веќе! Ај ценом фати, аргатке ни една! (В. Иљоски «Бегалка»). Мирса: Ешћ спрашиваеш! И чтоб я тебя больше не видела! Убирайся, батрачка проклятая!*

13) *Ајде, ајде брзо, служба ме чека! Парите одве да ги видам! (Б. Конески «Крчмите»). Давајте, давајте бистро, меня служба ждет! Деньги чтоб здесь были!*

Действие «да ве слушнам» из примера 8 может реализоваться только при ответной реакции адресата, ДАК можно перефразировать следующим образом: «сделай(те) так, чтобы я вас услышала / высказывайтесь». Лично-числовые характеристики, лексическое значение глагола вкупе с модальным значением конструкции позволяет фразе «да те / ве слушнам» перейти в раз-

ряд фатических контактоустанавливающих элементов, которые функционируют в македонском языке для побуждения к коммуникации. В примере 10 ДАК выражает интенцию говорящего: побудить адресата создать условия для выполнения действия «да видам», т. е. имеет место именно каузация.

2. Независимая ДАК 1 л. ед. ч. в функции дискурсивных маркеров

Взаимодействие грамматических категорий в контексте дают возможность конструкции функционировать в качестве дискурсивных маркеров (далее ДМ) – незначительных (десемантизированных) единиц, которые обеспечивают связность текста / сообщения, помогая автору / говорящему строить успешную коммуникацию в соответствии со своими иллокутивными установками, выражать оценочные суждения и соотносить высказывания участников коммуникации с контекстом [Баранов, Плунгян, Рахилина 1996: 7]. Словарь социолингвистических терминов определяет ДМ как языковой инструмент структурирования дискурса [Михальченко 2006: 61].

В македонском языке независимые ДАК могут выполнять функцию ДМ во всех комбинациях лично-числовых форм, структура которых имеет разную степень идиоматичности и экспрессивности, например: уточняющий ДМ *да се разбереме* (рус. «не пойми меня неправильно»), который вводит принципиально важную, по мнению говорящего, информацию для понимания сообщения; ДМ *да речеме* (рус. «скажем») используется говорящим при указании на последующую гипотетическую ситуацию [Кикило 2017]. Первое лицо как единственного, так и множественного числа присуще глагольным формам в составе дискурсивных ДАК, поскольку ДМ являются для говорящего инструментом активного воздействия на адресата, через них выражаются оценочные суждения, происходит субъективное деление информации по шкале «важная-второстепенная». Семантический класс глагола также играет большую роль в своеобразии дискурсивной группы: в составе ДАК обычно используются глаголы речи (мак. *каже, рече, праша, повтори* и т. д.) и ментального действия (мак. *разбере, знае* и т. д.), поскольку именно эти классы глаголов способны к метакомментированию сообщения. В качестве примера будут рассмотрены два частотных ДМ с глаголом 1 л. ед. ч. *да речам / да кажам*, которые в македонском языке являются дублетными формами совершенного вида глагола «сказать» (см. табл. 3).

Сравнение ДМ с глаголом речи 1 л. ед. ч. *да речам* / *да кажам*
Comparative Analysis of Discourse Markers with the First-Person Singular Verb Form
***da rečam* / *da kažam* (Speech Verb)**

ДМ	(ајде / така) да речам / кажам	(ајде) да не речам / кажам
Значение	Уточнение, смягчает категоричность последующего утверждения. Рус. «так сказать»	Уточнение, «ложно» смягчающее категоричность утверждения, при этом уточнение обладает большей экспрессивностью. Рус. «чтоб не сказать»
Структура	1) ДМ не имеет валентности адресата; 2) нельзя изменить ед. ч. на мн. ч. глагола без изменения функции ДМ.	1) ДМ не имеет валентности адресата; 2) нельзя изменить ед. ч. на мн. ч. глагола без изменения функции ДМ
Пример	На пример, стануваш политичар (и тие се лајф коучи, ама од општа практика, така да речам), ветуваш дека ќе вработиш најмалку по еден човек од секое семејство, потоа мирно си профитираш од функцијата додека трае мандатот. (В. Андоновски «Велигденска: лајф коучи», портал Нова Македонија). <i>Например, становишња политиком (они тоже лајфкоучи, но обичеј практики, так казатъ), обещаеш даъ работу как минимум одному человеку в каждой семье, а потом спокойненько себе наживаешся, пока не выйдет твой срок полномочий</i>	Се беше толку прекрасно, да не речам идилично. (Р. Бужаровска «Медуза»). <i>Все было так прекрасно, если не сказать идилично</i>

Два ДМ имеют похожие структурные свойства, демонстрируя высокую степень идиоматичности: добавление частицы *не* в ДАК не модифицирует значение ДМ до противоположного, а добавляет экспрессивность последующему уточнению.

Другая группа дискурсивных ДАК формы 1 л. ед. ч. характеризуется меньшей степенью идиоматичности, поскольку в их структуре не присутствуют формальные ограничения на изменение компонентов:

а) может изменяться числовая характеристика глагольной формы, ср. мак. *да резимирам* – *да реземираме*;

б) нет ограничений на реализацию валентностей глагола (например, адресата и пациенса: мак. ДМ *да ти кажам* (*нешто*) имеет утвердительную интонацию с понижением тона на последнем слове конструкции);

в) конструкция допускает замену глагола на синонимичный без изменения функции (мак. *да скасам* – *да скратам*).

Однако благодаря функции метакомментирования сообщения / текста данная группа ДАК может быть также отнесена к разряду ДМ:

14) – **Да погодам**, вие немате ништо со неговата смрт. – Апсолутно ништо, господине Коловик. (В. Петрески «Од магла на југ до месечина на север»). – *Дайте угадаю, вы не имеете отношения к его смерти. – Абсолютно никакого, господин Коловик.*

15) Ова не се баш најдобри денови за моето интелектуално его. **Да не вратам** наоколу, еве ја причината: го гледав «Матрикс» и ништо не го разбрав! (С. Мацановски-Трендо «Трендоленд»). *Это не самые лучшие дни для моего умственного эго. Не стану ходить кругами, дело вот в чем: посмотрел я «Матрицу» и ничегошеньки не понял!*

16) И **да бидам искрен**, сакав да ја испрошета таа дискретно светла ноќ до Канео и до Самуилови кули, да види нешто и од Охрид. (Д. Пандев «Потполковникот»). *Честно говоря, я хотел устроить ей прогулку по тихой светлой ночи до Канео и Самуиловой крепости, чтобы она увидела и Охрид.*

Вторая группа дискурсивных ДАК выполняет функцию уточнения «коммуникативного намерения» говорящего – своеобразную модификацию значения намерения, описанного в разделе 1.1, которая стала возможной благодаря лично-числовой специфике ДАК.

3. Оптативное значение независимой ДАК 1 л. ед. ч. Трансформация «проклятие» – «клятва»

Вторым семантическим центром независимой ДАК является оптативное значение. Конструкция *да + praes* обозначает гипотетический статус ситуации, когда говорящий предполагает, что желаемая ситуация, которой не существует в реальном мире, имеет шанс произойти в настоящем или будущем (по субъективной оценке говорящего, которая часто не подчиняется объективным параметрам):

17) Не знам, дали мене ми свират штурците, дали мене ми светат свездите? Или на Господа? Не ја побарав свездата од Здравко. Ах, да знам која свезда е негова, да видам како гори, како трепери, кај се држи на небото! (П. М. Андреевски «Пиреј»). *Не знаю, для меня ли стрекочут сверчки, мне ли светят звезды? Или Господу? А вот звезду Здравко я искать не стала. Ах, кабы знать, какая звезда – его, увидеть бы, как она горит, как мерцает, где держится на небе!*

Включение в лично-числовую парадигму независимой ДАК с оптативным значением формы 1 л. ед. ч. не вызывает вопросов: естественно высказываться о желаниях, направленных на самого себя. Оптативное значение позволяет также конструкции использоваться в вербальных ритуалах благопожеланий и проклятий, которые показывают культурно обусловленную веру человека в магическую силу слова. Формулы проклятий, используя полный спектр лично-числовых возможностей глагола в ДАК в зависимости от структуры, показывают процесс семантической трансформации именно с глаголом 1 л. ед. ч. Говорящий редко проклиняет себя, и, как правило, форма 1 л. ед. ч. глагола будет трансформировать формулы проклятия в клятву (мак. *клетва – заклетва*), которая имеет функцию верифицировать слова говорящего:

18) Смртта треба да ми ја донесе господ, а не некои долни арамии. Не е така? Да не исчекам, ако не е! (П. М. Андреевски «Пиреј»). *Смерть должна прийти ко мне от господа, а не от рук каких-то разбойников. Ведь так? Чтоб мне не дожидаться смерти, если не так!*

19) Ако лажам, вели, одовде да не се поместам, место да не ми најде душата. Секаде да е зафатено, вели. (П. М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). *Если я лгу, говорит, с места мне не сойти, чтоб душа моя не нашла себе пристанища. Чтоб всюду уже было занято, говорит.*

20) Ама, пуст да останам, многу ми се бендисуваа сите тие кратенки како ХУЦ, МУЦ, ГУЦ, ЕМУЦ, АСУЦ... Од една страна ме засмејуваа (В. Петрушевски-Фили «Колумнистот»). *Но, будь я проклят, очень уж мне нравились все эти сокращения как ХУЦ, МУЦ, ГУЦ, ЕМУЦ, АСУЦ... С одной стороны, они меня смешили.*

Клятва гарантирует искренность говорящего, что оказывает иллокутивное воздействие на адресата. Перифраз можно сформулировать как «Пусть случится X, если я говорю неправду / если я не выполню обещанного», – присутствует связь ДАК с семантикой условия. Как отмечают исследователи (напр.: [Маслова 2011]), в формулах клятвы чаще используются индикативные формы глагола, чем императивные или оптативные (напр., мак. *се колнам, дека...*). Однако в македонском языке неиндикативная опта-

тивная ДАК является регулярным средством именно верификации сообщения.

Выводы

Особенности взаимодействия категорий лица, числа и модальности расширяют функциональные и семантические характеристики ДАК, которая становится важным языковым средством выражения иллокутивных установок говорящего:

1) в составе императивной парадигмы ДАК 1 л. ед. ч. приобретает значение **намерения**, которое указывает не на побуждение (или «самопобуждение»), а на готовность говорящего совершить необходимое по его мнению действие; в македонском языке данная конструкция маркирует момент **принятия решения говорящим**, показывая изменение когнитивного статуса субъекта; исключения составляют ДАК 1 л. ед. ч. с глаголами аудиовизуального восприятия, которые указывают на **опосредованную каузацию** в коммуникации;

2) независимая ДАК 1 л. ед. ч. с глаголами речи и ментального действия имеет тенденцию к идиоматизации и переходу в разряд **дискурсивных маркеров**, которые благодаря функции метакомментирования текста / сообщения помогают говорящему выстраивать диалог в соответствии со своими коммуникативными намерениями;

3) особенности лично-числовой формы глагола оптативной ДАК влияют на трансформацию формулы проклятия в **формулы клятвы**, функция которых – подтверждать истинность слов говорящего и его готовность принять последствия, если он солжет.

Шифтерная категория лица является своеобразным ключом для семантических трансформаций внутри парадигмы независимой ДАК, раскрывает ее функциональный потенциал, позволяя в интерпретациях выходить за строгие рамки императивного и оптативного значений.

Примечания

¹ В македонском литературном языке употребление частицы *нека* с другими лично-числовыми формами глагола ограничено. Также употребление отрицательной формы совершенного вида глагола с *нека* чаще всего имеет оптативное значение.

² Об отрицательных и прохибитивных аналитических конструкциях *немој / немојте да+praes* и *да не+perf* и своеобразии значений их лично-числовых реализаций см.: [Иванова 2017].

³ В терминологии Е. В. Падучевой канонической называется ситуация, когда четко идентифицируются фигуры говорящего и адресата в

единстве их времени и места, что происходит при непосредственной устной коммуникации или же ее имитации (например, в драматургических текстах).

Список литературы

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Барентсен А. О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица // Dutch contribution to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics. Amsterdam; N. Y., 2003. P. 1–33.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Ван дер Аувера Й., Гусев В. Ю., Добрушина Н. Р. Семантическая карта императива-горлатива // Володин А. П. (ред.) Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 36–60.

Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки слав. культуры, 2013. 338 с.

Иванова Е. Ю. Составные отрицательные формы императива в болгарском и македонском языках // Acta linguistica petropolitana: тр. института лингвистических исследований. XIII, ч. 3, 2017. С. 507–541.

Кикило Н. И. Дискурсивная функция независимой да-конструкции в македонском языке // Славяноведение. 2017. № 1. С. 95–102.

Маслова А. Ю. Семантико-прагматические особенности речевого акта клятвы в сопоставительном аспекте (на материале русского, сербского и болгарского языков) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6–2. С. 414–417.

Михальченко В. Ю. (отв. ред.) Словарь социолингвистических терминов. М.: ИЯ РАН, 2006. 312 с.

Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Св. Климент Охридски, 2008. 523 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Стешевич В. Ю. Автопобуждение в русском и сербском языках // Славяноведение. 2015. № 1. С. 93–100.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя: сб. статей / под ред. Б. А. Успенского. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

Aikhenvald A. Y. Imperatives and Commands. N. Y.: OUP, 2010. 520 p.

References

Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A guide to the discourse words of the Russian language]. Moscow, Pomovskiy i partnery Publ., 1993. 207 p. (In Russ.)

Barentsen A. O pobuditel'nykh konstruktsiyakh s ispolnitelem 1-go litsa [On imperative constructions with a 1st-person actor]. *Dutch contribution to the Thirteenth International Congress of Slavists*. Ljubljana, Linguistics, Amsterdam, New York, 2003, pp. 1–33. (In Russ.)

Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p. (In Russ.)

Van der Auwera J., Gusev V. Yu., Dobrushina N. R. Semanticheskaya karta imperativa-gortativa [A semantic map for the imperative-hortative]. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike: K 70-letiyu prof. V. S. Khrakovskogo* [Typological explanations in grammar: To the 70th anniversary of Prof. V. S. Khrakovsky]. Ed. by A. P. Volodin. Moscow, Znak Publ., pp. 36–60. (In Russ.)

Gusev V. Yu. *Tipologiya imperativa* [Typology of the imperative]. Moscow, LRC Publishing House, 2013. 338 p. (In Russ.)

Ivanova E. Yu. Sostavnye otritsatel'nye formy imperativa v bolgarskom i makedonskom yazykakh [Compound negative forms of the imperative in Bulgarian and Macedonian]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvистических issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Works of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences]. 2017, vol. 13, pt. 3, pp. 507–541. (In Russ.)

Kikilo N. I. Diskursivnaya funktsiya nezavisimoy da-konstruktsii v makedonskom yazyke [Discursive function of the da-construction in the Macedonian language]. *Slavyanovedenie* [Slavianovedenie], 2017, issue 1, pp. 95–102. (In Russ.)

Maslova A. Yu. Semantiko-pragmaticheskie osobennosti rechevogo akta klyatvy v sopostavitel'nom aspekte (na materiale russkogo, serbskogo i bolgarskogo yazykov) [Semantic and pragmatic features of the speech act of oath in the contrastive perspective (Based on the Russian, Serbian and Bulgarian languages)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2011, issue 6–2, pp. 414–417. (In Russ.)

Mikhal'chenko V. Yu. (Ed.) *Slovar' sotsiolingvистических terminov* [Glossary of sociolinguistic terms]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006. 312 p. (In Russ.)

Nitsolova R. *Bălgarska gramatika. Morfologiya*. [Bulgarian Grammar. Morphology]. Sophia, Saint Clement of Ohrid Publ., 2008. 523 p. (In Bulg.)

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic Studies (Semantics of Tense and Aspect in the Russian Language; Semantics of Narrative)]. Moscow, Shkola 'Yazyki russkoy kul'tury' Publ., 1996. 464 p. (In Russ.)

Steshevich V. Yu. Avtopobuzhdenie v russkom i serbskom yazykakh [Imperative semantics in the first person in the Russian and Serbian languages]. *Slavyanovedenie* [Slavianovedenie], 2015, issue 1, pp. 93–100. (In Russ.)

Khrakovskiy V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa: Russkiy imperativ* [Semantics and typology of the imperative: Russian imperative]. 2nd edition. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)

Yakobson R. O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of the typological analysis of languages belonging to different systems]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 95–113. (In Russ.)

Aikhenvald A. Y. *Imperatives and Commands*. N. Y., OUP, 2010. 520 p. (In Eng.)

INTERACTION OF GRAMMATICAL PERSON, NUMBER AND MODALITY IN NON-FACTUAL CONSTRUCTIONS IN THE MACEDONIAN LANGUAGE

Natalia I. Kikilo

Postgraduate Student in the Department of Slavic Philology

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. kikilo.natalia@gmail.com

SPIN-code: 7130-1820

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2151-6634>

IstinaResearcherID (IRID): 11952207

Submitted 28.01.2020

The paper provides an in-depth analysis of functional features of the analytical first-person singular *da*-construction in the standard Macedonian language. When it is used in an independent clause, the *da*-construction has a wide range of modal meanings, the most common of which are imperative and optative. The interaction of the grammatical categories of person, number and modality in the *da*-construction leads to changes in its meaning and shows its functional potential to indicate the speaker's communicative intentions. The chosen semasiological approach to describing the *da*-construction is combined with the functional analysis and the communicative-pragmatic approach. The research material consists of about 200 examples gathered from contemporary Macedonian literary works and journalistic articles. 1. *Da*-construction has a full non-defective conjugation paradigm with an imperative meaning, where the first singular verb form has a special status. Directive speech acts, where imperative forms are usually used, are not supposed to combine a speaker and an addressee in one person, which causes semantic modification of the *da*-construction with a 1Sg verb: initially related to the imperative analytical paradigm, it describes the speaker's intention to perform an action which he / she considers necessary. In addition, this type of construction marks a point in decision-making that is followed by the change of the speaker's cognitive status; the only exception is the *da*-construction including verbs of perception, which points to an indirect causation of the addressee. 2. Independent 1Sg *da*-constructions with speech verbs and cognitive verbs tend to become idiomatic in meaning, which causes their use as discourse markers. Functioning as metacommentary, they help the speaker to direct the dialogue according to his/her communicative intentions. 3. The interaction of grammatical categories in the optative *da*-construction transforms curses to vows that have a function to confirm the truth of the speaker's words and his / her commitment to face consequences in case of lying.

Key words: modality; category of person; communicative intention; discourse markers; shifters; *da*-construction; Macedonian language.

УДК 81.115
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-34-42

ТРАНСВЕРСАЛЬНОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОРПУСОВ И ДРУГИХ КОНТЕКСТОВ

Валентина Анатольевна Кононова

к. пед. н., доцент кафедры делового иностранного языка

Сибирский федеральный университет

660041, Россия, г. Красноярск, просп. Свободный, 79. vkononova@sfu-kras.ru

SPIN-код: 1095-8099

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3048-597X>

ResearcherID: AAO-8225-2020

Статья поступила в редакцию 10.01.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кононова В. А. Трансверсальность: эволюция термина через призму корпусов и других контекстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 34–42. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-34-42

Please cite this article in English as:

Kononova V. A. Transversal'nost': evolyutsiya termina cherez prizmu korpusov i drugikh kontekstov [Transversality: Evolution of the Term through the Prism of Corpora and Other Contexts]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 34–42. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-34-42 (In Russ.)

Проблема расширения терминологического аппарата в определенной исследовательской области связана с появлением и развитием понятий и терминов, которые получают точную экспликацию для передачи новых знаний через определения. В статье предпринимается попытка проследить эволюцию термина «трансверсальность» от его ранее ограниченных математическими рамками контекстов XIX в. до расширения области распространения в других видах человеческой деятельности. Особую популярность и частотность использования это лексическое явление приобрело в образовательном пространстве, а также на многослойном рынке образовательных услуг, где в последнее десятилетие появился термин-словосочетание «трансверсальные навыки (трансверсальная компетенция)», к которому обращаются при представлении качественных характеристик отдельных навыков, востребованных в современном обществе, основанном на знаниях.

Для определения значения термина «трансверсальные навыки» и последующей интерпретации полученных данных автор использует два релевантных источника: во-первых, это контексты и инструментарий современной корпусной лингвистики (the Wikipedia Corpus, the 14 Billion Word iWeb Corpus) и, во-вторых, другие актуальные контексты, взятые из европейских образовательных документов и проектных отчетов на английском языке, которые в совокупности дают возможность получить полное представление о новом терминологическом явлении в современной образовательной среде. При этом корпус языка используется не только как ресурс, но и как инструмент и метод для исследования.

Проведенное изучение появления и закрепления термина позволяет сделать вывод о расширении границ запроса на новое терминологическое явление, а также сформировать единое понимание термина «трансверсальные навыки», а значит, адекватное его восприятие и употребление заинтересованными пользователями в сфере современного образования, образовательной политики и рынка труда.

Ключевые слова: трансверсальность; трансверсальные навыки; корпусная лингвистика; контексты языковых корпусов; корпус как ресурс и инструмент; экземплификация термина.

1. Введение

Термины «*трансверсальные навыки*» / «*трансверсальная компетенция*» (transversal skills / transversal competence) являются относительно новыми в современном образовательном пространстве, хотя эволюционный путь термина «трансверсальность» долог. Ранее он был ограничен в своем функционировании контекстами математики и теоретических компьютерных наук.

Трансверсальность – первоначально это понятие линейной алгебры, дифференциальной и геометрической топологии начала XIX в., описывающее возможности пересечения пространства и являющееся противоположностью касательности [Цветков 2009]. Прилагательное «трансверсальный» использовалось для обозначения прямой, пронизывающей пространственную кривую.

Как и любая терминологическая единица, термин «трансверсальность» полифункционален. Его номинативная, в частности, функция реализуется посредством фиксации специального познания трансверсальности и нового применения этого понятия, его признаков и отношений, что в целом характерно для человеческого познания и человеческой деятельности при расширении границ функционирования любого термина. «Трансверсальность» можно было считать термином «дисциплинарно-специфическим» [Wilkinson 2019: 87] вплоть до XX в., когда его номинативная функция распространилась и на другие области человеческого познания. В геологии трансверсальность стала характеристикой явления проседания горизонтальных пород. В машиностроении в XX в. дискутировали о критериях прочности трансверсально-изотропных материалов [Цветков 2009]. Постепенно термин перешел в гуманитарную сферу. Так, в философских дискурсах Сартр описывал «сборку сознания» как игру трансверсальных интенциональностей, представляющих собой конкретное и реальное удерживание и сохранение прошлых сознаний. Гваттари развил концепт трансверсальности, определяя ее как измерение «максимальной коммуникации между различными уровнями и, прежде всего, в разных смыслах», а Шраг апплицировал понимание трансверсальности к способу преодоления оппозиции модерн / постмодерн. Теоретическое обоснование идеи «трансверсальной рациональности» содержится в концепции Вельша [Welsch 2002]. В современной психологии термин используется для «трансверсальной идентичности и современной нарциссической реальности» [Павлова 2010: 14]. В социальной культуре под трансверсальностью понимают особенность процесса постмодернистской рефлексии,

процесс перманентного пересечения дисциплинарных границ между различными областями познания с целью синтезирования необходимого знания относительно определенной постановки вопросов и проблем [Миннуллина 2005]. В менеджменте, деловом взаимодействии трансверсальностью называют такие горизонтальные и диагональные связи между отдельными сотрудниками, подразделениями и компаниями внутри группы компаний, которые обеспечивают высокоэффективную работу всей группы компаний без использования властных ресурсов [Moingeon 2017]. Изредка категория «трансверсальность» либо качество «трансверсальный» встречается также и в медицинских, искусствоведческих и других дискурсах.

2. Онтологизация трансверсальности через призму языковых корпусов

Предметность и частотность применения термина в разнообразных специальных сферах человеческого знания удобно выяснить с помощью инструментария современной корпусной лингвистики, преимущественно корпусов английского языка. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) не зафиксировал ни одного употребления слов «трансверсальность» или «трансверсальный» [Национальный корпус русского языка]. Британский национальный корпус (BNC), известный как эталонная информационно-справочная система в корпусной лингвистике, является завершенным проектом, его текстовое содержание состоит из 100 миллионов слов и не обновляется с 1993 г. Корпус «немногословен»: он содержит всего три контекста с качеством «трансверсальный», два из которых – из статей научного медицинского журнала *Journal of Gastroenterology and Hepatology*, а третий – из научной статьи о современной итальянской литературе [Davies 2004].

Термины, как известно, наиболее часто встречаются в академических и научных дискурсах, в том числе в текстах словарных статей Википедии, общедоступной многоязычной универсальной интернет-энциклопедии со свободным контентом, реализованной на принципах вики. Неудивительно, что в корпусе *The Wikipedia Corpus*, содержащем полный текст Википедии с 4,4 млн статей и 1,9 млрд слов, встречаются 693 случая использования (вхождения) термина *transversal* в словарных статьях о металлообработке (*Rolling metalworking*), смягчении последствий оползней (*Landslide mitigation*), мостостроении (*Bridge at Nimreh*), многочисленных математических контекстах, где описываются возможности разнообразных пересечений и соот-

ветственно реализуется номинативная функция термина «трансверсальность» [Davies 2014]. Википедия как ресурс появилась в 2001 г., т. е. все ее статьи были написаны после того, как проект BNC был завершен. Можно сделать вывод об определенном распространении, хотя в масштабах корпуса незначительном, качества «трансверсальный» в описании различных видов человеческой деятельности.

Самым большим на сегодняшний день корпусом языка является корпус *iWeb*, «архитектором» которого стал Марк Дейвис (Mark Davies), профессор частного университета Бригама Янга (Brigham Young University, BYU), штат Юта, США. М. Дейвис, лингвист с мировым именем, эксперт в области компьютерной и корпусной лингвистики, создал удобные форматы ряда уни-

версальных корпусов BYU. *iWeb* с 14 млрд слов – это, по мнению самого автора, «самый инновационный и удобный корпус, который мы когда-либо создавали», он позволяет получить необъятное количество информации по каждому из этих слов [Davies 2018]. Именно этот корпус, а также представленные далее документы из области образовательной политики позволяют в найденных контекстах выявить эвристическую функцию термина «трансверсальность» в его приложении к описанию компетентностно-ориентированного подхода как новой парадигмы современного образования. Корпус *iWeb* фиксирует 1864 вхождения качества *transversal* в многочисленных контекстах и 19 вхождений термина *transversal skills* на 16 образовательных сайтах (рис. 1, рис. 2).

The screenshot shows the iWeb search interface with the following data table:

HELP	☐ 100	TEXT	# WORDS	# HITS ↓	RELEVANCE ↑	PER MILLION WORDS
1	☒	IPPR.ORG	416340	6	14.4	<div style="width: 10%;"></div>
2	☒	UNIVERSITYWORLDNEWS.COM	585829	4	6.8	<div style="width: 5%;"></div>
3	☒	SKILLNETS.IE	56843	1	17.6	<div style="width: 15%;"></div>
4	☒	STUDENTWORLDONLINE.COM	331107	1	3.0	<div style="width: 2%;"></div>
5	☒	MAVIC.COM	45530	1	22.0	<div style="width: 12%;"></div>
6	☒	INTEREXCHANGE.ORG	275675	1	3.6	<div style="width: 3%;"></div>
7	☒	EYP.ORG	17218	1	58.1	<div style="width: 25%;"></div>
8	☒	THECONVERSATION.COM	7400674	1	0.1	<div style="width: 1%;"></div>
9	☒	NOPLAG.COM	47390	1	21.1	<div style="width: 10%;"></div>
10	☒	CURRICULUMONLINE.IE	71275	1	14.0	<div style="width: 8%;"></div>
11	☐	QSCOURSES.COM	194112	1	5.2	<div style="width: 4%;"></div>

Рис. 1. Скриншот сайтов с вхождением термина transversal skills в корпусе iWeb (дата обращения: 30.06.2019)

Figure 1. A Screenshot with Occurrences of the Term ‘Transversal Skills’ in the iWeb Corpus (accessed 30.06.2019)

iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus			
SEARCH	WORD	CONTEXT	OVERVIEW
3	interexchange.org	A B C	don't. Erasmus also found that 92% of employers surveyed were looking for the transversal skills - such as problem solving, curiosity, and confidence - that participants g
4	universityworldnews.com	A B C	could have gone further on the need to develop a strong emphasis on soft or transversal skills in earlier phases of education. He said employer surveys over the past dec
5	universityworldnews.com	A B C	prime requirement for employability. # " Personally, I think education to develop good transversal skills needs to start in primary school and be continued at secondary I
6	universityworldnews.com	A B C	market go beyond these examples and are also gained outside formal education. They include transversal skills that are highly valued by employers, such as communica
7	universityworldnews.com	A B C	on study abroad. The same study found that 92% of employers are looking for transversal skills , also known as employability or transferable skills. # These are precisely
8	noplag.com	A B C	. In general, these graduates are called to receive more professional responsibility and better transversal skills appreciated by many recruiters. Reasons to choose foreign
9	ippr.org	A B C	needs. # In most initiatives, individualised curriculum designs included technical and soft or transversal skills . Technical skills were acquired largely in-company and were
10	ippr.org	A B C	skills were acquired largely in-company and were highly relevant to particular occupations and companies. Transversal skills included communication, languages, critical
11	ippr.org	A B C	groups. This includes guidance in the use of ICT tools for self-assessment (of transversal skills in particular) and career planning. The potential for mentoring and peer m
12	ippr.org	A B C	needs. # In most initiatives, individualised curriculum designs included technical and soft or transversal skills . Technical skills were acquired largely in-company and were
13	ippr.org	A B C	skills were acquired largely in-company and were highly relevant to particular occupations and companies. Transversal skills included communication, languages, critical
14	ippr.org	A B C	groups. This includes guidance in the use of ICT tools for self-assessment (of transversal skills in particular) and career planning. The potential for mentoring and peer m
15	qscourses.com	A B C	international marketing and door-to-door logistics (from supplier to end user). Acquire the transversal skills required to define and deploy development strategies, whet
16	studentworldonline.com	A B C	their choice to go international. Considering that 92% of employers are looking for these transversal skills , this is significant for personal and professional growth. # And
17	mavic.com	A B C	trust: Respect corporate values and the duty of confidentiality. # - # Specific transversal skills : Visionary outlook. Communication and writing skills, analytical skills, ability
18	skillnets.ie	A B C	performance of network members. This may involve sector specific or regional specific networks delivering transversal skills training for the employed and unemployed.
19	theconversation.com	A B C	forecasting: crucially, that it is better to focus on providing adaptable core, transversal skills , and especially on building the capacity to learn, than on planning training

Рис. 2. Фрагмент скриншота контекстов употребления термина transversal skills в корпусе iWeb (дата обращения: 30.06.2019)

Figure 2. A Fragment of a Screenshot Showing the Contexts of the Term 'Transversal Skills' in the iWeb Corpus (accessed 30.06.2019)

Корпусные находки употребления термина «transversal skills» в контекстах из корпуса iWeb содействуют приросту в определении и детализации данного лингвистического явления. Рассмотрим ряд примеров:

1) "Leave out those things that are irrelevant to the practice of law; but stress transversal skills, such as leadership, researching, writing, interviewing". (law-crossing.com)

Данный фрагмент указывает на важность навыков, отличных от профессиональных (в данном случае – юридических), перечисляет эти навыки – способность лидировать, исследовать, описывать, проводить интервью, беседовать – и называет эти навыки трансверсальными.

2) "Erasmus also found that 92 % of employers surveyed were looking for the transversal skills – such as problem solving, curiosity, and confidence – that participants gain through these programs. So what are some specific benefits to living and interning in the U.S.?" (interexchange.org)

Определение термина расширяется: к списку трансверсальных навыков добавляется любознательность, уверенность и способность разрешать проблемы. Уточняется, что эти навыки востребованы 92 % работодателей и что они развиваются во время программ студенческого обмена, например, программы Эразмус.

3) "In Visual Art, students build on the progress and skills they have already achieved in primary school in order to help them further improve. Students of the

subject will develop the transversal skills, such as creativity, collaboration, ability to question, risk-assessment, problem identification, problem-solving and management of their own emotions; skills that form a natural learning mechanism that can enhance their own development. Students learn how best to use traditional and contemporary technologies for both creative and operational purposes. All these skills and dispositions are key to future learning in senior cycle, higher education, and also in the world of work". (curriculumonline.ie)

Студенты, занимающиеся изобразительным искусством, также развивают трансверсальные навыки: креативность, взаимопомощь, способность задавать вопросы, оценивать степень риска, управлять собственными эмоциями. Эти ключевые навыки способствуют созданию естественных механизмов для нынешнего и дальнейшего обучения.

4) "In most initiatives, individualised curriculum designs included technical and 'soft' or transversal skills. Technical skills were acquired largely in-company and were highly relevant to particular occupations and companies. Transversal skills included communication, languages, critical thinking, problem-solving and teamwork, and positive traits that were developed included initiative and autonomy, punctuality and respect for deadlines, adaptability, confidence and motivation". (ippr.org)

В приведенном фрагменте трансверсальные навыки приравниваются к личным качествам (soft skills), к ним отнесены коммуникативные

способности, владение языками, критическое мышление, умение решать проблемы и работать в команде, инициативность, самостоятельность, пунктуальность и адаптивность, уверенность и целеустремленность.

Данные примеры уже позволяют выявить значение и применение привычного термина «трансверсальность» для объяснения явлений в той области человеческой деятельности, где ранее он полностью отсутствовал. Корпус языка выступает в качестве инструмента онтологизации знания, т. е. средства, обеспечивающего понимание нового знания, стоящего за известным термином.

3. Трансверсальность как образовательная парадигма

Трансверсальные навыки обсуждаются в образовательной среде – в официальных документах, в проектной и исследовательской практике – как одна из самых влиятельных педагогических идей в обществе, основанном на знаниях. Обратимся к другим источникам. В марте 2017 г. Европейская комиссия выпускает программный документ «Белая книга. Будущее Европы», подчеркивающий, что «вероятно, что большинство детей, поступающих сегодня в начальную школу, будут заниматься новыми видами деятельности, которые еще не существуют», и что для достижения этого потребуются «значительные инвестиции в формирование квалификаций работников и серьезное переосмысление систем образования и непрерывного обучения» [White Paper: 12–13]. В значительной степени эти новые квалификации можно отнести к трансверсальным навыкам. Приведенные ранее примеры из языковых корпусов и другие контексты позволяют противопоставлять трансверсальные навыки узким профессиональным и понимать их как способность работать в команде, эффективно общаться, владеть иностранными языками, быть предприимчивым, уметь творчески мыслить и решать проблемы. Выпускникам университетов трансверсальные навыки могут дать сравнительное конкурентное преимущество при выходе на рынок труда. Эти навыки все более востребованы работодателями, поскольку они позволяют работникам лучше справляться с ежедневными проблемами в условиях конкуренции, быстрых экономических, демографических, технологических и экологических изменений.

Термином «трансверсальные навыки» стали называться и некоторые другие понятия, такие как способность работать с людьми, неакадемические навыки, навыки личной эффективности, универсальные, «мягкие» компетенции [European Commission 2013]. Существуют некоторые различия в

определении и толковании трансверсальных навыков. Глоссарий ЮНЕСКО TVETipedia определяет их как «не относящиеся конкретно к определенной работе, задаче, академической дисциплине или области знаний, но которые могут быть применены в самых различных ситуациях и условиях работы (например, организационные навыки)» [UNESCO 2015]. Эти навыки все более востребованы для успешной адаптации к изменениям и ведения полноценной и продуктивной жизни.

Иное определение дано в региональном докладе «Трансверсальные компетенции в образовательной политике и практике», написанном в рамках проекта «Деятельность образовательных научно-исследовательских учреждений Азиатско-Тихоокеанского региона», опубликованном в Бангкоке под эгидой ЮНЕСКО в 2015 г. Доклад был подготовлен на основании полученных результатов совместных деятельности по вопросу об интеграции трансверсальных компетенций XXI в. в образовательную политику и учебные программы в десяти азиатских странах. В докладе представлены четыре широкие области – домены навыков, ценностей и / или качественных признаков, определяющих универсальные компетенции: 1) критическое и новаторское мышление; 2) межличностные навыки; 3) внутриличностные навыки и 4) глобальное гражданство. Авторы подчеркивали, что каждый домен не должен восприниматься как нечто само собой разумеющееся, как фиксированный и взаимоисключающий набор качеств, но подчеркивали перспективность новых навыков, таких как медийная и информационная грамотность, специализированные и другие навыки, необходимые для целостного развития личности [Care, Luo 2016].

4. Эволюция термина: запрос от работодателей

Можно предположить, что для того чтобы терминологическая система существовала и эволюционировала, в ней должна быть избыточность: когда в языке для определения понятия существует несколько вариантов, если информация в определенной степени дублируется, интерпретируется, прирастает за счет фоновых знаний, то коммуникативное намерение реализуется в максимально полном объеме. Таким социальным фоном и средой для эволюции термина «трансверсальные навыки» является высокий уровень безработицы в мире.

Согласно прогнозам CEIC Global Database (статистическая база данных по экономике), уровень безработицы в развитых странах будет расти и к 2014 г. составит: 3,54 % – в Германии,

8,03 % – во Франции, 9,95 % – в Италии, 4,20 % – в Великобритании и 4,68 % – в России [CEIC 2017]. Несмотря на это, работодатели часто сталкиваются с трудностями при заполнении вакансий за счет так называемых «пробелов в компетенциях». Высококонкурентный европейский рынок труда в большинстве сред требует наличия трансверсальных компетенций для трудоустройства, в то время как большинство ищущих работу не знает, что они собой представляют и как их можно оценить с точки зрения повышения потенциала трудоустройства. Для того чтобы найти разумные решения для устранения этих пробелов, оказывается поддержка ряду крупномасштабных проектов. В качестве примера можно привести международное исследование «KEYSTART2WORK» в рамках проекта ERUSMUS + EU. В результате анализа данных, полученных в результате масштабного анкетирования, интервью, обсуждений в фокус-группах и пр., был разработан документ «Каталог трансверсальных компетенций. Ключ для трудоустройства» (*The Catalogue of Transversal Competences Key for Employability*), в котором дано описание двенадцати доменов [KEYSTART2WORK]:

- 1) межкультурные навыки и глобальная осведомленность;
- 2) гибкость и адаптивность;
- 3) стратегическое и инновационное мышление;
- 4) организационные навыки и планирование времени;
- 5) способность принимать решения;
- 6) способность работать в команде;
- 7) эмпатия / умение строить отношения;
- 8) способность разрешать проблемы;
- 9) ориентация на обучение;
- 10) навыки ведения переговоров;
- 11) лидерские навыки;
- 12) способность собирать и обрабатывать информацию.

Другой набор трансверсальных навыков был представлен проектом «Глобальная программа действий», нацеленным на подготовку взрослых к выполнению задач и функций в секторе домашней работы и реализованным Международной организацией труда (*International Labour Organisation*) в 2016 г. в Швейцарии [Tayah 2016]. Трансверсальные навыки рассматриваются как основные навыки при трудоустройстве и отражают способность человека учиться, хорошо общаться, участвовать в конструктивной и здоровой динамике совместной работы и демонстрировать творческие способности и способность решать проблемы. Поведенческие навыки, такие как инициативность, уверенность, готовность, упорство, целеустремленность и т. д., рас-

сматриваются как подмножество смежных навыков и характеризуют отношение работника к труду.

5. Трансверсальные компетенции учащихся

В последнее время страны ЕС упорно работают над развитием трансверсальных компетенций у школьников. В ряде стран были реформированы учебные программы таким образом, чтобы они сочетали в себе несколько подходов и предметов. В докладе Европейской комиссии Eurydice Report «Развитие ключевых компетенций в европейских школах: вызовы и возможности для политиков» (2012) говорится, что во многих странах предметная организация с акцентом на предметное содержание уступила место построенной более сложной архитектуре учебных программ с разнообразием учебных подходов, принимаемых для развития трансверсальных компетенций [European Commission/EACEA/Eurydice 2012]. Согласно документу, трансверсальные компетенции включают три основных компонента: 1) гражданство; 2) предпринимательство, 3) навыки ИКТ – и не связаны с содержанием традиционных школьных предметов. Развитие этих навыков считается не менее важным в контексте быстро развивающегося общества, основанного на знаниях (*knowledge-based society*). В большинстве стран ЕС обучение гражданству, предпринимательству и ИКТ включено в учебную программу начального и среднего образования. Практика показывает, что существует три основных способа интеграции трансверсальных ключевых компетенций в учебную программу начального и среднего образования: они могут иметь межпредметный статус, могут быть интегрированы в существующие учебные предметы или могут быть введены в качестве отдельных учебных предметов [там же].

Что касается достижений школьников в области ИКТ, социальных и гражданских компетенций и предпринимательства, то они оцениваются в рамках отдельных дисциплин. Например, в Швеции, где преподаватели социальных наук отвечают за развитие гражданских компетенций учащихся, Национальное агентство по образованию разработало набор из шести тестов для 7–9-х классов для оценивания понимания учащимися демократических принципов. Бельгия предлагает введение паспорта ИКТ для начального и среднего образования. По программе среднего образования в Нидерландах с 2007 г. учащиеся должны проходить 30-часовую практику работы на благо общества. В Словакии в национальной учебной программе по отдельному предмету «Права и обязанности гражданина» для младших классов средней школы предлагается

проектная оценка участия учащихся в заседаниях муниципальных советов [European Commission/EACEA/Eurydice 2012].

Заключение

Для эффективных дискуссий в партнерствах «образование-рынок труда», «политика-образование», «университеты-бизнес» заинтересованные стороны должны говорить на понятном друг другу языке, в том числе терминологическом, адекватно реагировать на быстро меняющиеся потребности общества, основанного на знаниях [Разумовская, Кононова 2016: 73], разделять общее представление о реальности (“*shared representations of reality*”) стоять на одной смысловой платформе (“*common ground of meaning*”) [Jochemczyk et al. 2016].

Известно, что терминология как особый сегмент лексики ограничена в своем функционировании особой средой пользователей. Значение каждого термина согласуется со значением остальных терминов этой же среды. В данной статье предпринята попытка представления термина «трансверсальность», функционирующего ранее в узкоспециальной среде точных наук, для экспликации знания в сфере образования как новой области для устоявшегося термина. Экземплификация термина представлена контекстами англоязычных корпусов *BNC* и *iWeb*, а также программными европейскими документами в области образования и рядом отчетов современных международных образовательных проектов. Поскольку границы запроса на новый термин расширяются, данное небольшое исследование поможет сформировать единое понимание термина «трансверсальные навыки» у заинтересованных пользователей в сфере современного образования, образовательной политики и рынка труда.

Список литературы

Миннуллина Э. Б. Сущность объекта как цель социального познания. Казань: КГЭУ, 2005. 153 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 28.08.2019).

Павлова О. Н. Трансверсальная идентичность и современная нарциссическая реальность // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2010. № 3. С. 11–19.

Разумовская В. А., Кононова В. А. К вопросу о необходимости формального признания неформального образования // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2016. № 2. С. 72–77.

Цветков С. В. Критерии прочности трансверсально-изотропных материалов различных клас-

сов симметрии структуры // Вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. Серия «Машиностроение». 2009. № 1. С. 86–99.

Care E., Luo R. Assessment of Transversal Competences. Policy and Practice in Asia-Pacific Region. Bangkok: UNESCO Bangkok, 2016. 50 p.

CEIC: The European Union’s unemployment rate. September 2017. URL: <https://www.ceic-data.com/en/blog/eu-unemployment-rate> (дата обращения: 26.09.2019).

Davies M. BYU-BNC (based on the British National Corpus from Oxford University Press). 2004–. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 26.06.2019).

Davies M. The Wikipedia Corpus. 2014–. URL: <https://www.english-corpora.org/wiki/> (дата обращения: 26.06.2019).

Davies M. The 14 Billion Word iWeb Corpus. 2018–. URL: <https://corpus.byu.edu/iweb/> (дата обращения 30.06.2019).

European Commission. Report to the European Commission on Improving the quality of teaching and learning in Europe’s higher education institutions. 2013. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/education/library/reports/modernisation_en.pdf (дата обращения: 21.09.2019).

European Commission/EACEA/Eurydice, 2012. Developing Key Competences at School in Europe: Challenges and Opportunities for Policy. Eurydice Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union. URL: http://keyconet.eun.org/c/document_library/get_file?uuid=d21d041b-ea4e-448e-954b-58e4272b194c&groupId=11028 (дата обращения: 16.06.2019).

Jochemczyk L., Pietrzak J., Zawadzka A. The construction of Dynamical Negotiation Networks depending on need for cognitive closure. 2016. № 53. P. 44–57.

KEYSTART2WORK. URL: <http://keystart2work.eu/en/> (дата обращения: 29.09.2019).

Moingeon B. Transversal management: how to break out organizational silos 2017. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/transversal-management-how-break-out-organizational-silo-moingeon> (дата обращения: 10.06.2019).

Tayah M. J. Skills development and recognition for domestic workers across borders. 2016. URL: https://www.academia.edu/27957555/Skills_development_and_recognition_for_domestic_workers_across_borders (дата обращения: 15.09.2019).

UNESCO: Transversal competences in education policy and practice. UNESCO Bangkok Office (Phase I): regional synthesis report. 2015. 71 p.

UNESCO: TVETipedia Glossary. URL: <https://unevoc.unesco.org/go.php?q=TVETipedia+glossary+A-Z&filt=all&id=577> (дата обращения: 17.06.2019).

Welsch W. *Unsere postmoderne Moderne*. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2002. 346 S.

White Paper on the Future of Europe: Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. Brussels: European Commission, 2017. 32 p.

Wilkinson L. C. *Learning language and mathematics: A perspective from Linguistics and Education // Linguistics and Education*. 2019. № 49. P. 86–95.

References

Minnullina E. B. *Sushchnost' ob'ekta kak tsel' sotsial'nogo poznaniya* [The essence of the object as a goal of social cognition]. Kazan, Kazan State Power Engineering University Press, 2005. 153 p. (In Russ.)

Natsional'nyy korpus russkogo yazuka [The national corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (accessed 28.08.2019). (In Russ.)

Pavlova O. N. *Transversal'naya identichnost' i sovremennaya nartsissicheskaya real'nost'* [Transversal identity and modern narcissistic reality]. *Vestnik RUDN. Seriya «Filosofiya»* [RUDN Journal of Philosophy], 2010, issue 3, pp. 11–19. (In Russ.)

Razumovskaya V. A., Kononova V. A. *K voprosu o neobkhodimosti formal'nogo priznaniya neformal'nogo obrazovaniya* [On the need for formal recognition of non-formal education]. *Alma Mater. Vestnik vushey shkoly* [Alma Mater. Higher School Herald], 2016, issue 2, pp. 72–77. (In Russ.)

Tsvetkov S. V. *Kriterii prochnosti transversal'no-izotropnykh materialov razlichnykh klassov simetrii struktury* [Strength criteria for transversally-isotropic materials of different classes of structure symmetry]. *Vestnik of MGTU im. N. E. Baumana, seriya «Mashinostroenie»* [Herald of the Bauman Moscow State Technical University. Series Mechanical Engineering], 2009, issue 1, pp. 86–99. (In Russ.)

Care E., Luo R. *Assessment of Transversal Competences. Policy and Practice in Asia-Pacific Region*. Bangkok, UNESCO Bangkok, 2016. 50 p. (In Eng.)

CEIC: The European Union's unemployment rate. September 2017. Available at: <https://www.ceicdata.com/en/blog/eu-unemployment-rate> (accessed 26.09.2019). (In Eng.)

Davies M. *BYU-BNC. (based on the British national corpus from Oxford University Press)*. 2004–. Available at: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed 26.06.2019). (In Eng.)

Davies M. *The wikipedia corpus*. 2014–. Available at: <https://www.english-corpora.org/wiki/> (accessed 26.06.2019). (In Eng.)

Davies M. *The 14 billion word iWeb corpus*. 2018–. Available at: <https://corpus.byu.edu/iweb/> (accessed 30.06.2019). (In Eng.)

European Commission, 2013. Report to the European Commission on improving the quality of teaching and learning in Europe's higher education institutions. Available at: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/education/library/reports/modernisation_en.pdf (accessed 21.09.2019). (In Eng.)

European Commission/EACEA/Eurydice, 2012. Developing key competences at school in Europe: Challenges and opportunities for policy. Eurydice report. Luxembourg, Publications Office of the European Union (accessed 16.06.2019). (In Eng.)

Jochemczyk L., Pietrzak J., Zawadzka A. *The construction of dynamical negotiation networks depending on need for cognitive closure*. 2016, issue 53, pp. 44–57. (In Eng.)

KEYSTART2WORK. Available at: <http://keystart2work.eu/en/> (accessed 29.09.2019). (In Eng.)

Moingeon B. *Transversal management: how to break out organizational silos 2017*. Available at: <https://www.linkedin.com/pulse/transversal-management-how-break-out-organizational-silo-moingeon> (accessed 10.06.2019) (In Eng.)

Tayah M. J. *Skills development and recognition for domestic workers across borders*. 2016. Available at: https://www.academia.edu/27957555/Skills_development_and_recognition_for_domestic_workers_across_borders (accessed 15.09.2019) (In Eng.)

UNESCO: TVETipedia Glossary. Available at: <https://unevoc.unesco.org/go.php?q=TVETipedia+glossary+A-Z&filt=all&id=577> (accessed 17.06.2019) (In Eng.)

UNESCO: Transversal competences in education policy and practice. UNESCO Bangkok Office (Phase I): regional synthesis report. 2015. 71 p. (In Eng.)

Welsch W. *Unsere postmoderne Moderne*. Berlin, Akademie Verlag GmbH, 2002. 346 p. (In Germ.)

White Paper on the Future of Europe: Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. Brussels, European Commission, 2017. 32 p. (In Eng.)

Wilkinson L. C. *Learning language and mathematics: A perspective from linguistics and education*. *Linguistics and Education*, 2019, issue 49, pp. 86–95. (In Eng.)

TRANSVERSALITY: EVOLUTION OF THE TERM THROUGH THE PRISM OF CORPORA AND OTHER CONTEXTS

Valentina A. Kononova

Associate Professor in the Department of Modern Languages for Business

Siberian Federal University

79, Svobodny prospekt, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. vkononova@sfu-kras.ru

SPIN-code: 1095-8099

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3048-597X>

ResearcherID: AAO-8225-2020

Submitted 10.01.2020

The problem of expanding research vocabulary in a particular area is related to the emergence and development of concepts and terms that receive precise explication for transmitting new knowledge through definitions. The paper attempts to trace the evolution of the term ‘transversality’ from the limited mathematical contexts of the 19th century, when the term was solely associated with spatial intersections, to its recent extension to other types of human activity; accordingly, the research focus is upon the changes in connotations.

The paper shows how the lexical phenomenon has acquired its particular popularity and became frequently used in the educational space, including in the multi-layered market of educational services, where the last decade introduced the terms ‘transversal skills’ and ‘transversal competence’, both referring to qualitative characteristics of individual skills that are in demand in today’s knowledge-based society: leadership, confidence, time-management, problem-solving ability, flexibility, adaptability, strategic and innovative thinking, etc.

To clarify the meaning of the term ‘transversal skills’ and for the subsequent interpretation of the data obtained, the author uses two relevant sources: firstly, these are the contexts and instruments of modern corpus linguistics (the Wikipedia Corpus, the 14 Billion Word iWeb Corpus); secondly, a number of relevant contexts taken from European educational documents and EU project reports. Taken together, these sources allow us to give a broad picture of the new terminological phenomenon in today’s educational environment. In this connection, the linguistic corpora are used both as a language resource and as a research instrument and method.

The study of the term, its emergence and development leads us to a conclusion that the boundaries of the request for the new terminological phenomenon have expanded. The received data, on the one hand, help to develop a uniform understanding, i. e. adequate perception and use of the term ‘transversal skills’, for the concerned parties the field of modern education, educational policy and the labor market. On the other hand, the study reveals the need for further discussion on standardization in terminological lexicography, which would provide effective communication and conscious collaboration of educators with many parties interested worldwide.

Key words: transversality; transversal skills; transversal competence; corpus linguistics; contexts of language corpora; term exemplification.

УДК 81'27; 811.111; 811.161.1
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-43-51

ВИТАЛЬНЫЙ КОД КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗНЫХ ПРИЗНАКОВ МАКРОКОНЦЕПТОВ «ЗЕМЛЯ» И «EARTH / LAND» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Елена Анатольевна Мошина

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков

Военный институт (инженерно-технический) Военной академии

материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва

191123, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 22. moshina@inbox.ru

SPIN-код: 9828-4290

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9490-657X>

ResearcherID: R-7684-2018

Статья поступила в редакцию 29.03.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мошина Е. А. Витальный код как способ реализации образных признаков макроконцептов «земля» и «earth / land» в русской и английской лингвокультурах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 43–51. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-43-51

Please cite this article in English as:

Moshina E. A. Vital'nyy kod kak sposob realizatsii obraznykh priznakov makrokontseptov «zemlya» i «earth / land» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh [Vital Code as a Way to Realize Figurative Signs of the Macroconcepts 'zemlya' and 'earth / land' in Russian and English Linguistic Cultures]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 43–51. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-43-51 (In Russ.)

Описываются образные признаки макроконцептов *земля* и *earth / land* в аспекте витального кода лингвокультуры. Витальный код актуализируется в метафорах живого существа. Цель статьи – определить набор витальных признаков макроконцептов *земля* и *earth / land*. Задачи проводимого исследования обусловлены поставленной целью: 1. Описать существующие работы, посвященные изучению витального кода. 2. Выявить и сопоставить витальные признаки макроконцептов *земля* и *earth / land* в собранном языковом материале. Предметом исследования являются языковые конструкции с включенными словами – репрезентантами *земля* и *earth*, в которых встречены метафоры живого организма. Объект исследования – витальный код русской и английской лингвокультур. Актуальность проводимого исследования заключается в том, что средства выражения макроконцептов *земля* и *earth / land*, представленные в сравниваемых лингвокультурах, анализируются с позиций двух принципов – антропоморфизма и витальности. Научная новизна проводимого исследования заключается в том, что макроконцепты *земля* и *earth / land* впервые рассматриваются в рамках кодов лингвокультуры. Основными методами исследования выступают описательный, концептуальный, сравнительный, интерпретативный. Материал исследования был отобран в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgora.ru) и Oxford Text Archive (<https://ota.bodleian.ox.ac.uk/repository/xmlui/>). Как показало исследование, выявленные витальные признаки можно представить в виде четырех блоков: 1. Физиологические признаки ('безмолвие', 'болезнь', 'возраст', 'голос', 'движение', 'дыхание', 'вздрагивание', 'здоровье', 'красота', 'питание', 'питье', 'сила', 'слабость', 'сон'). 2. Онтологические признаки ('рождение', 'жизнь', 'смерть'). 3. Перцептивные признаки ('слух', 'зрение', 'осознание'). 4. Соматические признаки ('ноги', 'руки', 'губы', 'брови', 'голова', 'колени', 'грудь', 'лицо', 'тело', 'лоно / утроба', 'кровь', 'кишки / внутренности'). Коды лингвокультуры являются универсальными: они встречаются в описаниях разных фрагментов мира. Набор витальных признаков, представленных в структурах макроконцептов *земля* и *earth / land*, практически идентичен. Однако удельный вес метафор, их реализующих, различен.

Ключевые слова: макроконцепт; коды лингвокультуры; концептуальный признак; лингвокультурология; метафора.

Введение

Коды лингвокультуры становятся объектом пристального внимания лингвистов, фольклористов, культурологов с конца прошлого столетия. Как пишет В. Н. Телия: «Код культуры – это таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о природных объектах, артефактах, выделяемых в ней действиях и событиях, о ментофактах, и присущих этим сущностям пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия 1999: 20–21].

Определения кодов лингвокультуры дополняют друг друга, внося ясность в предмет исследования. Согласно одному мнению, «коды культуры – это специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир. Это совокупность реалий, выражающих определенные культурные смыслы и ценности» [Маслова, Пименова 2016: 3]. Согласно другому мнению, «те или иные объекты окружающего нас мира <...> оказываются способными нести некие добавочные значения. Имена, называющие подобные объекты, образуют связанные друг с другом вторичные семиотические системы, которые мы называем кодами <...> национальной культуры» [Гудков, Ковшова 2007: 39]. Согласно третьему мнению, «культурный код – это совокупность значений, устойчивая для целой культурной эпохи и присущая всей символической системе» [Халеева 2017: 80]. Так или иначе в кодах лингвокультуры выражаются как стереотипы о нормах и оценках, так и когнитивные метафоры, в которых прочитываются знаки и символы, характеризующие народ и его культуру.

Тема кодов лингвокультуры активно разрабатывается в исследованиях Ю. Б. Башкатовой, Д. Б. Гудкова, М. Л. Ковшовой, В. В. Красных, В. А. Масловой, Е. А. Мошиной, М. В. Пименовой, В. Н. Телия, Т. Б. Щепанской. Эта тема представляет интерес не только для лингвистов, но и культурологов, историков и этнографов [Berger 2012; Jonson 1987; Jonson M. 1993; Lakoff 1980; Lakoff G. 1993; Sharifian 2017].

Несмотря на кажущееся обилие работ относительно аспекта изучения системы культурных кодов, в науке о языке не встречено пока исследований, отражающих реализацию витального кода в виде витальных признаков в структурах макроконцептов *земля* и *earth/land*. Актуальность проводимого исследования заключается в том, что средства выражения макроконцептов *земля* и *earth/land*, представленные в сравнива-

емых лингвокультурах, анализируются с позиций двух принципов – антропоморфизма и витальности. Новизна работы состоит еще и в том, что в ней объясняются причины появления таких признаков у изучаемых макроконцептов в рамках теории лингвокультурных кодов. Под *макроконцептом* в работе «понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родовидовыми отношениями» [Пименова 2001: 32].

Материал и методы исследования

К настоящему времени сложилась более или менее согласованная методика описания лингвокультурных концептов, включающая приемы выделения имени концепта, способы этимологического и компонентного анализа этого имени, семантический анализ контекстов употребления средств выражения концепта, ассоциативный эксперимент, когнитивное моделирование, частотный анализ и пр.

Целью любого концептологического исследования является воссоздание как можно более полной структуры концептуальных признаков, представляющих определенный фрагмент окружающего или внутреннего мира в сознании носителей языка. Сделать это возможно на основе анализа обширного языкового материала, объективирующего концепт (корпусы текстов, словари, этнографические данные). Под структурой концепта мы понимаем «совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира» [Колесов, Пименова 2016: 152].

Выявление витальных признаков концепта путем дословного прочтения и интерпретации когнитивных метафор, сочетающихся со словом-репрезентантом концепта, является лишь одним из этапов моделирования структуры концепта – согласно методике, разработанной Санкт-Петербургско-Кемеровской школой концептуальных исследований. В соответствии с данной методикой концептуальная структура формируется шестью классами признаков: мотивирующим признаком слова – репрезентанта концепта, образными признаками (признаки живой природы: вегетативные, витальные (признаки всех живых существ), зооморфные (анималистические, орнитологические, энтомологические, ихтиологические), антропоморфные; признаки неживой природы: вещества, стихий, артефактов, пищи), понятийными признаками, ценностными признаками, функциональными признаками, категориальными признаками, символическими признаками, ироническими признаками [Колесов, Пименова 2016: 153].

Антропоцентрическая парадигма знаний ориентирует исследователей на человека, его окружающий мир. Лингвокультурный код – это модель, по которой формируются заданные характеристики фрагментов мира. Дж. Лакофф отмечает: «Человеческая категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения – восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, и метафоры, метонимии и ментальной образности, с другой. Как следствие, человеческое мышление решающим образом зависит от этих факторов и, следовательно, не может быть охарактеризовано только в терминах оперирования абстрактными символами» [Лакофф 2004: 23]. В. А. Маслова пишет, что «лингвокультурные коды формируют картину мира и занимают центральное место в национальном культурном пространстве, в то же время являясь средством структурирования культурного знания» [Maslova 2016: 27]. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления благодаря таким гносеологическим операциям сознания, как сравнение и отождествление.

Обращение к витальному коду лингвокультуры обусловлено, с одной стороны, его универсальностью, с другой стороны, желанием продемонстрировать особенности восприятия природы в русской и английской лингвокультурах, обратиться к истокам восприятия земли как живого существа. Поиск специфических элементов, отличающих тот или иной код культуры, позволяет указать на особенность культуры, отраженной в мышлении народа. Коды культуры проявляются в процессах категоризации мира и реализуются посредством специфичных для разных культур метафорических сочетаний. Буквальное прочтение метафор позволяет глубже понять картину мира, отраженную в языке.

Для анализа было отобрано около 600 примеров, содержащих лексему *земля* и столько же примеров с лексемой *earth*, основных репрезентантов соответствующих макроконцептов, в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru) и Oxford Text Archive (<https://ota.bodleian.ox.ac.uk/repository/xmlui/>); приоритет отдавался классическим произведениям XIX в. Среди указанных примеров около ста в русском языке и около шестидесяти в английском иллюстрируют витальные признаки макроконцептов *земля* и *earth/land*. Наличие таких признаков указывает на анимизм природы в сознании носителей языка. Одушевление земли связано с мифологической традицией, распространенной у русского и английского народов, восходящей к древнему культу Великой богини-матери [Мо-

шина 2020]. Как отмечает В. В. Красных, «коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и кодируют» [Красных 2001: 5]. Земля видится человеку через призму его представлений о мире. И эталоном измерения разных объектов мира и их состояний выступает сам человек. Итак, к разряду витальных признаков мы относим свойства и характеристики всех живых существ (жизнь, смерть, сон, дыхание и пр.), а также перцептивные (слух, зрение, осязание) и соматические (телесные) признаки.

Результаты и обсуждение

Одним из способов выражения признака ‘витальность’ является присоединение лексемы *жизнь* к репрезентанту концепта: *Пускай земли под снегом жизнь застынет, – Мне эта смерть природы не страшна...* А. М. Жемчужников «Зимнее чувство»; *В холодной, ранней полумгле, Еще какой-то призрак бродит По оживающей земле.* Ф. И. Тютчев «Над русской Вильной стародавней...». В английской языковой картине мира средством выражения признака ‘жизнь’ может быть глагол *exist*. *For the Vision, that was true, I wist, True as that heaven and earth exist.* R. Browning “Dramatic Romances”.

Основными атрибутами жизни являются также ‘рождение’ и ‘смерть’. Земля рождается: *Я зрел, как их могущи волны Всё ниспровергли, увлекли, И пламенный трибун предрек, восторга полный, Перерождение земли.* А. С. Пушкин «Андрей Шенье». Земля умирает, погибает: *Пожалуй, я речь поведу, бояре! Мне гнев его не страшен – мне страшна Земли погиль!* А. К. Толстой «Смерть Иоанна Грозного»; *Земля была б без них мертва, Как пустыня И как алтарь без божества.* А. С. Пушкин «Два чувства дивно близки нам...». *The white mist, like a face-cloth to the face, Clung to the dead earth, and the land was still.* A. Tennyson “The Idylls of the King”; *The heavens and earth in one to such a death As doth the voice of love...* J. Keats “Teignmouth”.

Когнитивная модель «движение – одушевление движущегося» характерна для языкового представления земли – «живого существа» как в русской, так и в английской лингвокультурах. В языковом материале данный признак представлен в виде оппозиции «движение – покой»: *Сей шкипер был тот шкипер славный, Кем наша двинулась земля, Кто придал мощно бег державный Рулю родного корабля.* А. С. Пушкин «Моя родословная». *Земля недвижна – неба своды, Творец, поддержаны тобой...* А. С. Пушкин «Земля недвижна – неба своды...». *But indeed The earth moves slowly, if it move at all, And*

by the general, not the single force. А. Н. Clough «Poems».

Прототипическим видом движения земли является вращение: *Песочным пластом я способен тяготеть к средоточью; В беспорядочных чувствах **вращаться** светилом земли.* А. М. Добролюбов «Сегодня, если хотите, мне близко безумье всего...»; *И между них земля вертелась наша; На ней, спокойствием объята тихим, Уснуло всё – и я один лишь не спал.* М. Ю. Лермонтов «Погаснул день! – и тьма ночная своды...». *Just think of what work it would make with the day and night! You see the earth takes twenty-four hours to **turn round** on its axis.* L. Carroll “Alice’s Adventures in Wonderland”. *Great Galileo was debarred the Sun, Because he fixed it; and, to stop his talking, **How Earth could round the solar orbit run**...* G. Byron “Don Juan”. *Oh heart! oh blood that freezes, blood that burns! **Earth’s returns** For whole centuries of folly, noise and sin!* R. Browning “Dramatic Lyrics”.

В русской языковой картине мира мы можем встретить и другие характеристики движения земли – по вертикали вверх: *Стальной щетиною сверкая, Не **встанет русская земля?**..* А. С. Пушкин «Клеветникам России»; *Пылая мстью и любовью, **Восстала русская земля**...* П. А. Вяземский «Эперне». Земле также свойственно ритмичное (колебание) и неритмичное (шатание) движение: *Объята ужасом вселенна! **Земля колеблется, покрыто небо тьмой!*** В. Л. Пушкин «Объята ужасом вселенна!..»; *Когда бы не **шатание земли**, Не по сердцу была б мне эта мера, Но страшно ныне потрясать престол.* А. К. Толстой «Смерть Иоанна Грозного».

В русскоязычном сознании движение земли часто сопряжено со скоростью: *Земля, как смутный сон немая, Безвестно **уносила** прочь...* А. А. Фет «На стоге сена ночью южной...»; *Летим! Туманною чертою **Земля от глаз моих бежит.*** А. А. Фет «На корабле»; *Морская хлябь гремит валами И роет каменный свой берег, И бездну вод с ее скалами **Земли уносит быстрый бег!*** Ф. И. Тютчев «Из “Фауста” Гёте». Отглагольное существительное *бег* имплицитно выражает соматический признак ‘ноги’ так же, как и следующий пример с глаголом *ходить*: *А подомной весенней дрожью **Ходила гулкая земля.*** А. А. Фет «Всю ночь гремел овраг соседний...».

Похожий смысл быстрого движения земли в английской языковой картине мира представлен глаголом *flee (escape by running away)*: *How fled what darkness hid **How fled the earth** beneath their feet.* W. Scott “Selected Poems”.

Типологическими для образования витальных метафор выступают также следующие концептуальные признаки:

– ‘возраст’: *Людей и времени раба, **Земля состарелась** в неволе;* П. А. Вяземский «Море»; *В слезах любви, в бесчувствии лежала Под сенью пальм, – и **юная земля** Любовников цветами покрывала.* А. С. Пушкин «Гавриилиада». *Shall they not vanish away and apart? But thou, thou art sure, **thou art older than earth**...* А. С. Swinburne “Selected verse”.

– ‘сон’: *Ища улыбки глаз бездонно-влажной, Он видел **сон земли**, не сон небес, И жар души испытанной исчез.* К. Д. Бальмонт «La luna piena... Полная луна...»; *Дневной свой подвиг соверши, **Земля почил** после боя.* П. А. Вяземский «Опять я слышу этот шум...»; *После зноя тихо **дремлет** Прохлажденная земля;* *Не такая ль ночь объемлет Елисейские поля!* П. А. Вяземский «Петербургская ночь»; *В небесах торжественно и чудно! **Спит земля** в сияньи голубом... Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? жалею ли о чем?* М. Ю. Лермонтов «Выхожу один я на дорогу...». *Dearest, three months ago When the mesmerizer Snow With his hand’s first sweep **Put the earth to sleep.*** R. Browning “Dramatic Lyrics”; ***The whole earth was awakened, hell loosed with her crews.*** R. Browning “Dramatic Lyrics”.

– ‘дыхание’: ***Дышит земля** всем своим ароматом, Небу разверстая, только вздыхает;* А. А. Фет «В вечер такой золотистый и ясный...». *All heaven and **earth** are still-though not in sleep, **But breathless, as we grow.*** G. Byron “Childe Harold’s Pilgrimage”.

Признак ‘голос’ выражается различными языковыми средствами: *Они в выси пока сияют, Недостижимой, как мечта, Где **голоса земли** смолкают И непорочна красота.* И. А. Бунин «Христос воскрес! Опять с зарею...»; *Грохот города слышен вдали... О заветные **звуки земли!*** В. Я. Брюсов «Умереть, умереть, умереть!..»; *Глянут реки, озера и море, Что зимою глядеть не могли, И **стократ** зазвучит на просторе **Песнь небесная в песнях земли.*** К. К. Случевский «На разные случаи и смесь». Звуками земли могут быть не только песни, но и стоны: *Чад, братий наших кровь дымится, И **стонет** с ужасом **земля!*** В. Л. Пушкин «К жителям Нижнего Новгорода».

В английской языковой картине мира признак ‘голос’ также выражается различными языковыми средствами – земля «может» говорить, петь, издавать различные звуки: *That we beheld; and lend the listening sense To every grateful **sound of earth** and air...* W. Wordsworth “The Excursion”; *The chieftain’s trophy, and the poet’s volume, Will sink where lie **the songs and wars of earth**...* G. Byron “Don Juan”; *They open’d windows, gazing if the ground Had signs or footmarks, but **the earth said nought**...* G. Byron “Don

Juan”; *Persuaded that our earth had speech, Of God’s, writ down, no matter if In cursive type of hieroglyph...* R. Browning “Dramatic Romances”; *...There is a rustle in the earth, a forerunner of spring, as it resumes its eternal activities.* W. S. Maugham “Of Human Bondage”.

– ‘безмолвие’: *Ты закатилось за поля, Тебя сокрыла, поглотила Немая, черная земля.* И. А. Бунин «Где ты, угасшее светило?..»; *Любил я с колокольни иль с горы, Когда земля молчит и небо чисто, Теряться взором в их цепи огнистой...* М. Ю. Лермонтов «Сашка»: Нравственная поэма. *If this mute earth Of what it holds could speak, and every grave Were as a volume, shut, yet capable.* W. Wordsworth “The Excursion”; *When the soundless earth is muffled, And the caked snow is shuffled From the ploughboy’s heavy shoon...* J. Keats “Fancy”.

– ‘питье’: *Кровь полилась, как воды ключевые, В ночи земля пила их без зазренья...* Ф. И. Тютчев «Войди со мной – пуста сия обитель...». *Now while the earth was drinking it, and while Bay leaves were crackling in the fragrant pile...* J. Keats “Procession and hymn in honour to Pan”.

– ‘питание’: *Средь пируества земли, за трапезой осенней, Прощальной трапезой, тем смертным драгоценней, Что зимней ночи мрак последует за ней, Как веселы сердца доверчивых гостей.* П. А. Вяземский «Осень 1830 года». *Whatever stands predominant Among my earthly appetites For tastes and smells and sounds and sights, I shall be doing that alone...* R. Browning “Dramatic Romances”.

Земля – не просто живое существо, она оценивается с эстетической точки зрения: *Пой жهن светлооких и дев лепокудрых, Но помни, что призрак – земли красота!* В. Г. Бенедиктов «К поэту». *The Sun of May descended on their King, They gazed on all earth’s beauty in their Queen...* A. Tennyson “The Idylls of the King”.

Список физиологических признаков исследуемых концептов можно дополнить перцептивными признаками. В русской языковой картине мира находит объективацию признак ‘зрение’ (точнее, отсутствие зрения): *Юный бог уж ненавидит, Эти крики мстью дышат, – Но земля его не видит, Небеса его не слышат.* А. А. Фет «Зевс»; *Чтоб ободрить угасший взор, Клянусь, тот будет небу другом, Каков бы ни был приговор Земли слепой...* А. С. Пушкин «Герой»; в английской – ‘слух’, ‘осязание’: *Hear me, my mother Earth! behold it, Heaven!* G. Byron “Childe Harold’s Pilgrimage”; *His first touch of the earth went nigh to kill.* J. Keats “Endymion”.

Соматический код широко используется в процессе концептуализации окружающей природы, в частности земли. При описании когнитив-

ной модели «земля – живое существо» используются языковые схемы представления характеристик тела, например, вес и обнаженность: *Здесь, где так вяло свод небесный На землю тощую глядит, – Здесь, погрузившись в сон железный, Усталая природа спит...* Ф. И. Тютчев «Здесь, где так вяло свод небесный...»; *Когда весной разбитый лед Рекой взволнованной идет, Когда среди полей местами Чернеет голая земля,* М. Ю. Лермонтов «Весна». *Let us, O my dove, Let us be unashamed of soul, As earth lies bare to heaven above!* R. Browning “Dramatic Lyrics”.

Среди первичных телесных признаков можно выделить ‘здоровье’: *Что я молю, чтобы с весною Опять босфорской красотой К здоровью, к радостям земли Вы благодатно расцвели;* П. А. Вяземский «Княгине Вере Аркадьевне Голицыной». Противоположным состоянием является болезнь. Болезнь земли проявляется в ее мучениях: *На то ли вдохновенье, страсти Меня к могиле привели? И нет в душе довольно власти – Люблю мучения земли.* М. Ю. Лермонтов «Буюсь не смерти я. О нет!..» или сопровождается болью: *Чтоб земная боль моя В глубь земли спустилася.* И. Коневской «Великомученица Варвара». *Earth is sick, And Heaven is weary, of the hollow words Which States and Kingdoms utter when they talk.* W. Wordsworth “The Excursion”. В английской лингвокультуре болезнь также ассоциируется с болью: *With pleasant weight, the amorous-aching earth...* J. Keats “Otho the Great”; *Earth turned in her sleep with pain, Sultrily suspiried for proof.* R. Browning “Dramatic Lyrics”.

К физиологическим проявлениям живых существ можно отнести дрожь, вздрагивание или тряску: *Раз, я помню, вздрогнула земля подо мной...* А. А. Фет «Утес»; *Уж близко цель его стремленья, Как вдруг под ним (ужасный вид) Земля неверная дрожит, Он вязнет, нет ему спасенья!..* М. Ю. Лермонтов «Незабудка»; *Вдруг в горах промчался гром, Потряслась земля кругом...* А. А. Фет «Горячий ключ». В английской языковой картине мира этот признак выражен глаголами *shake* и *shudder*: *Thunder muttered, the earth shook, the wall of the vault was rent, and at the chasm entered one...* W. Scott “The Talisman”; *The Earth would shudder at so foul a deed!* J. Keats “Otho the Great”.

К физиологическим свойствам тела относятся ‘сила’: *For every genial power of heaven and earth...* W. Wordsworth “The Excursion” и ‘слабость’: *Presume to offer; we, who from the breast Of the frail earth, permitted to behold...* W. Wordsworth “The Excursion”; *This earth in weakness, shame and pain, Dying the death whose signs remain.* R. Browning “Dramatic Romances”. Оба эти признака отмечены только у концепта *earth / land*.

Наиболее частотными соматическими метафорами являются *лицо (лик) земли* и *грудь земли*: *Красным полымем Заря вспыхнула; По лицу земли Туман стелется...* А. В. Кольцов «Урожай». *Hiding the face of earth for league sand there, Where not a habitation stood before...* W. Wordsworth “The Excursion”. *На месте славного побега Весной растопленного снега Потоки мутные текли И рыли влажну грудь земли.* А. С. Пушкин «Руслан и Людмила». *The ridge itself may sink into the breast Of earth, the great abyss, and be no more;..* W. Wordsworth “The Excursion”; *Since the hour I met thee in earth’s bosom, all my power Have I put forth to serve thee.* J. Keats “Endymion”.

В структурах обоих макроконцептов представлен соматический признак ‘руки’, выраженный различными языковыми средствами, содержащими соответствующий семантический компонент (*взять, держать, объятия*): *Небо когда-то в печальную землю влюбилось, С негою страстной в объятия земли опустилось...* Д. С. Мережковский «Небо и море»; *Нашу персть – земля возьмет, Имя славное – нетленно.* Ф. И. Тютчев «Пала царственная троя...». *For who loves me must have a touch of earth...* А. Tennyson “The Idylls of the King”; *Yesterday, I could not have believed that earth held, or life afforded, moments like the few I was now passing.* Charlotte Bronte “Villette”.

В русской языковой картине мира находят объективацию соматические признаки таких телесных органов, как ‘голова’: *Уж солнца раскаленный шар С главы своей земля скатила...* Ф. И. Тютчев «Летний вечер»; ‘губы’: *На празднике зимы красуется земля И нас приветствует живительной улыбкой.* П. А. Вяземский «Первый снег»; ‘брови’: *Неохотно и несмело Солнце смотрит на поля. Чу, за тучей прогремело, Принахмурилась земля.* Ф. И. Тютчев «Неохотно и несмело...», а в английской – ‘колени’: *The warm lap of his mother earth...* W. Wordsworth “The Excursion”.

Одушевление явлений природы в русском и английском сознании происходит путем аналогии с внутренним устройством человека. В исследуемом корпусе отмечены примеры реализации признаков ‘сердце’: *Он силой огня – сын огня первородный – Из сердца земли мощно выдвинут был!* В. Г. Бенедиктов «Утес» и ‘кровь’: *For this the conqueror rears The arch of triumph! and for this the tears And blood of earth flow on as they have flowed.* G. Byron “Childe Harold’s Pilgrimage”. По-разному видится носителям языка внутреннее устройство земли – в английской языковой картине мира объективируется признак ‘кишки / внутренности’: *Captain made a rush, head-foremost, at the latter, like a man indifferent to*

bruises and contusions, who only sought to hide himself in the bowels of the earth. Ch. Dickens “Dombey and son”; в то время как в русской лингвокультуре ярко выраженная гендерная отнесенность земли реализуется посредством соматического признака женского внутреннего органа ‘лоно / утроба’: *Что за бури прошли? Что за чудо здесь было? Море ль здесь перерыло Лоно твердой земли?* П. А. Вяземский «Бастей»; *На мрачное свиданье прилетел: Так, душина земли немой утроба Не всех теней презрительный удел!..* М. Ю. Лермонтов «Письмо».

Анализ языкового материала показал наличие более трех десятков витальных признаков исследуемых макроконцептов. Сведем данные о витальных признаках макроконцептов *земля* и *earth / land* в общую таблицу.

Витальные признаки макроконцептов
земля и *earth / land*
Vital signs of *zemlya* and *earth / land*
macroconcepts

№	Признак	Земля	Earth / Land
1	жизнь	+	+
2	смерть	+	+
3	возраст	+	+
4	сон	+	+
5	движение	+	+
6	дыхание	+	+
7	голос	+	+
8	безмолвие	+	+
9	питание	+	+
10	питье	+	+
11	болезнь	+	+
12	здоровье	+	–
13	дрожь / вздрагивание	+	+
14	слабость	–	+
15	сила	–	+
16	рождение	+	–
17	красота	+	+
18	слух	–	+
19	зрение	+	–
20	осязание	–	+
21	ноги	+	+
22	руки	+	+
23	губы	+	–
24	брови	+	–
25	голова	+	–
26	колени	–	+
27	грудь	+	+
28	лицо	+	+
29	тело	+	+
30	лоно / утроба	+	–
31	кровь	–	+
32	кишки / внутренности	–	+

Отнесение русского и английского языков к одному индоевропейскому источнику в генеалогической классификации, а также универсаль-

ность витального кода в целом обуславливают схожесть признаков живого существа у исследуемых макроконцептов. «Единый культурный код выступает составной частью социокультурной парадигмы и передается «по наследству» из одной культуры в зарождающуюся на ее основе другую» [Халеева 2017: 80]. Однако наличие похожих признаков в структурах макроконцептов *земля* и *earth / land* не означает тождественности средств их языковой реализации. Скорее, наоборот, мы наблюдаем разнообразие способов экспликации одного и того же признака в русской и английской картинах мира.

Кроме того, следует отметить особенности перцептивных и соматических ассоциаций, связанных с землей в русской и английской лингвокультурах. Они не во всем совпадают.

Заключение

В результате проведенного исследования было отмечено 32 витальных признака макроконцептов *земля* и *earth / land*. Выявленные витальные признаки можно представить в виде четырех блоков: 1. Физиологические признаки ('безмолвие', 'болезнь', 'возраст', 'голос', 'движение', 'дыхание', 'вздрагивание', 'здоровье', 'красота', 'питание', 'питье', 'сила', 'слабость', 'сон'). 2. Онтологические признаки ('рождение', 'жизнь', 'смерть'). 3. Перцептивные признаки ('слух', 'зрение', 'осязание'). 4. Соматические признаки ('ноги', 'руки', 'губы', 'брови', 'голова', 'колени', 'грудь', 'лицо', 'тело', 'лоно / утроба', 'кровь', 'кишки / внутренности'). Наиболее вариативны первый и четвертый блоки. Второй представляет собой гносеологическую трихотомию ('рождение', 'жизнь', 'смерть'). Рассматриваемый языковой материал позволил выявить признак 'рождение' только в структуре макроконцепта *земля* в русской лингвокультуре. В русской лингвокультуре земля наделяется такими соматическими признаками, как 'губы', 'брови', 'голова', 'лоно / утроба', отсутствующими в английской лингвокультуре. А признаки 'колени', 'кровь', 'кишки / внутренности' не отмечены в рассмотренном русскоязычном материале. Язык сохраняет в себе механизм одушевления окружающего мира, отражая тем самым мифологический характер древнего мышления. Современные носители русского и английского языков так же активно используют витальные метафоры в повседневной жизни и в художественных контекстах, уже не осознавая их мифологических истоков.

Коды лингвокультуры являются универсальными: они встречаются в описаниях различных фрагментов мира. Витальные признаки, представленные структурах макроконцептов *земля* и *earth / land*, практически идентичны. Однако

удельный вес метафор, их реализующих, различается.

Список литературы

Баикатова Ю. А. Соматический код в английской и русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3(2). С. 90–94.

Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.

Колесов В. В. Пименова М. В. Введение в концептологию. М.: Флинта: Наука, 2016. 248 с.

Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки слав. культуры, 2004. 792 с.

Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.

Мошина Е. А. Концептуализация НАДЕЖДЫ витальными признаками и способы их реализации в русской языковой картине мира // Мир и язык: сб. науч. ст. / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. С. 129–134. (Серия «Филологический сборник». Вып. 6).

Мошина Е. А. Гендерные и теоморфные признаки мифологемы Земля-мать в русской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 1. С. 251–257. doi 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257.

Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 497 с.

Пименова М. В. Метафора в аспекте кода лингвокультуры // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. Бишкек; Волгоград; Екатеринбург; Санкт-Петербург, 2015. С. 59–72. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 21).

Пименова М. В. Духовный код русской и английской лингвокультур: концепты *сердце* и *heart* // Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований: сб. науч. ст. к 70-летию юбилею доктора филологических наук, профессора В. А. Масловой / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 18–32. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 16).

Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры //

Фразеология в контексте культуры. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 13–24.

Халеева С. А. Экспликация биоморфного культурного кода в английских суевериях // Университетские чтения – 2017. Пятигорск: ПГЛУ, 2017. С. 79–83.

Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 526 с.

Berger A. Culture Codes. Createspace Independent Publishing Platform. 2012. 120 p.

Jonson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University Chicago Press, 1987. 272 p.

Jonson M. Moral Imagination: Implications of Cognitive Science for Ethics. Chicago: University of Chicago, 1993. 302 p.

Lakoff G. Conceptual metaphor in everyday language / G. Lakoff, M. Jonson // Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77, № 8. P. 453–486.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

Maslova V. A. The Russian Language through the Codes of Cultural Linguistics // Вестник РУДН (Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания). 2016. № 3. P. 27–33.

Sharifian F. Cultural Linguistics. Cultural conceptualisations and language. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. 238 p.

References

Bashkatova Yu. A. Somaticheskii kod v angliyskoy i russkoy yazykovoy kartine mira [Somatic code in English and Russian linguistic picture of the world]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2013, issue 3(2), pp. 90–94. (In Russ.)

Gudkov D. B., Kovshova M. L. *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [Body code of Russian culture: Materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 288 p. (In Russ.)

Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury* [Linguoculturological method in phraseology: Culture codes]. Moscow, Knizhnyy dom 'LIBROKOM' Publ., 2012. 456 p. (In Russ.)

Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Vvedenie v kontseptologiyu* [Introduction to concept studies]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2016. 248 p. (In Russ.)

Krasnykh V. V. *Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru)* [Codes and benchmarks of culture (invitation to discussion)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. statey* [Language, consciousness, communication: collection of articles]. Mos-

cow, MAKS Press Publ., 2001, issue 19, pp. 5–19. (In Russ.)

Lakoff G. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi* [Women, fire, and dangerous things]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 792 p. (In Russ.)

Maslova V. A., Pimenova M. V. *Kody lingvokul'tury* [Codes of linguistic culture]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2016. 180 p. (In Russ.)

Moshina E. A. *Kontseptualizatsiya NADEZhDY vital'nymi priznakami i sposoby ikh realizatsii v russkoy yazykovoy kartine mira* [Conceptualization of HOPE by vital signs and ways of their realization in the Russian linguistic picture of the world]. *Mir i yazyk: sbornik nauchnykh statey. Seriya 'Filologicheskii sbornik'* [World and language: collection of scientific articles. Series 'Collected works on philology']. Ed. by E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Kemerovo, IPK 'Grafika', 2005, issue 6, pp. 129–134. (In Russ.)

Moshina E. A. *Gendernye i teomorfnye priznaki mifologemy Zemlya-mat' v russkoy lingvokul'ture* [Gender and theomorphic signs of the 'Earth-Mother' mythologeme In Russian linguistic culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2020, vol. 22, issue 1, pp. 251–257. doi 10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257. (In Russ.)

Pimenova M. V. *Kontsepty vnutrennego mira (russko-angliyskie sootvetstviya): diss. d-ra filol. nauk* [Concepts of the inner world (Russian-English correspondence): Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2001. 497 p. (In Russ.)

Pimenova M. V. *Metafora v aspekte koda lingvokul'tury* [Metaphor in the aspect of linguistic culture codes]. *Novoe v kognitivnoy lingvistike 21 veka: sbornik nauchnykh statey* [The new in the 21st-century cognitive linguistics: collection of scientific articles]. Ed. by M. V. Pimenova. Bishkek, Volgograd, Ekaterinburg, St. Petersburg, 2015, pp. 59–72. (In Russ.)

Pimenova M. V. *Dukhovnyy kod russkoy i angliyskoy lingvokul'tur: kontsepty serdtse i heart* [Spiritual code of Russian and English linguistic cultures: concepts 'serdtse' and 'heart']. *Lingvokul'turnye aspekty kontseptual'nykh issledovaniy: sbornik nauchnykh statey k 70-letnemu yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora V. A. Maslovoy* [Linguocultural aspects of conceptual research: collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of Doctor of Philological Sciences V. A. Maslova]. Ed. by M. V. Pimenov. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Press, 2018, pp. 18–32. (In Russ.)

Teliya V. N. *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury* [Priority tasks and methodological issues of studying the

phraseological composition of language in the context of culture]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, pp. 13–24. (In Russ.)

Khaleeva S.A. Eksplikatsiya biomorfnoy kul'turnogo koda v angliyskikh sueveriyakh [Explication of the biomorphic cultural code in English superstitions]. *Universitetskie chteniya – 2017* [University Readings – 2017]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Press, 2017, pp. 79–83. (In Russ.)

Shchepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii 19–20 vv.* [The culture of the road in the Russian mythoritual tradition of the 19th–20th centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 526 p. (In Russ.)

Berger A. *Culture Codes. Createspace Independent Publishing Platform*, 2012, 120 p. (In Eng.)

Jonson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, University Chicago Press, 1987. 272 p. (In Eng.)

Jonson M. *Moral Imagination: Implications of Cognitive Science for Ethics*. Chicago, University of Chicago, 1993. 302 p. (In Eng.)

Lakoff G., Johnson M. Conceptual metaphor in everyday language. *Journal of Philosophy*, 1980, vol. 77, issue 8, pp. 453–486. (In Eng.)

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. *Metaphor and Thought*. Ed. by A. Ortony. 2nd edition. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 202–251. (In Eng.)

Maslova V. A. The Russian language through the codes of cultural linguistics. *Vestnik RUDN (seriya Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya)* [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching], 2016, issue 3, pp. 27–33. (In Eng.)

Sharifian F. *Cultural Linguistics. Cultural conceptualisations and language*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2017. 238 p. (In Eng.)

VITAL CODE AS A WAY TO REALIZE FIGURATIVE SIGNS OF THE MACROCONCEPTS 'ZEMLYA' AND 'EARTH / LAND' IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUISTIC CULTURES

Elena A. Moshina

Associate Professor in the Department of Foreign Languages

Military Institute (Engineering) of the Military Logistics

Academy n. a. the General of the Army A. V. Khrulev

22, Zakharyevskaya st., St. Petersburg, 191123, Russian Federation. moshina@inbox.ru

SPIN-code: 9828-4290

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9490-657X>

ResearcherID: R-7684-2018

Submitted 29.03.2020

The paper describes figurative signs of the macroconcepts *zemlya* and *earth / land* from the aspect of the vital code of linguistic culture. The vital code is represented in metaphors of a living being. The purpose of the article is to define a set of vital signs of the macroconcepts *zemlya* and *earth / land*. The objectives of the study are as follows: 1. to provide a brief overview of the existing studies concerning the vital code; 2. to identify and compare the vital signs of *zemlya* and *earth / land* macroconcepts in the collected language material. The subject of the study is language constructions including the words *zemlya* and *earth / land* and containing metaphors of a living being. The object of the study is the vital code of Russian and English linguistic cultures. As to the current scientific relevance of the study, the means of expressing the macroconcepts *zemlya* and *earth / land* presented in the compared linguistic cultures are analyzed in terms of two principles – anthropomorphism and vitality. The study is novel in that the macroconcepts *zemlya* and *earth / land* are first considered within codes of linguistic culture. The main methods of research are descriptive, conceptual, comparative, interpretative. The study material was selected from the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru) and Oxford Text Archive (<https://ota.bodleian.ox.ac.uk/repository/xmlui/>). As the study showed, the identified vital signs can be grouped into four blocks: 1. Physiological signs ('voicelessness', 'disease', 'age', 'voice', 'movement', 'breathing', 'shaking', 'health', 'beauty', 'feeding', 'drinking', 'strength', 'weakness', 'sleep'). 2. Ontological signs ('birth', 'life', 'death'). 3. Perceptual signs ('hearing', 'vision', 'touch'). 4. Somatic signs ('legs', 'hands', 'lips', 'eyebrows', 'head', 'lap', 'breast', 'face', 'body', 'womb', 'blood', 'bowels'). Codes of linguistic culture are universal: they are presented in the descriptions of different fragments of the world. The vital signs represented in *zemlya* and *earth / land* concept structures are almost identical. However, the specific quantity of metaphors that implement them is different.

Key words: concept sign; macroconcept; linguistic culture codes; linguistic culture; metaphor.

УДК 81'25
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-52-62

ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕКЛАРАЦИИ ЮНЕСКО О ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Наталья Валерьевна Шутёмова

д. филол. н., профессор кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. lingconf14@mail.ru

SPIN-код: 6361-4981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4188-0310>

Статья поступила в редакцию 23.04.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шутёмова Н. В. Жанровые характеристики Декларации ЮНЕСКО о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия в лингвостилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 52–62. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-52-62

Please cite this article in English as:

Shutemova N. V. Zhanrovyye kharakteristiki Deklaratsii YuNESKO o vydayushcheysya universal'noy tsennosti ob"ekta vseirnogo naslediya v lingvostilisticheskom aspekte [Genre Characteristics of UNESCO Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites in the Linguostylistic Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 52–62. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-52-62 (In Russ.)

Рассматриваются жанровые характеристики одного из основных документов ЮНЕСКО, декларирующих выдающуюся универсальную ценность (ВУЦ) объектов всемирного наследия. Документ изучается с точки зрения своеобразия его содержания и формы. Материалом исследования послужила декларация о ВУЦ Галапагосского архипелага, относящегося к наиболее значимым объектам в списке ЮНЕСКО. На основе дискурсивного анализа текста выявлены следующие взаимосвязанные характеристики документов данного жанра, определяющие в единстве его своеобразие: типовое содержание, жесткая структурированность, информативность, концептуальность, интертекстуальность, точность, краткость, ясность, персуазивность, аргументативность, аксиологичность, выразительность, образность, риторичность. Сопряжение данных характеристик текста обусловлено экстралингвистическими факторами, прежде всего его нацеленностью на описание и доказательство ВУЦ объекта. Исследование показало, что жанр характеризуется типовым содержанием, получающим логическое развитие в стандартной композиции, предусмотренной форматом. В документе репрезентируется содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информация. Для доказательства ВУЦ объекта используются как фактографические, так и аксиологические аргументы. Для вербальной репрезентации данных свойств характерно, с одной стороны, использование языковых средств в соответствии с литературной нормой и предметным значением слова, с другой – метафоричность и высокая частотность оценочной лексики. Свойство интертекстуальности документа обусловлено его взаимосвязью с целым спектром документов ООН, а также научной, публицистической, художественной литературой.

Ключевые слова: официально-деловой текст; жанр; всемирное наследие; выдающаяся универсальная ценность; информативность; персуазивность; аргументативность; аксиологичность; краткость; точность; ясность; выразительность; образность; интертекстуальность; риторичность.

Работа с документацией является одним из важнейших направлений лингвистической и переводческой деятельности в сфере международных отношений. Документы сопровождают проекты в области культуры, бизнеса, образования, науки, реализуемые национальными и международными организациями, выполняют различные функции и характеризуются многообразием жанров. Необходимость изучения системы жанров международных документов и их свойств обусловлена актуальностью проблемы составления текстов в соответствии с существующим стандартом для эффективности коммуникации. Кроме того, исследование жанровых свойств документации актуально с точки зрения необходимости их репрезентации при переводе, что связано с решением проблемы передачи целостности оригинала в переводном тексте (ПТ) и, в более широком смысле, проблемы качества перевода. В связи с этим изучение жанровых характеристик международных документов является необходимым компонентом образовательного процесса, формирующего у студентов языковые, дискурсивные, собственно переводческие, общекультурные и межкультурные компетенции.

Традиции изучения жанров сформировались в филологии благодаря исследованиям в области теории литературы, функциональной стилистики, лингвистики и философии текста, дискурсивной лингвистики, риторики, типологии перевода, где понятие жанра оказывается вписанным в контекст полемики о соотношении понятий «язык», «речь», «текст», «стиль», «коммуникация», «дискурс» [Алексеева, Мишланова 2002; Анисимова 2000; Арутюнова 1976; Бахтин 1979; Бибахин 2001; Гальперин 2006; Дридзе 1984; Кубрякова 2000; Негрышев 2000; Ревзина 1999; СЭСРЯ 2003; Турбина 2017; Хасанова 2008; Чернявская 2001, 2007; Brown 1983; Gumperz 1982; Mills 1997; Tannen 1993; Thomas 1995; Van Dijk 1981, 2008, 2009, 2014; Vershueren 1999]. При этом системное освещение получают такие свойства разных типов текстов, с учетом их жанрового разнообразия, как интертекстуальность, диалогичность, аксиологичность, научность, художественность, образность, точность, императивность, информативность, экспрессивность и др. [Алексеева 2013; Баженова 1992; Данилевская 2009; Дускаева 2012; Кожина, Дускаева, Салимовский 2008; Кузьмина 1999; Салимовский 2000; Ширинкина 2001].

Документация в сфере международных отношений относится к жанрам институционального дискурса, формируемого текстами официально-делового стиля. Посредством дискурсивной деятельности обеспечивается лингвистическое и переводческое сопровождение сферы правовых

отношений, «соотносимой с законодательной, правовой, административной, коммерческой видами деятельности и формой общественного сознания – правом» [СЭСРЯ 2003: 274]. Соответственно, на основе принципа деления государственной власти на сферы законодательства, правосудия, управления и межгосударственных отношений выделяют законодательный, юрисдикционный, административный и дипломатический виды институционального дискурса, которые также подразделяются на подвиды в зависимости от целей и условий коммуникации, что обуславливает богатую палитру жанров текстов, скрупулезно описанную в трудах пермской школы функциональной стилистики [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008]. В нашем исследовании мы исходим из представления о жанре как «исторически складывающемся и развивающемся типе литературного произведения» [там же: 56], характеризующемся тесной взаимосвязанностью содержания (тематики) и формы (которая может быть жесткой или мягкой). При этом мы опираемся на классификацию жанров, в основе которой лежат признаки отнесенности к тому или иному виду дискурса, форме речи, выполняемой функции (предписание, ходатайство, информирование). Согласно данной классификации, например, в законодательном дискурсе выделяют такие жанры, существующие в письменной форме и выполняющие предписывающую функцию, как законы, решения, нормативные акты, указы, постановления и другие, при этом к жанрам, существующим в устной форме, относятся апеллирующие парламентские речи, имеющие функцию ходатайства, а также парламентские речи и прения, характеризующиеся функцией информирования. В юрисдикционном дискурсе по функции предписания различают такие письменные тексты с функцией предписания, как, например, судебные решения, обвинительные заключения, определения, приговоры. По функции информирования дифференцируют письменные жанры процессуальных актов и протоколов и устные: опросы, допросы, показания, очная ставка. Дипломатический дискурс образуют такие жанры текстов, существующих в письменной форме и выполняющих функцию предписания, как договоры, соглашения, конвенция, пакты, декларации, ультиматумы, вербальные ноты, протоколы, а функцию ходатайства – личные ноты. При этом устная форма и функция информирования характерны, в частности, для таких жанров дипломатического дискурса, как совместные заявления, коммюнике, совместные коммюнике, меморандумы. К общим свойствам текстов официально-делового стиля относят императивность, точность, стандартизованность,

официальность, безэмоциональность, неличность, изложение по типу констатации [СЭСРЯ 2003: 273–277], что характеризует институциональный дискурс в целом.

Предметом рассмотрения в данной статье являются жанровые характеристики декларации о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия, являющейся одним из основных документов ЮНЕСКО, сопровождающих проект «Всемирное наследие», имеющий глубоко гуманитарную миссию, реализующийся в рамках концепции «устойчивого развития» в соответствии с принятой 16 ноября 1972 г. на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО «Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия» и направленный на выявление, сохранение и популяризацию объектов, обладающих исключительными достоинствами.

Понятие «выдающаяся универсальная ценность» (англ. Outstanding Universal Value; франц. Valeur universelle exceptionnelle) является ключевым в характеристике объектов культурного, природного и смешанного (культурно-природного) всемирного наследия и трактуется как «бесценное и невозполнимое достояние не только каждого народа мира, но и всего человечества в целом» [Руководство по выполнению Конвенции 2017: 17–18]. Оно означает «культурную и / или природную значимость, которая является столь исключительной, что выходит за пределы национальных границ и представляет всеобщую ценность для настоящих и будущих поколений всего человечества» [там же: 45]. При этом объектом всемирного наследия [англ. World Heritage property, World Heritage Site; франц. Bien du patrimoine mondial; Site du patrimoine mondial] является «объект, признанный обладающим выдающейся универсальной ценностью и включенный решением Комитета всемирного наследия в Список всемирного наследия» [Конвенция 2017: 1]. Выделяют три основные группы таких объектов: культурные, природные и смешанные.

Наличие ценности определяется на основе специальных критериев, соответствие которым является основанием для включения объекта в Список всемирного наследия. Критерии разработаны Комитетом всемирного наследия и приведены в статье 77 Руководства по выполнению Конвенции. Изначально они были разделены на две группы: шесть критериев оценки культурных объектов и четыре – природных. В 2003 г. на 6-й внеочередной сессии Комитета всемирного наследия в Париже был разработан единый перечень критериев, обобщенных по своим формулировкам, но применяемых индивидуально для ха-

рактеристики уникальных свойств отдельного объекта, определяющих его ценность.

Согласно Руководству, если Комитет принимает решение о включении объекта в Список всемирного наследия, им принимается и Формулировка выдающейся универсальной ценности объекта, которая также называется декларацией (англ. Statements of outstanding universal value (SOUV), франц. Déclaration de valeur universelle exceptionnelle). Она выполняет важную функцию, являясь основанием для охраны объекта и управления им в будущем. Предварительный вариант декларации составляется государством-стороной Конвенции и включается им в Номинацию, представляющую собой предложение о включении объекта в Список всемирного наследия, составленное в соответствии с форматом. Важно отметить, что именно данная декларация размещается на сайте ЮНЕСКО на лицевой странице объекта из Списка всемирного наследия в качестве основного документа, в котором ясно и кратко обосновывается всеобщая универсальная ценность достопримечательности. Данный текст доступен широкой общественности и является своего рода визитной карточкой объекта.

С одной стороны, эти документы выполняют информационную функцию, с другой – они готовятся заявителем, задачей которого является обоснование ценности объекта с целью получения признания его уникальности, поэтому они выполняют также функцию убеждения и формирования позитивного отношения к объекту, общественного признания его ВУЦ. Анализ деклараций объектов всемирного наследия позволил выявить следующие взаимосвязанные характеристики документов данного жанра, определяющие в единстве его своеобразие: жесткую структурированность, информативность, концептуальность, интертекстуальность, мультимодальность, аксиологичность, персуазивность, аргументативность, риторичность, краткость, точность, ясность, выразительность. Рассмотрим данные свойства на примере декларации о выдающейся универсальной ценности Галапагосских островов, считающихся объектом № 1 в Списке всемирного наследия.

С формальной точки зрения декларация характеризуется строгой композицией, предусмотренной форматом и включающей следующие обязательные компоненты: 1) резюме решения Комитета всемирного наследия о том, что объект обладает ВУЦ (“brief synthesis”); 2) перечень критериев, которым он соответствует (“criteria”); 3) оценку целостности объекта (“integrity”), т. е. меры его единства и неповрежденности, 4) оценку подлинности (“authenticity”) объекта, номинируемого согласно критериям I–VI (т. е. культурного

объекта); 5) требования к охране объекта и управления им (“protection and management requirements”) [Руководство 2017: 108].

В первом разделе декларации о ВУЦ Галапагосских островов кратко и емко дается оценка основных свойств объекта: его уникального географического положения, уникальных сейсмических и вулканических процессов, отражающих эволюцию архипелага, уникальное богатство его флоры и фауны. Во втором разделе поясняется соответствие ценности Галапагоса всем четырем критериям (VII–X), относящимся к природным объектам, что получает последовательное и убедительное раскрытие в четырех параграфах.

Так, согласно критерию VII ценность составляет удивительное богатство форм жизни подводного мира, его геоморфологических форм, зрелищность уникальных пейзажей. Критерий VIII описывает уникальное разнообразие форм живой природы; критерий IX – геологические и геоморфологические процессы, включающие сейсмические и вулканические процессы, объясняющие загадку происхождения архипелага; критерий X – уникальный пример влияния экологических, эволюционных, биогеографических процессов на флору и фауну, тщательно исследованного Ч. Дарвиным.

В третьем разделе документа приводятся точные данные об обширной площади Национального парка и Морского заповедника, годах их создания, количестве островов, численности населения, инфраструктуре, ограниченности количества туристов. Поскольку Галапагосские острова являются природным, а не культурным объектом, то документ не включает четвертого раздела, т.е. оценки подлинности объекта. В заключительном разделе объясняются факторы, угрожающие сохранности достопримечательности: антропогенные (демографический рост, возрастающий туристический поток, браконьерство, конфликт интересов) и биогенные (занесенные виды флоры и фауны). Перечисляются также экономические и законодательные меры по их устранению, в частности, разработка специальных законов по охране заповедника, карантинные мероприятия, контроль акватории, аграрная политика, миграционный и туристский менеджмент, ликвидация бытовых отходов, зонирование архипелага и выделение запрещенных для проживания территорий, привлечение финансовой поддержки фондов.

Помимо требований к структуре формат документа предполагает необходимость краткого и емкого изложения концепции ВУЦ архипелага. Информационная функция текстов данного жанра, констатирующая обоснованность присвоения статуса объекта всемирного наследия, обуслов-

ливает такие их жанровые свойства, как информативность и концептуальность. В документе сообщается содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информация об объекте. Содержательно-фактуальная информация представляет собой эксплицитно репрезентированные данные о географическом положении объекта, его истории и основных свойствах, которые определяют его ценность, о соответствии конкретным критериям и требованиям к его охране. С риторической точки зрения фактографическая информация является сильной аргументацией, доказывающей ВУЦ Галапагосских островов. Содержательно-концептуальную информацию составляет выраженное в тексте целостное, системное и мотивированное представление ЮНЕСКО о выдающейся уникальной ценности архипелага, составляющих ее свойствах, об определяющих ее факторах и причинах, о соответствии критериям XI–X и о конкретных требованиях к охране объекта. Богатый подтекст документа образуется импликацией информации, детализированно эксплицитированной в других текстах, с которыми декларация содержательно связана. С одной стороны, это документы ЮНЕСКО, в частности, Номинация, Конвенция, Руководство по ее выполнению, с другой стороны, это научная, художественная, публицистическая литература географической, биологической, исторической, культурологической тематики, например, повествующая о географических открытиях, исторических событиях и персоналиях, описывающая пейзажи Галапагоса, его флору и фауну, историю, жизнь и деятельность Ч. Дарвина и научные открытия других выдающихся людей, что, в свою очередь, означает и интертекстуальность рассматриваемого документа.

Точность и ясность передачи информации обеспечивается преимущественным использованием лексических единиц, употребленных в соответствии с их предметным значением. Кроме того, для документа характерна высокая частотность прецизионной лексики. Прежде всего необходимо отметить высокую частотность числительных, посредством которых исторические и научные факты получают точную и ясную репрезентацию и являются с риторической точки зрения сильными аргументами, доказывающими ВУЦ Галапагоса. Например, указывается, что уникальность богатейшей экосистемы сформировалась благодаря расположенности архипелага в Тихом океане на расстоянии около одного километра от побережья Эквадора (“The Galapagos Islands area situated in the Pacific Ocean some 1,000 km from the Ecuadorian coast”), в уникальном месте объединения трех океанских течений

“Its geographical location at the confluence of three ocean currents makes it one of the richest marine ecosystems in the world”) и соединения трех тектонических плит (“Three major tectonic plates – Nazca, Cocos and Pacific – meet at the basis of the ocean, which is of significant geological interest”). С помощью числительных подчеркивается обширность территории архипелага, включающего 127 островов, островков и скал, из которых 19 крупных, 4 населенных (“The Galapagos archipelago is located about 1,000 km from continental Ecuador and is composed of 127 islands, islets and rocks, of which 19 are large and 4 are inhabited”), при этом площадь Национального парка составляет 7665100 га (“97 % of the total emerged surface (7,665,100 ha) was declared National Park in 1959”), а Морского заповедника – 133 000 км² (“The islands are surrounded by the Galapagos Marine Reserve which was created in 1986 (70,000 km²) and extended to its current area (133,000 km²) in 1998”). Отмечается возраст островов: до миллиона лет у новейших и от трех до пяти миллионов у древнейших (“the largest and youngest islands, Isabela and Fernandina, with less than one million years of existence, and the oldest islands, Española and San Cristóbal, somewhere between three to five million years”).

Посредством числительных репрезентируется доказательство уникальности и богатства флоры и фауны региона. Например, сообщается, что из 500 видов сосудистых растений 180 являются эндемическими (“part of a native flora including about 500 vascular plant species of which about 180 are endemic”), из 12 видов млекопитающих 11 эндемические, а 10 под угрозой исчезновения, все 36 видов рептилий эндемичны и находятся под угрозой исчезновения, включая единственную в мире морскую игуану, при этом эндемичны 18.2 % относительно 2 909 морских видов: “Examples of endemic and threatened species include 12 native terrestrial mammal species (11 endemic, with 10 threatened or extinct) and 36 reptile species (all endemic and most considered threatened or extinct), including the only marine iguana in the world. Likewise the marine fauna has an unusually high level of diversity and endemism, with 2,909 marine species identified with 18.2 % endemism”.

В документе указываются и значимые даты: посещение архипелага Ч. Дарвиным в 1835 г., вдохновившее ученого на создание эволюционной теории (“all of which inspired Charles Darwin’s theory of evolution by natural selection following his visit in 1835”), публикация его книги «Путешествие на корабле ‘Бигль’» в 1839 г. (“The origin of the flora and fauna of the Galapagos has been of great interest to people ever since the publication of the ‘Voyage of the Beagle’ by

Charles Darwin in 1839 by Charles Darwin in 1839”), даты создания Национального парка (1959 г.) и морского заповедника (1986 г.), годы принятия специальных законов об охране достопримечательности.

Точность и ясность вербальной репрезентации концепции ВУЦ Галапагос обуславливается и высокой частотностью имен собственных, номинирующих географические объекты, в частности, сам архипелаг (“the Galapagos archipelago”), страну (Ecuador), тектонические плиты (“Nazca, Cocos and Pacific”), океан (the Pacific ocean), национальный парк (“the National Park”), морской заповедник (“the Galapagos Marine Reserve”), отдельные острова (Isabela, Fernandina, Española, San Cristóbal), а также климатические явления (El Niño), законы (“Special Regime Law for the Conservation and Sustainable Development in the Province of the Galapagos of 1998, and inscribed in the Constitution of the Republic of Ecuador”), исследователей (Charles Darwin).

Кроме того, необходимо отметить высокую частотность специальной лексики, благодаря которой репрезентируется мысль о богатстве флоры и фауны: сообщается, что в архипелаге обитают уникальные виды животных, например, морские игуаны, нелетающие бакланы, гигантские черепахи, акулы, китовые акулы, скаты, китообразные, многие подвиды пересмешников и зябликов, произрастают огромные кактусы, гигантские деревья семейства Астровые, эндемичные, находящиеся под угрозой исчезновения и даже вымершие виды (“marine iguanas”, “flightless cormorants”, “giant tortoises”, “seabirds”, “sea lions”, “land snails”, “sharks, whale sharks, rays and cetaceans”, “reptile species”, “the giant daisy trees *Scalesia* spp”, “vascular plant species”, “endemic and threatened species”, “extinct species”). Зоонимы и фитонимы объединены в документе в многочисленные многокомпонентные ряды однородных членов, репрезентирующие мысль об уникальном разнообразии живой природы Галапагос. Точное наименование получают и процессы: вулканические, сейсмические, геоморфологические, биогеографические, эволюционные, экологические, что также точно и ясно репрезентирует мысль об уникальности объекта, демонстрирующего историю планеты Земля и ее современное состояние. В целом, рассмотренные характеристики документа являются проявлением такого типологического свойства официально-делового дискурса, как «точность, не допускающая инотолкования» [СЭСРЯ 2003: 274].

Нацеленность заявителя на обоснование уникальности объекта и убеждение в ней обуславливает сопряжение информативности с аргументативностью, аксиологичностью, образностью,

экспрессивностью, определяющими персуазивность и в целом риторичность документа. Прежде всего необходимо отметить, что уникальные свойства архипелага получают в нем метафорическое осмысление. Ключевой является метафора «уникального “живого музея и витрины эволюции”» (“a unique ‘living museum and showcase of evolution’”), сформулированная уже в первом разделе. Она развивается во всем документе и дополняется разветвленной системой эпитетов, репрезентирующих оценку достопримечательности и подчеркивающих ее ВУЦ, что детерминирует аксиологичность и экспрессивность документа. Помимо определений, являющихся компонентами зоонимов и фитонимов (“huge”, “giant”, “sea”), а также описывающих протекающие в регионе процессы (“volcanic”, “seismic”, “geomorphological”, “ecological”, “evolutionary”, “biogeographic”), можно выделить оценочные эпитеты, подчеркивающие уникальность архипелага (“unique”, “unusual”, “exceptional”), богатство его флоры и фауны (“abundant”, “one of the richest”, “such a complete continuum”, “marine”, “terrestrial”, “endemic”, “extinct”), значимость для мира (“significant”, “key”, “major”, “important”), географическое своеобразие (“immense”, “extreme”).

Доминантным является уточняющий ключевую метафору эпитет “unique”. Входя в синонимический ряд с общим значением «отличающийся от обычного или ожидаемого и поэтому вызывающий определенную эмоциональную реакцию», данное прилагательное позволяет охарактеризовать архипелаг «как объект, не только отличающийся от других, но и являющийся единственным в своем роде» [АРСС 1979: 149]. Семантика эпитета “unique” актуализируется в документе с помощью его рекуррентности в контексте, в котором описывается зрелищность открывающихся взору пейзажей, которые невозможно увидеть больше нигде в мире (“the site producing a **unique display**, which cannot be found anywhere else in the world”). Данное прилагательное является ядром семантического поля, образуемого разветвленной системой эпитетов документа, и связан с ними по принципу гиперогипонимических отношений. Каждый из них является средством репрезентации обосновываемого в документе тезиса об уникальных свойствах объекта, что обуславливает аксиологичность и экспрессивность документа.

Важно также отметить, что данные эпитеты не только характеризуются оценочностью и выразительностью, но и по своей семантике очень точны. Так, с помощью эпитетов “immense” и “extreme” репрезентируется оценка уникальности географических параметров заповедника: его площади и местоположения соответственно.

Прилагательное “immense” (“immense marine reserve”) входит в богатый синонимический ряд с прилагательными “enormous” (доминанта ряда), “vast”, “gigantic”, “colossal”, “herculean”, “cyclopean”, “titanic”, “mammoth”, “elephantine”, имеющими общее значение «намного превосходящий обычные линейные размеры» [там же: 148], и означает, что описываемый морской заповедник «намного превышает обычные представления о величине» [там же]. С помощью эпитета “extreme”, выражающего мысль о крайней, максимальной степени удаленности объекта (“farthest possible”) [OALDCE II, 1982: 302], подчеркивается уникальная географическая изолированность архипелага от человеческой цивилизации (“the **extreme** isolation of the islands”).

Развернутую репрезентацию посредством эпитетов в документе получает один из основных тезисов о богатстве и уникальности форм живой природы, сохранившихся в заповеднике. Данная оценка, даваемая ЮНЕСКО объекту, выражается с помощью эпитета “unusual”, синонимичного прилагательному “unique” и обозначающего неординарный, а выдающийся характер объекта, подчеркивающего необычайность флоры и фауны архипелага (“**unusual** plant and animal life”). Для характеристики богатейшей морской экосистемы используется прилагательное “rich” в форме превосходной степени сравнения (“one of **the richest** marine ecosystems in the world”). Семантически оно связано с одним из ключевых существительных документа “diversity”, репрезентирующих мысль об удивительном разнообразии природы архипелага. Его семантика актуализируется посредством эмфатической конструкции (“such a diversity of marine life forms”) и рекуррентности (“**The diversity** of underwater geomorphological forms”), подчеркивающих уникальность форм морской жизни и геоморфологических форм подводного мира. Кроме того, эпитет “the richest” является контекстуальным синонимом повторяющегося в документе эпитета “**abundant (life)**”, позволяющего выразить оценку количества форм жизни на островах, как значительно превышающего представление о достаточности и норме, подчеркивая мысль об изобилии, необычайном богатстве форм жизни на островах, диапазон которых простирается от кораллов до акул, пингвинов, морских млекопитающих. Эта мысль об уникальности живой природы архипелага актуализируется посредством рекуррентности логического сопоставления Галапагоса со всем миром и рекуррентности отрицания (“**No other site in the world**”, “the site producing a **unique display**, which cannot be found anywhere else in the world”):

“The Galapagos Marine Reserve is **an underwater wildlife spectacle** with **abundant life** ranging

from corals to sharks to penguins to marine mammals. **No other site** in the world can offer the experience of diving with **such a diversity** of marine life forms that are so familiar with human beings, that they accompany divers. **The diversity** of underwater geomorphological forms is an added value to the site producing a **unique display**, which cannot be found anywhere else in the world”.

Доказываемый тезис об уникальности архипелага репрезентируется и с помощью эпитета “complete”, семантика которого актуализируется посредством повтора эмфатической структуры (“Almost no other site in the world offers protection of **such a complete continuum** of geological and geomorphological features”), обозначающей поразительную полноту картины геологических и геоморфологических форм, представленных в заповеднике. К системе оценочных эпитетов, репрезентирующих идею уникальности объекта, относится также эпитет “exceptional”, подчеркивающий исключительность взаимодействия морских и наземных биот (“The interactions between the marine and terrestrial biotas (e. g. sea lions, marine and terrestrial iguanas, and seabirds) are also **exceptional**”).

Более детализированную репрезентацию доказательство уникальности живой и неживой природы архипелага, выраженное посредством рассмотренных оценочных эпитетов, получает посредством прилагательных, являющихся основным способом точной номинации и характеристики перечисляемых в документе видов и процессов (“marine iguanas”, “flightless cormorants”, “giant tortoises”, “huge cacti”, “sea lions”, “marine and terrestrial iguanas”, “seabirds”, “endemic trees”, “marine worlds”, “emblematic taxa”, “on-going geological and geomorphological processes”, “small seismic movements”, “volcanic areas”, “volcanic eruptions”, “ecological, evolutionary and biogeographic processes”, “adaptive radiation”). Они характеризуются высокой частотностью, образуют в документе развернутые перечислительные ряды и подвергаются рекурренции, выполняя не только номинативную функцию, но и аргументативную, оценочную, персуазивную, в целом обеспечивая суггестивность высказывания. Небезынтересно отметить и развитие в документе синонимического ряда эпитетов с доминантой “immense”: прилагательное “huge”, указывая на большие размеры кактусов, подчеркивает и их массивность, при этом прилагательное “giant”, «обозначающее превышение нормы размера, характерной для земных масштабов, размеры, свойственные великанам или вещам, которые их окружают» [АРСС 1979: 149], подчеркивает необыкновенные размеры черепах и является компонентом термина, их именующего.

Кроме того, посредством оценочных прилагательных, использованных в своем основном значении и образующих синонимические отношения (“important”, “major”, “significant”), в документе точно репрезентируется оценка не только уникальности архипелага, но и его всемирной исторической значимости. Если с помощью эпитета “significant” (“Three major tectonic plates – Nazca, Cocos and Pacific – meet at the basis of the ocean, which is of **significant** geological interest”) актуализируется мысль об особой значимости архипелага (“having a special or suggestive meaning”) [OALDCE 1982, II: 294], то эпитет “major” подчеркивает более высокую степень значимости характеризуемого объекта по сравнению с другими, а эпитет “important” выражает тезис о том, что объект оказывает существенное влияние на исследование эволюции видов флоры и фауны и требует серьезного отношения (“of great influence, to be treated seriously, having a great effect”) [OALDCE 1982, I: 426] (“**historically important** Darwin’s finches and Galapagos mockingbirds”; “Likewise, the Marine Reserve, situated at the confluence of 3 major eastern Pacific currents and influenced by climatic phenomena such as El Niño, has had **major** evolutionary consequences and provides **important** clues about species evolution under changing conditions”).

Таким образом, на основе проведенного дискурсивного анализа содержания и формы документа можно заключить, что к основным жанровым характеристикам можно отнести заданность тематики, жесткую структурированность, информативность, концептуальность, интертекстуальность, точность, краткость, ясность, персуазивность, аргументативность, аксиологичность, выразительность, образность, риторичность. Для вербальной репрезентации данных свойств характерно соответствие строгому формату, использование языковых средств в соответствии с литературной нормой и предметным значением слова, но в то же время не исключает метафоричности и высокой частотности оценочной лексики. Полагаем, что контрастное сопряжение выявленных свойств обусловлено прежде всего прагматическими факторами, связанными с нацеленностью текстов данного жанра на описание и доказательство выдающейся универсальной ценности объекта культурного наследия, позволяет охарактеризовать их как риторические и составляет их своеобразие в системе жанров официально-деловых текстов, что необходимо учитывать как при их составлении, так и при переводе. В целом изучение жанровых характеристик документа способствует формированию и развитию компетенций в сфере лингвистики, страноведения, перевода, международных отношений.

Список литературы

- Алексеева Л. М.* Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект). Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 189 с.
- Алексеева Л. М., Мишланова С. Л.* Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.
- Англо-русский синонимический словарь* / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др. М.: Рус. яз., 1979. 544 с. (АРСС)
- Анисимова Т. В.* Типология жанров деловой речи: риторический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 46 с.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Баженова Е. А.* Политекстуальность научного текста // *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. С. 66–91.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 484 с.
- Бибихин В. В.* Слово и событие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 280 с.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
- Данилевская Н. В.* Научный текст как динамика оценочных действий // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2009. Вып. 2. С. 20–28.
- Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 232 с.
- Дускаева Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПбГУ: С.-Петерб. гос. ун-т. Филол. факультет, 2012. 274 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
- Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия*. ЮНЕСКО. 1972. 14 с. URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 21.02.2020).
- Кубрякова Е. С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор // *Дискурс, речь, речевая деятельность*. М.: РАН ИНИОН, 2000. С. 7–25.
- Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 268 с.
- Негрышев А. А.* Текст в перспективе стилистики и дискурс-анализа: к методологии исследования на материале новостного медиадискурса // *Stylistyka XXIII*. Opole, Poland, 2014. С. 149–161.
- Ревзина О. Г.* Язык и дискурс // *Вестник Московского университета*. Сер. 9. 1999. С. 25–33.
- Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия*. Париж: Центр всемирного наследия ЮНЕСКО, 2017. 387 с. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000-369013_rus (дата обращения: 21.02.2020).
- Салимовский В. А.* К экспликации понятия жанрового стиля (проблема стилистико-речевой системности в отношении к речевым жанрам) // *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2000. С. 133–154.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с. (СЭСРЯ)
- Турбина О. А.* Лингвистическая дискурсология и единицы дискурс-анализа: дискурс-компонент // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2017. Т. 14, № 2. С. 44–49.
- Хасанова Д. М.* Дискурс и текст в современной лингвистике // *Университетские чтения – 2008: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ*. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. С. 315–322.
- Цурикова Л. В.* Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике // *Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки*. 2001. № 2. С. 128–157.
- Чернявская В. Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // *Текст и дискурс*. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11–22.
- Чернявская В. Е.* Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // *Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы*: сб. науч. тр. СПб: СПбГУЭФ, 2007. С. 7–26.
- Шурипкина М. А.* Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001. 20 с.
- Brown B., Yule G.* *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 288 p.
- Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage Adopted by the General Conference at its Seventeenth Session Paris, 16 November 1972*. English Text. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation, 1972, 17 p. URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-en.pdf> (дата обращения: 21.02.2020).
- Galapagos Islands*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1> (дата обращения: 21.02.2020).
- Gumperz J. J.* *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 225 p.
- Hornby A. S.* *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Moscow: Moscow Language Publishers; Oxford: Oxford University Press, 1982. Vol. I. 510 p. V. II. 527 p. (OALDCE).
- Lederer M.* The role of Cognitive Complements in Interpreting // *Interpreting – Yesterday, Today and Tomorrow*, ATA Scholarly Monograph Series. Vol. IV. SUNY. 1990. P. 53–60.
- Mills S.* *Discourse. The New Critical Idiom*. London & N. Y.: Routledge, 1997. 176 p.

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, 2017. URL: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 21.02.2020).

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, 2019. URL: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 21.02.2020).

Tannen D. (ed.) Framing in Discourse. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. 263 p.

Thomas J. Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics. London: Longman, 1995. 224 p.

Van Dijk T. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague Mouton Publishers, 1981. 331 p.

Van Dijk T. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.

Van Dijk T. Society and Discourse. How social contexts control text and talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 287 p.

Van Dijk T. Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 407 p.

Verschueren J. Understanding Pragmatics. London: Routledge, 1999. 312 p.

References

Alekseeva L. M. *Spetsifika nauchnogo perevoda (antropotsentricheskii aspekt)* [Specific features of scientific translation (anthropocentric aspect)]. Perm, Perm State University Press, 2013. 189 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. *Meditinskiy discours: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza* [Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis]. Perm, Perm State University Press, 2002. 200 p. (In Russ.)

Anglo-Russkii sinonimicheskii slovar' [English-Russian dictionary of synonyms]. Ed. by Yu. D. Apresyan, V. V. Botyakova, T. E. Latysheva et al. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1979. 544 p. (In Russ., Eng.)

Anisimova T. V. *Tipologiya zhanrov delovoy rechi: ritoricheskii aspekt: Avtoreferat diss. d-ra filol. nauk* [Typology of genres in formal discourse: Rhetorical aspect: Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2000. 46 p. (In Russ.)

Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its sense]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 383 p. (In Russ.)

Bazhenova E. A. Politekstual'nost' nauchnogo teksta [Politextuality of scientific text]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotypes and creativity in text]. Perm, Perm State University Press, 1999, pp. 66–91. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of the verbal art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 484 p. (In Russ.)

Bibikhin V. V. *Slovo i sobytie* [Word and event]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 280 p. (In Russ.)

Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 144 p. (In Russ.)

Danilevskaya N. V. Nauchnyy tekst kak dinamika otsenochnykh deystviy [Scientific text as dynamics of assessment actions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009, issue 2, pp. 20–28. (In Russ.)

Dridze T. M. *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii: Problemy semiosotsiopsikhologii* [Textual activity in the structure of social communication: Issues of semiosociopsychology]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 232 p. (In Russ.)

Duskaeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogic nature of newspaper discourse genres]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2012. 274 p. (In Russ.)

Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 464 p. (In Russ.)

Konventsia ob okhrane vseмирного kul'turnogo i prirodnogo naslediya [Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage]. UNESCO. 1972. 14 p. Available at: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (accessed 21.02.2020). (In Russ.)

Kubryakova E. S. O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike. *Obzor* [On the concepts of discourse and discourse analysis in contemporary linguistics. Review]. *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Discourse, speech, speech activity]. Moscow, RAN INION Publ., 2000, pp. 7–25. (In Russ.)

Kuz'mina N. A. *Intertekst i ego rol' v protsesakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in evolutionary processes of poetic language]. Ekaterinburg, Ural State University Press, Omsk, Omsk State University Press, 1999. 268 p. (In Russ.)

Negrishhev A. A. *Tekst v perspektive stilistiki i diskurs-analiza: k metodologii issledovaniya na materiale novostnogo mediadiskursa* [Text from the perspective of stylistics and discourse analysis: on the research methodology based on the material of the news media discourse]. *Stylistyka XXIII* [Stylistics XXIII]. Poland, Opole, 2014, pp. 149–161. (In Russ.)

Revzina O. G. *Yazyk i diskurs* [Language and discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9* [Moscow State University Bulletin. Series 9], 1999, pp. 25–33.

Rukovodstvo po vypolneniyu Konventsii ob okhrane vsemirnogo naslediya [Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention]. UNESCO. Paris, 2017. 387 p. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0-00036_9013_rus (accessed 21.02.2020). (In Russ.)

Salimovskiy V. A. K eksplikatsii ponyatiya zhanrovogo stilya (problema stilistiko-rechevoy sistemnosti v otnoshenii k rechevym zhanram) [On the explication of the notion 'genre style' (the correlation between the stylistic-discourse system and discourse genres)]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotypes and creativity in the text]. Perm, Perm State University Press, 2000, pp. 133–154. (In Russ.)

Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka [Stylistic encyclopaedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 696 p. (In Russ.)

Turbina O.A. Lingvisticheskaya diskursologiya i edinitsy diskurs-analiza: diskurs-komponent [Linguistic discoursology and units of discourse analysis: Discourse Component]. *Vestnik YuUrGU. Seriya 'Lingvistika'* [Bulletin of the South Ural State University. Series 'Linguistics'], 2017, vol. 14, issue 2, pp. 44–49. (In Russ.)

Khasanova D. M. Diskurs i tekst v sovremennoy lingvistike [Discourse and text in contemporary linguistics]. *Universitetskie chteniya – 2008: materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU* [University readings – 2008: Proceedings of scientific and methodological readings of PSLU]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Press, 2008, pp. 315–322. (In Russ.)

Tsurikova L. V. Problemy kognitivnogo analiza diskursa v sovremennoy lingvistike [Issues of discourse cognitive analysis in contemporary linguistics]. *Vestnik VGU. Seriya 1. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Voronezh State University. Series 1. Human Sciences], 2001, issue 2, pp. 128–157. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as an object of linguistic research]. *Tekst i diskurs* [Text and discourse]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics and Finance Press, 2001, pp. 11–22. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. Otkrytyy tekst i otkrytyy diskurs: intertekstual'nost' – diskursivnost' – interdiskursivnost' [Open text and open discourse: Intertextuality – discourse – interdiscourse]. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy* [Linguistics of text and discourse analysis]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics and Finance Press, 2007, pp. 7–26. (In Russ.)

Shirinkina M. A. *Vtorichnyy delovoy tekst i ego zhanrovye raznovidnosti*: Avtoref. diss. kand. filol.

nauk [Secondary formal text and its genres: Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2001. 20 p. (In Russ.)

Brown B., Yule G. *Discourse Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 288 p. (In Eng.)

Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage Adopted by the General Conference at Its Seventeenth Session Paris, 16 November 1972. English Text. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation, 1972, 17 p. Available at: <https://whc.unesco.org/archive/convention-en.pdf> (accessed 21.02.2020). (In Eng.)

Galapagos Islands. Outstanding Universal Value. Available at: <https://whc.unesco.org/en/list/1> (accessed 21.02.2020). (In Eng.)

Gumperz J. J. *Discourse Strategies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. 225 p. (In Eng.)

Hornby A. S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, Moscow, Moscow Language Publishers, Oxford, Oxford University Press, 1982, vol. 1. 510 p.; vol. 2. 527 p. (OALDCE) (In Eng.)

Lederer M. The role of Cognitive Complements in Interpreting. *Interpreting – Yesterday, Today, and Tomorrow, ATA Scholarly Monograph Series*. SUNY, 1990, vol. 4, pp. 53–60. (In Eng.)

Mills S. *Discourse. The New Critical Idiom*. London & N.Y., Routledge, 1997. 176 p. (In Eng.)

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, 2017. Available at: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (accessed 21.02.2020). (In Eng.)

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, 2019. Available at: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (accessed 21.02.2020). (In Eng.)

Tannen D. (ed.) *Framing in Discourse*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1993. 263 p. (In Eng.)

Thomas J. *Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics*. London, Longman, 1995. 224 p. (In Eng.)

Van Dijk T. *Studies in the Pragmatics of Discourse*. The Hague Mouton Publishers, 1981. 331 p. (In Eng.)

Van Dijk T. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 267 p. (In Eng.)

Van Dijk T. *Society and Discourse. How Social Contexts Control Text and Talk*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 287 p. (In Eng.)

Van Dijk T. *Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 407 p. (In Eng.)

Verschueren J. *Understanding Pragmatics*. London, Routledge, 1999. 312 p. (In Eng.)

GENRE CHARACTERISTICS OF UNESCO STATEMENTS OF OUTSTANDING UNIVERSAL VALUE OF WORLD HERITAGE SITES IN THE LINGUOSTYLISTIC ASPECT

Natalia V. Shutemova

**Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. lingconf14@mail.ru

SPIN-code: 6361-4981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4188-0310>

Submitted 23.04.2020

The paper considers a Statement of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites, which is one of the most important of UNESCO documents. The research is aimed at studying its genre characteristics both in terms of form and content. They are illustrated in the paper through the example of the Statement of Outstanding Universal Value of the Galapagos Islands, being one of the major sites on the UNESCO list. Based on discourse analysis of the text, the following interrelated characteristics of its genre have been distinguished: typical content, rigid composition, informativeness, intertextuality, accuracy, laconicism, clarity, persuasiveness, argumentativeness, axiology, expressiveness, imagery, rhetoricalness. The unity of these features distinguishes this genre from others and is determined by extralinguistic factors: the Statement of Outstanding Universal Value is aimed at describing and proving the unique value of the archipelago. The research shows that the genre is characterized by typical content which is developed coherently in accordance with the standard composition of the format. It contains factual, conceptual, and implicit information. To prove the outstanding universal value of the site, both factual and axiological arguments are used. The verbal representation of these features is characterized, on the one hand, by lingual units used in accordance with literary norms and direct meaning, as well as by precision lexicon. On the other hand, it is characterized by metaphors and evaluative lexicon. The key metaphor representing the essence of the archipelago in the document is that of 'a unique living museum and showcase of evolution'. It is developed through the document in a wide range of contextual evaluative synonyms, epithets, rows of homogeneous phytonyms and zoonyms depicting the variety and special character of the flora and fauna of the Galapagos Islands and the Galapagos Marine Reserve, their unique seismic, volcanic, biological, ecological, geological, evolutionary processes. The intertextuality of the document means its connection with a wide range of the UN documents, as well as fiction, mass media, science.

Key words: genre; Statement of Outstanding Universal Value; World Heritage; informativeness; persuasiveness; argumentativeness; axiology; laconicism; accuracy; clarity; expressiveness; imagery; intertextuality; rhetoricalness.

UDC 81'25
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-63-71

FIGURATIVE LANGUAGE IN TRANSLATION OF TAIWANESE COMMERCIAL ADVERTISEMENT

Elena L. Yakovleva

Ph. D., Assistant Professor in the Department of English Language

Wenzao Ursuline University of Languages

900, Mintzu 1st Rd., Kaohsiung, 80793, Taiwan. elena.yakovleva75@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8485-5860>

Submitted 03.02.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Yakovleva E. L. Figurative Language in Translation of Taiwanese Commercial Advertisement // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 63–71. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-63-71

Please cite this article in English as:

Yakovleva E. L. Figurative Language in Translation of Taiwanese Commercial Advertisement. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 63–71. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-63-71 (In Russ.)

This study is an analysis of Taiwanese companies' promotional texts. The products advertised include computer programs and games, high-tech computer equipment, machinery, spare parts for cars, LEDs, cosmetics, and other goods for distribution in Russian-speaking markets of CIS countries. Therefore, the target language (TL) of translation was Russian. The researcher has been collecting Taiwanese promotional translation texts for over ten years. This research utilizes an empirical inductive method and is supported by relevant translation theories such as Skopostheorie by Vermeer [1989] and re-contextualization theory by House [2008]. The article analyzes the difficulties in translating promotional materials from Chinese as the source language (SL) into English as the intermediary language (IL) and then from English into Russian as the target language (TL). The article demonstrates how an intercultural competence can be developed in doing international business when there are language barriers. Data analysis has revealed that Taiwanese promotional texts frequently use epithets, metaphors, idioms, sayings and proverbs which are integral to Chinese culture and speech. This type of figurative language is often difficult to translate due to cultural differences and lack of equivalent meanings or insufficient encyclopedic knowledge. In order to accurately convey the essence of the text translated, deliver effective promotional materials, and maintain the attractiveness of the product being advertised for the companies and their end users, a translator must become an intercultural mediator. This research will provide a greater insight into the interlingual and intercultural challenges and offer translation strategies that can assist translators in producing more accurate translations and maintaining more positive intercultural relations between Taiwan and other countries. This intercultural research will contribute to a greater understanding of how Taiwanese products can be better promoted in Russian-speaking markets.

Key words: cultural intermediary; domestication; encyclopedic (interdisciplinary) knowledge; equivalence; foreignization; re-contextualization theory; Skopostheorie; translational creativity.

Introduction

Taiwanese companies must translate promotional materials in order to advertise their products in international markets. This requires the translator to adopt the correct strategy that will best promote Taiwan's products internationally. Taiwanese companies such as Acer and Asus computers, Foxconn

semi-conductors, Gmor rubber and Ruby Rose cosmetics are already world famous. However, based on the author's experience, foods, teas, intellectual toys, environmental products, LEDs and high-tech products are now increasingly in need of promotional translations. Detailed promotional materials must be presented professionally in the TL and appeal to

consumers in the various countries, where the products will be sold. Yakovleva [2016] found that product translation must be consumer-friendly and contribute to the products' success in the targeted languages, especially in the countries where English is not common such as France or Russia.

Taiwanese companies often ask the translation agencies to translate the description of their products to promote them on the international stage. For the translation, the companies provide the products' description with ingredients or raw materials used or user's manuals. Their commercial texts may also contain advertising slogans of the company or their product. These often include Chinese legends, historical characters, proverbs, sayings or idioms. This type of figurative language can impede the transfer of meaning from the SL into the TL, which may be translated into two or sometimes three languages, all of which have diverse cultures. Therefore, the translator must make the original idea comprehensible in the target language and culture.

Another challenge that the translator faces is that the translation does not come directly from the SL such as Chinese and is usually translated into the IL such as English before it is then translated into the TL. In Taiwan, English is usually the chosen intermediary as many businesses are already established in English-speaking countries. Since English is the international language, many Taiwanese companies have already created websites in English. Therefore, the source language (SL) risks losing its original meaning when it is translated into the intermediary language (IL) and then finally into the target language (TL): SL → IL → TL.

Objective and Methodology

This article provides deeper insight into Taiwanese business culture by illustrating how Taiwanese companies use figurative language with metaphors, proverbs, sayings and idioms etc. when developing their promotional materials. It also demonstrates how the author can carry out the role of cultural mediator by either utilizing a cultural equivalent or provide explanations that can be culturally understood in the TL.

Data was derived from the author's thirteen years of translation experience with about one hundred files which are mainly Chinese as the SL, with English as the IL and Russian and German as TLs. It is to mention that some of Taiwan's translation companies insist on not using any sort of translation technology; however, Google translate is highly recommended as a tool for translators. It saves time and was used while translating the examples of this research data analysis. Translation software can be very helpful in translating the SL into the TL. It is imperative that the translator revises the text by se-

lecting precise words, refining the language and inserting corresponding cultural realms into the TL. The Russian equivalent of Google translate is *slovari.yandex.ru*, which was often utilized when translating colloquial wording or idioms into Russian.

This research examines many cultural aspects that translator faces when attempting to translate Taiwanese companies' promotional materials in the international market. The content is based on the author's own translation experiences (usually from English into Russian and German). These include dealing with the Taiwanese cultural context that is often present and so the content must be culturally understood in the target country.

This research utilizes qualitative inductive practice-oriented investigation methodology, where the author provides a thorough analysis and generalizes the results. The empirical analysis applies translation theories mentioned below, whereas the translator acts as a cultural mediator by using a "cultural filter". This will then construct the perfect combination of linguistic and cultural mediation, which is paramount for any substantial marketing strategy and multilingual translation. This type of detailed analysis fundamentally links language and culture within the translation process and provides multi-faceted perspectives that can increase the success of a multinational business.

Theoretical framework

Chinese culture is rich in stories, legends, metaphors, sayings, idioms and proverbs that are integrated into written and spoken communication [cf. Xiao 2016]. Chinese speakers often apply them to promotional materials that are going to be translated into other languages. This can potentially bring about confusion or cross-cultural misunderstandings. As shown below, some Taiwanese companies even include such cultural nuances in their product descriptions. If translations are not carried out meticulously, this type of figurative language could cause confusion and will not be understood by end consumers. Sometimes, the equivalent meaning can be found in the IL (English), which brings a more authentic meaning to the translation. However, often these texts are so culturally specific that they either require a more detailed explanation or understanding of a TL equivalent. This makes it challenging to maintain concise meanings when Taiwanese companies use culturally specific, figurative language that has come from the original Chinese text and then translated into English and then into Russian for the Russian-speaking markets.

Since cultural awareness is crucial for advertising that often includes metaphors and idioms in its SL, Skopostheorie by Hans J. Vermeer [1989] will be applied in this study. In commercial translation,

“phonetic appeal, suitable meaning, socio-cultural adaptation, and consumer acceptance” is important for products to reach target consumers from different cultures and be successful in international markets [cf. Sang & Zhang 2008: 225ff]. Therefore, it is clearly important to take into account the linguistic and cultural aspects of promotional materials. This functionalist approach emphasizes the translation of the targeted text, with the source text being of secondary importance [Sang & Zhang 2008: 232]. Vermeer [1989: 14] found that in order for a company to achieve success in their marketing, the translator needs to fully understand the cultural conditions of the source context. Since the culture and language is a dynamic process, the translator needs to decide what can be made comprehensible and acceptable, even when working with taboo topics [cf. Sang & Zhang 2008: 235]. He and Xiao [2003: 131] also asserted that texts should suit local markets linguistically and culturally and meet international legalities, while still conveying concise product information.

House’s [2008] translation theory coined the terms “Re-contextualisation and the Third Space phenomenon”, which also emphasizes linguistic-cultural relatedness through the following methodology:

- Integrate extra-linguistic world which is perceived differently by speakers of the L1 and L2
- Use translator’s creativity
- Bridge juxtaposed language and cultural gaps
- Use functional pragmatic equivalence of converted translation from the original text when it appears in the L2 context
- Identify equivalences while maintaining the context
- Manipulate the language in order to satisfy any existing cultural filters.

Benjamin [1923/1977] and Bhabha [2000] both found that in translation, untranslatability is a common phenomenon. He and Xiao [2003: 135] figured out that every language has its own unique lexicon, of which its endemic existence can only be found in that specific culture.

M. Baker [1992] categorized translation into four levels of equivalence:

1. Word Level and above Word Level Equivalence (meaning single words and expressions may require combination of words for an equivalent translation)

2. Grammatical Equivalence (number, person and gender, tense and other grammatical aspect and voice congruence that often vary across languages)

3. Textual Equivalence (word order and cohesion variations)

4. Pragmatic Equivalence (variations in cultural communication and context).

In regard to pragmatic equivalence, Cuellar [2002] grants the translator artistic license to identify con-

textual equivalence that may not already be in existence and therefore needs to be formulated by the translator. This often includes metaphors, sayings and idioms. R. Jakobson’s [1959: 238] research applied the term ‘creative transposition’ to interlingual translation, where cultural and verbal cues were interpreted in other languages.

Besides linguistic and cultural competence, the translator may also need to provide encyclopaedic knowledge to the context. According to Sperber and Wilson’s [1986] Relevance Theory which was later also emphasized by A. Vermes [2007], assumptions are sometimes required for some contexts, particularly when the translator is not given detailed information and provided with only textual implications. Vermes [2007: 132] established that sometimes translators could utilize encyclopaedic knowledge in order to interpret and explain unwritten information, when the context may not be immediately obvious to the target audience. These types of inferential interpretations and cultural specifics that don’t exist in the target culture must be carried out by the translator, who must be granted relative translational freedom and creativity, in order to achieve greater contextual accuracy [Sternberg 1999; Wills 1996 in S. E. Pommer 2008]. S. E. Pommer [2008: 356] pointed out that there were three aspects of creativity, which included novelty, appropriateness and acceptance. Sternberg [1999: 433] also proposed three methods of thinking: synthetic thinking of new and interesting ideas, critical appraisal and analytical and practical thinking that identifies possible solutions and innovative ideas that will be comprehensible for the target audience. To sum up, the translator must apply appropriate critical thinking and creativity in order to provide an effective translation. This can be particularly applied to translations that include figurative language (e. g. metaphors, idioms, proverbs, sayings and other colloquialisms) that are required for various types of literature and promotional materials.

Leonardi [2010] and Vermes [2007] also warn that the translator must avoid inconsistency and superficiality in translation. Translations should not be minimalized to simply deal with necessary encyclopaedic assumptions that appear within cultural contexts [Vermes 2007: 139]. The translator must understand the text in its entirety; otherwise the source’s context will not be completely understood by the target reader. The translator must be fully aware of the fact that he is the direct interpreter, while the target reader becomes the secondary interpreter, who is dependent on the translator’s accuracy [Vermes 2007: 139]. In order to avoid superficiality, the translator must find a way to logically transfer the meanings of metaphors, idioms, sayings and proverbs, when no direct translations are available.

However, translations must still occur within the parameters of the chosen interpretation strategy and at least one term or cultural nuance must be maintained from the original context. Vermes [2007] claimed that in order to avoid confusion and effectively integrate linguistic and cultural mediation, the translator should produce a text that is easily interpreted by the target reader. In this case, both foreignising (the strategy of retaining information from the source text and preserving its meaning in the target text) and / or domesticating (the strategy of making a source text closely conform to the TL) translation strategies could be applied [Vermes 2007; Bhabha 2000]. The translator must introduce new aspects such as explanations of the source's culture, words or phrases that may not exist in the target culture. In this research, both strategies will be utilized and are often interwoven.

Pommer [2008] coined three strategies to carry out translation creativity:

1. Integrational creativity of new ideas that are subtly tied to the old ones
2. Exploratory creativity that includes knowledge of relevant rules
3. Transformational creativity and significant adaptation.

She pointed out that one translation can combine several strategies in order to increase comprehension and effectiveness. Pommer [2008: 364] also emphasized the impact of language and culture on creativity and how the translator is textually limited, therefore stressing that the translator must be granted a margin of creativity, even in legal translation. Therefore, the translator must not only be creative but also possess the ability to identify and apply various translation solutions [cf. Pommer 2008: 359]. Wills [1996] stated that creativity is a domain-specific attribute and is therefore pertinent to some translations. The degree to which creativity could be utilized varies in terms of types of translation, including various literature genres, commercial and promotional materials, religious publications and technical or legal documents. An acceptable amount of creativity that appears in the translation for the target reader should be congruent with the contents of the source, yet provide corresponding encyclopaedic knowledge and cultural specifications. This therefore increases the necessity for the translator to possess excellent critical thinking skills and a wide multi-disciplinary knowledge in order to provide accurate translations [cf. Forstner 2005 in Pommer 2008: 363].

Linguistic-cultural interdependence is central to most modern translation theories. The term "cultural hybridity" coined by Bhabha [2000] is integral when developing translation processes that combine elements of SL and TL. Benjamin [1996/2004: 253ff.]

metaphorically likened translation as circular tangent, where the original text starts out at one single point but later is carried out its own way.

Belloc [1931] also depicted how to effectively carry out translation practices by presenting six principles:

1. Regard the work as an integral unit that is translated in sections
2. Decode idiom by idiom
3. Translate intention by intention
4. Avoid les faux amis (false cognats)
5. Alter courageously
6. Never overstate.

In conclusion, translation is a fluid process, which creates a new and corresponding meaning in the TL. The translator must consider both languages' stylistic and idiomatic norms, as well as their cultural nuances. The translator must be granted liberty throughout the translation process, in order to adequately produce genuine context [cf. Haque 2012: 108].

Data analysis

This data is generally classified into three figurative speech categories:

- I. Use of epithets
- II. Use of metaphors
- III. Use of proverbs, idioms or culturally specific terms.

Chinese as the SL often uses vivid and expressive language for its promotional materials and combines several meanings into one text.

Before analyzing the following examples it is necessary to mention that the original English translation was provided by the company and has not been altered.

Exp. 1) A Taiwanese manufacturer of PCs for games wrote:

Engl. The *tòu 2.0* instills a whole new sense of pride and mystique to the PC Master Race Demonstrate to your friends, colleagues or **pets** the illuminated internal structure. The **breathhtaking** mirrored chassis reveals the PC's hardware by **simply sliding your finger** to activate on/off the specialized lighting.

Russ. *tòu 2.0* прививает совершенно новое чувство гордости и загадочности для компьютерных мастеров гонок, демонстрируя Вашим друзьям, коллегам или домашним животным освещенную внутреннюю структуру. Захватывающий дух зеркальный корпус раскрывает устройство ПК с помощью простого движения пальцем, чтобы активировать включение / выключение специализированного освещения.

Engl. *tòu 2.0* – A New Transparent Aesthetic Signature Chassis

Sensory Gaming **Unleashed!**

Russ. *tòu 2.0* – Новый прозрачный эстетический именной корпус-шасси

Свободная сенсорная игра!

Three regional language aspects become apparent in this example including strong epithets such as ‘breath-taking’ and ‘unleashed’, which was designed to make the product appear more attractive and the advertisement more persuasive. The use of positive and strong adjectives is a common practice in commercials and other types of promotional materials in order to impress consumers and stress the products superior functionality [ref. Yakovleva 2012]. Secondly, “simply sliding your finger” emphasizes the device’s ease of use, which also contributes to the product’s appeal, particularly for the game’s players. However, the third characteristic of demonstrating the device to their pets might not be something that would be understood by Russian consumers. In Taiwanese society, pets (particularly dogs) are equal with humans. In many homes, dogs and cats are treated with respect, care and love. It is common to see the Taiwanese, especially younger people, pushing specially made strollers for dogs, as if they were a baby. However, in most Western societies this would be considered unusual and would not contribute to product appeal. In this case the translator used foreignising translation strategy to introduce this new foreign concept (cf. Bhabha 2000; Vermees 2007).

Exp. 2) A Taiwanese PC power supply unit company put the following on its website:

Engl. All other power supply need step aside as the Commander series from In Win rolls **in full force ready for battle**. Russ. Все другие источники электропитания должны отступить в сторону перед серией Commander из In Win, которая в полной силе готова конкурировать.

The advertisement strongly implicates that this company is the best manufacturer of PC power supply units and therefore “all others should step aside” and that they are ready to fight a battle with other companies. This is intended to position themselves as the winner. In the Russian translation ‘ready for battle’ was translated as ‘ready for competition’ since here the ‘battle’ metaphor means ‘market competition’. The translator decided to use word level equivalence (cf. Baker 1992) and literal meaning since the text didn’t provide any more information than it manufactures PCs for video games and that in the Commander Series players can fight.

Exp. 3) A Taiwanese electrical vehicles company wrote:

Engl. Shu says that, with most global carmakers’ dream to build intelligent modes of personal mobility since the **Pony Express** days.

Russ. Шу говорит, что большинство мировых автопроизводителей мечтают создать интеллектуальные режимы личной мобильности со времен Пони Экспресс (Pony Express).

This example requires the readers to utilize their interpretive skills and encyclopaedic knowledge in understanding that the Pony Express was an American mail service that operated from 1860-1861 and delivery was carried out on horseback. The advertisement also implies that after more than a century this company may have finally found an equivalent innovative solution with its electric vehicles. It sounds very impressive.

The examples below clearly illustrate that Taiwanese companies often utilize figurative language in the form of metaphors.

Exp. 4) A Taiwanese online company specializing in an awards program reminds the customers who don’t reply to them within four weeks pose following questions:

Engl. Vacation? Computer problems? Have **Komodo dragons** or **alligators** taken over your town?

Russ. Отпуск? Проблемы с компьютером? На Ваш город напали комодские вараны или аллигаторы?

Engl. We’re glad to help you on your way to earning cash and rewards by sharing your opinions with us. We make it easy for you, this isn’t **rocket surgery**.

Russ. Мы рады помочь Вам в зарабатывании денег и вознаграждений, если Вы поделитесь с нами своим мнением. Мы облегчим Вам задачу, это не так уж сложно.

This company tried to promote its award programs in Germany, Russia and other countries. Its instruction didn’t contain any explanation of how points are earned, but only stated how great the program is and how the members can access their money at any ATM in their country. It not only sounded untrustworthy but even suspicious. The story about Komodo dragons and alligators also sounded childish and unrealistic, especially to Westerners where dragons are usually only objects of fairy tales. Adult customers would consider this an exaggeration, which would generate distrust. However, dragon myths are common place in Taiwanese society and dragons are often seen in advertisements. Dragons are also auspicious creatures and behold positive connotations for the Taiwanese and other Asian consumers. Therefore, a foreignising translation strategy was utilized to deal with this concept, which provided the TL with the original context. The many questions that were asked in the advertisement gave rise to indirect connotations. The company was aggressively reminding and requesting gamers to stay active. The metaphor “rocket surgery” (probably meaning “rocket science”) insinuates something is complicated or difficult or a process that requires intelligence. As this metaphor is not common in Russian, it was directly translated as ‘not very difficult’. This domesticating transla-

tion strategy was chosen by the translator to provide a more comprehensive input in the TL [cf. Bhabha 2000; Vermes 2007].

Exp. 5) A Taiwanese engineering company claimed:

Engl. Currently we are still coping with **teething pains** as the smaller members still need technical help from the two leaders.

Russ. В настоящее время мы все еще справляемся с «зубными болями», поскольку более мелкие компании все еще нуждаются в технической помощи от двух лидеров.

A development problem is emphasized through the “teething pains” metaphor. This could be translated easily into other languages as everyone can understand this problem, as babies all over the world cry or feel uncomfortable when they are teething. Despite the difficulties they are experiencing they use the verb ‘cope’, which implies the company is handling their problematic issues and therefore their company is given a more positive context.

Exp. 6) A Taiwanese LED-manufacturer advertised:

Engl. Also with lighting generally consuming some 30 % of all electricity used, China would be eco-intelligent to adopt more energy-efficient lighting as LED, especially when the pace of urbanization in China speeds ahead, a process that inevitably builds more office and retail structures that have a **voracious appetite** for lighting.

Russ. Учитывая то, что освещение обычно использует около 30 % всего потребляемого электричества, Китай будет более эко-интеллектуален, чтобы использовать более энергоэффективное освещение в качестве светодиодов, особенно когда темпы урбанизации в Китае ускоряются. Это – процесс, который неизбежно создает больше офисных и торговых структур, имеющих ненасытный аппетит к освещению.

Engl. The lightening industry in Taiwan needs to develop viable alternatives to better compete against the **heavyweights**.

Russ. Осветительной промышленности Тайваня необходимо разработать жизнеспособные альтернативы для лучшей конкуренции с тяжеловесами.

Engl. He suggested that China is Taiwan’s **breadbasket**, that Taiwan’s LED-lighting manufacturers perhaps have little choice but to rely on the vast China market for its future.

Russ. Он предположил, что Китай является житницей Тайваня, и что у тайваньских производителей светодиодного освещения, возможно, нет иного выбора, кроме как полагаться на огромный китайский рынок в будущем.

Engl. He also believes that Taiwan’s LED-lighting manufacturers need the government’s assistance to set up distribution channels at home and in China, instead of mere funding, underlining perhaps the shadier side of doing business in China where ethical practice takes a **backseat** to nepotism, **horse-trading** and influence-peddling.

Russ. Он также верит в то, что тайваньские производители СИД-освещения нуждаются в поддержке правительства для установления дистрибуторских каналов дома и в Китае, вместо простого финансирования, подчеркивая возможно более тенистую сторону бизнеса в Китае, где этическая практика занимает скромное положение по отношению к кумовству, политическим махинациям и влиянию на мелкую торговлю.

Here the hyperbolized metaphor ‘voracious appetite’ definitely indicates that there is a huge demand for LEDs in China’s market and in other countries. In Russian it was translated as ‘insatiable appetite’. The same idea was also expressed through the metaphor of China being a ‘breadbasket’ or a good market for Taiwan’s LED-lighting manufacturers, which was translated as an easy method for gaining profit. In order to save energy, more energy-saving solutions like LEDs are needed. This was designed to get consumers thinking about energy saving options. The metaphor ‘heavyweights’ refers to strong competitors and according to this advertisement competitors in the lighting market are equivalent to boxers in the boxing rink. It indicates that the competition is very challenging, but the Taiwanese lighting industry can offer viable alternatives. The following text also describes other difficulties in doing business in China through metaphors like ‘backseat’ or ‘horse-trading’ that were translated directly. In this case the metaphors were not used in the TL, making it easier for the Russian reader to comprehend.

Exp. 7) A Taiwanese car-parts manufacturer wrote:

Engl. Another indicator was the **heavy foot traffic** to the CENS booth, where **staff was flooded** by visitors asking for Taiwanese supplier information, with such eagerness seen from **the first day to the last minute** of the event.

Russ. Другим индикатором было большое скопление у стойки CENS, где посетители засыпали сотрудников вопросами насчет информации о тайваньских поставщиках; при этом такой интерес был проявлен с первого дня до последней минуты выставки.

Engl. Taiwan has developed into an innovation and development **citadel** for advanced, price-competitive auto-electronics systems and parts.

Russ. Тайвань превратился в **цитадель** новаторства и развития для передовых, конкурентоспособных по цене авто-электронных систем и запчастей.

Here we can see that metaphor is used not only for promoting products, but also for promoting the success of the company. The exhibition was described as having ‘heavy foot traffic’ and simply translated into Russian as being ‘crowded’. The metaphoric phrase ‘staff was flooded by visitors’ was translated into Russian by using a creative transposition [cf. R. Jakobson 1959] with the choice word being ‘bombarded’ (‘заброшены’). This creat-

ed impressive and convincing evidence that Taiwanese car-part manufacturers have been tremendously successful. This imagery was further developed when it described the ‘heavy foot traffic’ as being from ‘the first day to the last minute (not the day!)’ of the exhibition. The Taiwanese car part manufacturing industry is further promoted with the use of the metaphor ‘citadel’, which creates the imagery of a fortress, which is built with great strength and a solid foundation. This metaphor was then directly translated into Russian as it also has a positive meaning in Russian society.

Exp. 8) A Taiwanese cosmetic company that treats acne wrote:

Engl. **Say goodbye** to the shiny oily T-zone on your face!

Russ. Попрощайтесь с блестящей жирной Т-зоной кожи на Вашем лице!

The metaphoric phrase ‘*Say goodbye*’ was directly translated into Russian as it was also comprehensible in the target culture as the ultimate solution to eradicate acnes.

Exp. 9) Engl. This maker is known for developing innovative products, without much **fanfare**, and is headquartered in Pali, New Taipei City in northern Taiwan.

Russ. Этот производитель известен разработками новаторских изделий даже без особых фанфар. Основной офис компании размещен в Пали, Новый Тайбэй на севере Тайваня.

This translation is problematic for two reasons, first because there are two different ideas presented in one sentence. This often occurs in Chinese writing; however in the TL, these types of sentences should be split into two. Secondly, the metaphor ‘without much fanfare’ is vague and even controversial. ‘With fanfare’ means to have great fame and publicity, therefore it is unclear whether the company is famous or not. It could also be interpreted that even without fanfare the company is still known. By adding these particles, the Russian translation becomes increasingly clarified.

The use of phrasal verbs or idioms is also a popular tool that is used by Taiwanese companies to attract customers’ attention. The following provides examples of this:

Exp. 10) A high-tech company wrote:

Engl. We’re supporting 11 different languages and hundreds of offers for the BETA program alone, so bear with us as we **iron out kinks** and address usability issues. We’re **fixing bugs**, testing significant changes to the workflow, and adding many new features as we speak.

Russ. Мы поддерживаем 11 различных языков и сотни предложений только для программы BETA, так что будьте терпеливы с нами, когда мы устраняем неполадки и решаем вопросы использо-

вания. Мы исправляем ошибки, тестируем существенные изменения в рабочем процессе и добавляем множество новых функций, как мы и говорим.

The synonymous idioms of ‘ironing out kinks’ and ‘fixing bugs’ means to ‘solve a problem’. This type of informal language is quite common in the virtual world; however, in Russian it was literally translated as ‘solve the problem’ for easier comprehension.

Exp. 11) A Taiwanese video game company wrote:

Engl. Pump up your **wallet** or your **purse**.

Russ. Пополните Ваш кошелек.

It can be considered superfluous to use a wallet and a purse to differentiate between a man and a woman. Therefore, in Russian it was translated as one word. In order to shorten the translation, the metaphor ‘pump up your pocket’ could be used. The phrasal verb ‘to pump up’ exaggerates the amount of money which could be earned, but it impresses the customers.

The use of proverbs is common in Taiwanese companies’ advertising text, which is probably due to the fact that Chinese language is so rich in proverbs. This may impede the translation due to the lack of appropriate proverbial language in the TL.

Exp. 12)

Engl. The timeless adage “**when the going gets tough, the tough get busy**” certainly applies to three Taiwanese OA furniture parts makers.

Russ. Вневременная поговорка «когда становится трудно, то сильные действуют», безусловно, относится к трем тайваньским производителям мебели.

Applying a domestication translation strategy, the English proverb was descriptively translated and in order to convey an equivalent meaning in Russian it was translated ‘when times get tough, strong people will act’. The Russian equivalent “сильные духом трудностей не боятся” (Engl. ‘people with a strong spirit do not fear challenges’) could also be applied in the TL.

Exp. 13) Engl. Unfortunately e-management is as rare in Taiwan’s hand tool sector as a bookkeeper in the line with a degree from the **Wharton School of Business**; even rarer still would be the establishment of an in-house computer engineering division.

Russ. К сожалению, электронное управление встречается в тайваньском секторе ручного инструмента так же редко, как бухгалтер с дипломом Уортонской школы бизнеса; еще более редким было бы создание собственного подразделения компьютерной инженерии.

This informative textual style deals with how Taiwanese companies get published in international business magazines, in order to promote themselves in foreign markets. It contains details that are un-

known to many consumers. The Wharton School of Business doesn't mean much to most European consumers and only if they research it on the internet, they will find that the Wharton School of Business is part of the University of Pennsylvania, which is considered the world's most comprehensive source of business knowledge. After obtaining this information in its entirety, it is understandable that Taiwan hasn't had many business people who have graduated from this famous school. Although, the school's name should be translated directly, it should be explained for consumers who do not know what it is. In the introduction, the reader should focus on the company's profile and should not be impeded with less relevant and distractive factors.

Conclusion

Both translator and companies must understand the importance of cultural values within the TL and identify more effective ways to transfer cultural salience from SLs into TLs. The translation process often simplifies phrases, especially when the SL contains metaphors, idioms, sayings and proverbs that are paraphrased or omitted in the TL. Foreignising and domesticating strategies are often used when texts are adapted. Foreignising is used when new terms are adopted or SL concepts are introduced in the TL. Logical assumptions and implications based on the translator's encyclopaedic competence are also crucial for effective and clear translation. The translator must carefully read, interpret and assess the context of the SL and that of the TL. The translator must creatively and adequately maintain the context in the TL. Creativity and understanding of multiple disciplines are crucial when providing effective translations, especially in promotional materials that are rich in figurative language, including expressive epithets, idioms, proverbs, sayings and metaphors etc. Therefore, the translator must be multi-talented, competent, responsible and flexible in order to provide a highly qualitative translation which could contribute to the successful marketing strategy of the company.

References

Baker M. *In Other Words: A Coursebook on Translation*. New York, Routledge, 1992. 304 p. (In Eng.)

Belloc H. *On Translation*. Oxford, Clarendon Press, 1931. 15 p. (In Eng.)

Benjamin W. *Selected Writings: The Task of the Translator*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1923, 1996/2004, vol. 1, pp. 253–263. (In Eng.)

Bhabha H. How newness enters the world. J. Procter (ed.) *Writing Black Britain 1948–1998. An*

Interdisciplinary Anthology. Manchester and New York, Manchester University Press, 2000, pp. 300–306. (In Eng.)

Cuellar S.B. Equivalence Revisited: A Key Concept in Modern Translation Theory. *Forma y Función*, 2002, vol. 15, pp. 60–88. (In Eng.)

Haque Z. Translating literary prose: problems and solutions. *International Journal of English Linguistics*, 2012, vol. 2(6), pp. 97–111. (In Eng.)

He Ch., Xiao Yu. Brand name translation in China: An overview of practice and theory. *Babel*, 2003, issue 49(2), pp. 131–148. (In Eng.)

House J. Towards a linguistic theory of translation as re-contextualisation and a Third Space phenomenon. *Linguistica Antverpiensia, New Series – Themes in Translation Studies*, 2008, issue 7, pp. 149–175. (In Eng.)

Jakobson R. On linguistic aspects of translation. R. A. Brower (ed.) *On Translation*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1959, pp. 232–239. (In Eng.)

Leonardi V. *The Role of Pedagogical Translation in Second Language Acquisition: From Theory to Practice*. Bern, etc., Lang, 2010. 179 p. (In Eng.)

Pommer S. E. No creativity in legal translation. *Babel*, 2008, issue 54(4), pp. 355–368. (In Eng.)

Sang J. & Zhang G. Communication across languages and cultures. A perspective of brand name translation from English to Chinese. *Journal of Asian Pacific Communication*, 2008, issue 18(2), pp. 225–246. (In Eng.)

Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford, Basil Oxford Blackwell, 1986. 279 p. (In Eng.)

Sternberg R. J. (ed.). *Handbook of Creativity*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 502 p. (In Eng.)

Vermeer H.J. Skopos and commission in translational action. A. Chesterman (ed.) *Readings in Translation Theory. Helsinki: Oy Finn Lectura*, 1989, pp. 173–187. (In Eng.)

Vermes A. The problem of cultural context in translation and translator education. *Eger Journal of English Studies*, 2007, VII, pp. 129–141. (In Eng.)

Wills W. *Knowledge and Skills in Translator Behavior*. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins, 1996. 256 p. (In Eng.)

Xiao F. An empirical study of figurative competence of Chinese EFL learners. *American Journal of Educational Research*, 2016, issue 4(11), pp. 806–810. (In Eng.)

Yakovleva E. Functions of attributes in translation of advertisement. *International Youth Conference 'Translation as a factor of development of science, technology and sport in the modern world'*

within the Federal special-purpose program 'Scientific and scientific-pedagogical personnel of innovative Russia in the years 2009–2013', Vyatka State University for the Humanities. September 5–6, 2012, pp. 287–289. (In Eng.)

Yakovleva E. The role of a translator as a cultural mediator in the promotion of Taiwanese companies in the post-Soviet area. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2016, issue 3(35), pp. 75–84. (In Eng.)

ФИГУРАТИВНЫЙ ЯЗЫК В ПЕРЕВОДЕ ТАЙВАНЬСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Елена Леонидовна Яковлева

Ph. D., доцент кафедры английского языка

Языковой университет Венцао Урзулин

80793, Тайвань, г. Гаосюн, 1-ая ул. Минцзу, 900. elena.yakovleva75@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8485-5860>

Статья поступила в редакцию 03.02.2020

Это исследование представляет собой анализ рекламных текстов тайваньских компаний. Продукция включает компьютерные программы и игры, высокотехнологичное компьютерное оборудование, машинное оборудование, запчасти для автомобилей, светодиоды, косметику и другие товары для распространения на русскоязычных рынках стран СНГ, поэтому выходным языком перевода (TL) был русский язык. Исследователь собирала тексты перевода тайваньской рекламы на протяжении более десяти лет. Это исследование использует эмпирический индуктивный метод и опирается на такие теории перевода как Теория Скопос [Вермеер 1989] и теория реконтекстуализации [Хаус 2008]. В статье анализируются трудности перевода рекламных материалов с китайского языка как исходного (SL) на английский в качестве посреднического языка (IL), а затем с английского на русский как выходной язык (TL). В этой статье исследовано как можно развить межкультурную компетенцию при ведении международного бизнеса, преодолевая языковые барьеры. Анализ данных показал, что в тайваньских рекламных материалах часто используются эпитеты, метафоры, идиомы, поговорки и пословицы, которые являются неотъемлемой частью китайской культуры и речи. Этот тип фигуративного языка нередко трудно перевести из-за культурных различий и отсутствия эквивалентных значений или недостаточных энциклопедических знаний. Чтобы точно передать суть переводимого текста, предоставить эффективные рекламные материалы и сохранить привлекательность товара для компаний и их конечных потребителей, переводчик должен стать межкультурным посредником. Это исследование позволит разобраться в межъязыковых и межкультурных проблемах и предложить такие стратегии перевода, которые помогут переводчику достичь более точных переводов и способствовать более позитивным межкультурным отношениям между Тайванем и другими странами. Данное межкультурное исследование поможет лучше понять, как можно эффективнее продвигать тайваньские товары на русскоязычных рынках.

Ключевые слова: иностранное заимствование; культурный посредник; местное заимствование; переводческая креативность; теория реконтекстуализации; теория Скопос; эквивалентность; энциклопедическое (междисциплинарное) знание.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1"20"

doi 10.17072/2073-6681-2020-2-72-80

ПОЭТИКА ЦИКЛИЗАЦИИ В ПРОЗЕ ЮРИЯ БУЙДЫ

Марина Петровна Абашева

д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций,
профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. m.abasheva@gmail.com

профессор кафедры теории, истории литературы и методики преподавания литературы
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

SPIN-код: 2169-4629

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

ResearcherID: P-8012-2016

Мария Викторовна Куриленко

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. mashatext@yandex.ru

SPIN-код: 9622-5737

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2421-3102>

Статья поступила в редакцию 05.04.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абашева М. П., Куриленко М. В. Поэтика циклизации в прозе Юрия Буйды // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 72–80. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-72-80

Please cite this article in English as:

Abasheva M. P., Kurilenko M. V. Poetika tsiklizatsii v proze Yuriya Buydy [Poetics of Cyclization in the Prose of Yuriy Buyda]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 72–80. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-72-80 (In Russ.)

Проводится исследование поэтики современного прозаика Юрия Буйды в контексте современного русского рассказа. Анализ исторически конкретных форм циклизации в прозе Юрия Буйды рассматривается как часть общих задач исторической поэтики по изучению эволюции литературных форм. Структурно-семиотический анализ произведений писателя позволил обнаружить, что его проза образует своеобразные циклы-кластеры, «архипелаги», где цикл рассказов оказывается связанным с романами. Эта связь детерминирована прежде всего местом действия, но также сквозными героями и специфическим – скорее кумулятивным, чем циклическим – сюжетом, восходящим к мифу. На примере одного кластера текстов-циклов – «Жунгли», «Врата Жунглей» (2011), «Львы и Лилии» (2013), романа «Синяя кровь» и связанных с ними произведений – исследуются природа и логика изображаемого мира, механизмы его внутритекстовых связей, а также генезис, обусловленный как природой художественного мышления автора, так и социальным, историко-литературным, биографическим контекстом. Таким образом, можно констатировать проявление тенденции к преодолению жанровых границ рассказа или романа в пользу гипертекстовых ризом на основе мифологизирующих стратегий. Эти особенности коррелируют с общим интересом новейшей русской литературы к сборникам рас-

сказов, с одной стороны, и тяготением современного романа к распадению единого нарратива и фрагментарности – с другой. Возможно, тенденции к гипертекстовым стратегиям текстопорождения обусловлены общими свойствами современного мышления и социальной коммуникации, поскольку социальная морфология общества сегодня строится в виде сетевых форм.

Ключевые слова: Юрий Буйда; современная русская проза; эпическая циклизация; гипертекстуальность.

Современная литературная ситуация (как, впрочем, и классическая национальная традиция) свидетельствуют о лидирующих позициях жанра романа в русской литературе. Именно за роман присуждались и авторитетные литературные премии современной России – «Русский Букер», «Национальный бестселлер» и др. Однако сегодня заметно возрастает интерес к рассказу, что, очевидно, обусловлено и новыми читательскими привычками: читатель все больше привыкает к текстам, помещающимся на экране компьютера, а лучше – в посте на ленте социальных сетей. Юрий Буйда по природе своего дара – именно рассказчик. «Я рассказываю рассказы. Повести, иногда романы», – говорит он в интервью [Бавильский 2010]. Даже свою фамилию он толкует как «рассказчик, сказочник, лжец, фантазер» [Буйда 1998: 299].

Примечательно, однако, что рассказы сегодня все чаще тяготеют к сборникам – и авторским, и коллективным антологиям¹. В некоторых антологиях встречаем и рассказы Юрия Буйды – «Счастливый случай. Реальные истории из жизни современных писателей» (2016), «Любовь, или мой дом» (2016), «Отцы и дети. Версия 2.0. Антология современного рассказа» (2017), «Семнадцать о Семнадцатом» (2017). Антологии образуют новое художественное единство, отличное от рассказа и романа. Между отдельным рассказом и сборником существует множество иных форм циклизации. Случай Юрия Буйды интересен особым типом межтекстовых связей, образующих его причудливый художественный мир. И хотя рассказы писателя уже становились предметом изучения – в работах Г. Д. Ахметовой, Н. Г. Бабенко, М. А. Бологовой, М. В. Гавриловой, Н. С. Гулиус, М. А. Дмитриевской, А. С. Меркуловой и других авторов – природа их циклизации, кросс-жанровое взаимодействие с другими жанрами прозы писателя не были еще объектом исследования. Тем не менее надо отметить работы, в которых изучались отдельные аспекты, связанные с циклизацией и романизацией рассказов Буйды. Так, в работе С. В. Нестеровой, посвященной исследованию малой прозы XIX–XXI вв., цикл «Жунгли» Ю. Буйды трактуется как «эпический прозаический цикл, выстроенный автором с помощью единых принципов циклизации и имеющих общие темы и мотивы» [Нестерова 2012: 275]. К. А. Дегтяренко писала об интертексту-

альных связях у Буйды в книге рассказов «Прусская невеста» [Дегтяренко 2009].

Однако особенно зоркими критиками часто оказываются писатели. Уже в первом сборнике рассказов Буйды «Прусская невеста» прозаик и критик Ольга Славникова обнаружила особую природу: «Перед нами составное повествование, чьи части взаимодействовали еще тогда, когда были разбросаны по журнальной периодике и читались как отдельные произведения. Тексты, объединенные местом и временем действия, отсылали один к другому, обменивались образами – шли, стало быть, обменные процессы, прирастали качества текстового вещества». Это не сделало рассказы Буйды романом: «...сложенные вместе, рассказы Юрия Буйды не обрели специализации, сюжетной и персонажной соподчиненности, какие необходимы для самой свободной формы романа. Но они и не стали, конечно, обычным авторским сборником». Славникова ищет способ обозначить этот нетривиальный способ текстообразования: «Эта книга скорее может быть определена как колония текстов, способная разрастаться за пределы данной книжной обложки» [Славникова 1999: 213].

Определение «колония текстов» сегодня, когда корпус текстов Буйды значительно вырос (например, в издательстве Елены Шубиной АСТ прозе автора отдана специальная серия), нужно признать удачным. Именно такими колониями и прирастает проза Юрия Буйды сегодня за счет внутренних межтекстовых перекрестных связей: персонажи цикла «Жунгли» обнаруживаются в новых обстоятельствах в романе «Синяя кровь», а повесть «Яд и мёд» коррелирует с «Осорьинскими хрониками». Оба эти «кластера» отчасти восходят к романам «Город палачей» и «Борис и Глеб».

Цель настоящей работы – в том, чтобы осмыслить названные «колонии текстов» в авторской интенции, семантике, структуре, факторах целостности, генезисе и обусловленности контекстом. Предметом анализа стали циклы «Жунгли», «Врата Жунглей», роман «Синяя кровь» (примечательно, что названные произведения изданы друг за другом в 2011–2012 гг.) и тексты, к которым в ходе исследования выводит текстопостроение автора.

Прежде всего бросается в глаза очевидное обстоятельство: главным объединяющим началом циклов и романов Буйды является пространство.

С одной стороны, оно референциальное и географически определяемое; в «Прусской невесте», в «Кёнигсберге» это родной город автора Знаменск Калининградской области (бывший Велау), в «Жунглях», «Синей крови» – Подмоскowie, где сейчас живет автор. С другой стороны, фантазмагоричное пространство Буйды максимально условно – прежде всего потому, что автор опирается на архетипы. Так, в творчестве Буйды многократно повторяется топоним грешного города, восходящего к архетипу, который В. Н. Топоров определял как «город-блудница» (в «Борисе и Глебе» (1997), «Городе палачей», «Жунглях», «Покидая Аркадию» (2016)).

В цикле рассказов «Жунгли» отчетливо проявлены обе эти тенденции – к конкретности и к условности. Словечко «жунгли», пущенное его обитателями, обозначает пространство заброшенного района, расположенного за московским кольцом: «... поселок за кольцевой автодорогой, входивший в состав Москвы и официально называвшийся Второй Типографией, где жили по большей части старики, инвалиды и алкоголики. Здесь стояли здание типографии, где печатали бухгалтерские бланки, четыре пятиэтажки с потеками гудрона на стенах, десяток приземистых барачков из красного кирпича, множество сараев, гаражей, каких-то покосившихся хибар – вот что такое были эти Жунгли» [Буйда 2010: 58]. Все рассказы объединяются общим хронотопом: сюжеты разворачиваются в пяти локусах Подмоскowie: Жунгли, Чудов, Кандаурово, Новостройка и Жукова гора.

Пространство заселено обитателями маргинальными: «здесь, в этих самых покосившихся хибарах, жили нелегалы – таджики, узбеки, афганцы и бог весть кто еще». Этот мир живет под знаком неискоренимой опасности: «Не удивлюсь, если встречу здесь у вас Осаму бен Ладена, – говорил участковый Семен Семеныч Дышло. – Тут его никакое гестапо не найдет» [там же]. Рассказы наполнены историями изнасилований, убийств (как убийств страсти, так и «заказных»), инцестов, пьянства, болезней и отчаяния, которые воспроизводятся, кажется, бесконечно: «Лиду Самарину, продавщицу, прозвали Скарлатиной из-за вздорного характера и лающего голоса. Она трижды побывала замужем, и все ее мужья уходили от нее в тюрьму – кто за драку с членовредительством, кто за воровство. Родила сыновей-близнецов, которых тоже посадили: в армейской казарме они изнасиловали и убили сослуживца» [там же: 257–258].

Это узнаваемо постсоветское пространство. Здесь доживают свой век ветшающие идола ушедшей советской эпохи: памятник Сталину, ржавый бюст Сталина, фигурка Ленина, храня-

щаяся в пасхальном яйце (можно предположить, что это «киндер-сюрприз»). Новых смыслов постсоветское пространство не рождает, попытки отказаться от советского наследия направлены в прошлое. Так, памятник Сталину, оказывается, пытались переделать в памятник Пушкину (суммарное «наше все» призвано компенсировать любые открывающиеся бездны рушащейся советской цивилизации): «Великий поэт стоял на высоком постаменте в бронзовых сталинских сапогах, простерев руку вдаль и держа на весу чугунный электрический фонарь» [там же: 113]. Фигура являет собой гротеск, при этом смысл перемен и отказа от советского мифа оказывается забытым: «Трансформатором его называли вовсе не потому, что памятник Сталину в 1961 году трансформировали в памятник Пушкину, а потому, что Пушкин не знал слова «трансформатор», а Сталин знал» [там же].

Цикл строится как череда портретов-судеб: из семнадцати рассказов цикла одиннадцать имеют в заглавии имя главного героя. Каждый несет в себе неизжитую травму, которая прямо не проговаривается. Доминик Ла Капра писал о двух основных сценариях репрезентации травмы: о ее воссоздании, проигрывании или об аналитической проработке [La Capra 2001: 58]. Герои Буйды никак свою травму не проговаривают, не рефлексируют, они как будто начисто лишены психологии. Так лишен психологии миф. Герой Буйды и являет собой свернутый миф, который может развернуться в отдельное повествование. Остановимся только на двух персонажах – женском и мужском.

Женщины у Буйды – нередко жертвы (насилия, мужчин, самой истории), но чаще – сильные богини-матери, царственные повелительницы с причудливыми именами: Эсэсовка Дора, Цикута Львовна, Свинина Ивановна, Баба Шуба. Очень часто в женском персонаже заключена свернутая пространственная метафора. Таково гротескное тело Камелии, уподобляемое Земле (такое уподобление описывал Бахтин в книге о Рабле)²: «Камелия была державой, стобашенной твердой, одним из тех китов, благодаря которым земля держалась над поверхностью кипящего мирового молока, или одним из трех слонов, на которых стоял мир, или хотя бы ногой того слона. Господь сотворил ее лично, с таким же рвением, с каким творил землю, небо и Великую китайскую стену» [Буйда 2010: 72]. Сравнение с Землей символизирует плодородие, материнское / женское начало, круговорот жизни. Мифологически-бестиарный символ, однако, конкретизируется далее до образа страны: Камелию «сравнивали с коровой <...> но на самом деле она была огромной страной <...> на Камелию пошло

так много стройматериалов, что на Европу уже не осталось» [Буйда 2010: 72]. Камелия – вся Россия «со всей ее ленью, пьянью и дурью, с ее лесами, полями и горами, великими реками и бездонными озерами, с медведями, зубрами и соболями, со всеми ее цивилизованными народами и дикими племенами» [там же].

Порой героини Буйды репрезентируют не географию, но историю – такова Лета в одноименном рассказе. Ее, родившуюся до революции, побывавшую замужем за советскими маршалами и говорившую со Сталиным, родные порой называют Империей. К пространственно-временной метафоре, выраженной в имени, добавляется, как часто случается у Буйды, интертекст, литературный источник: в детстве героиня любила «Неточку Незванову» Достоевского, и брат снисходительно переименовал ее в Леточку.

Такие персонажи не сводятся к характеру, они воплощают миф. В рассказах Буйды события – бытовые коллизии лихих девяностых – оказываются только поводом для выявления мифологического архетипа. В цикле «Врата Жунглей» в убийце-психопате Климсе проглядывает Эдип, в провинциальном соблазнителе Иванове-Ивинском – Аполлон, старуха Баба Жа скрывает крыльшки нимфы... У Буйды огромное количество уродцев, слепцов, карликов, горбунов, они сохраняют бестиарные атрибуты мифологических монстров. О таком типе литературного героя, недалеко ушедшего от породившей его мифологии, писала О. М. Фрейденберг: мифологические атрибуты становятся у такого героя чертой профессии, наружности, характера [Фрейденберг 1997: 181].

Мифологическое по своей природе пространство прозы Буйды приспособливает к себе героя: персонажи Буйды не носят имен, данных при рождении, а переименовываются заново самими же героями его мифологического универсума – «люди звали», «с того дня его стали называть»... Особенно часто дает прозвища окружающим один из главных героев, Штоп: у него «были какие-то особые, загадочные отношения со словами вообще и с человеческими именами в частности». Свою жену «он называл Жозефиной, хотя по документам она была Зинаидой» [Буйда 2010: 65]. Внук Штопа, калека с отростками на спине, именуется дедом как Франц Фердинанд, врач однажды назвал его Йозеф Штраус. Парадоксально незначимое имя самого Штопа говорит о многом. Прозвище прилипло, когда герой, как чеховский злоумышленник, любивший все отвинтить, разобрать и украсть, был пойман и объяснял свои мотивы: «Ну штоп, значит, штоп... <...> просто, значит, штоп это самое» [там же: 63]. Самого смысла своего существования Штоп объяснить не может. Однако в давнем романе Буйды «Город

Палачей» встречаем героя, что был «одним из младших и самым непутевым сыном Великого Боха, которого в городке все от мала до велика знали под кличкой Штоп» [Буйда 2003]. Смешение «Бог» и Босх» здесь прозрачно мотивирует генезис поэтики Буйды. Штоп – сын Боха, словно сохраняет природу демиурга, потому дает в своем мире имена, попирая прежних богов: после смерти внука он яростно пинает ржавый бюст Сталина, найденный в огороде. Работает та же формула героя, что в случае с Летой: мифологический архетип встречается с архетипом литературным.

Генезис персонажей Буйды обнаруживает, таким образом, что события фабулы оказываются лишь проекцией имени героя. Имя же является проекцией мифа. О.М. Фрейденберг писала, что «основной закон мифологического, а затем и фольклорного сюжетосложения заключается в том, что значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, развертывается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает» [Фрейденберг 1997: 222].

Сюжетика Буйды проистекает также из логики мифа. События равны между собой, не подчинены конкретной цели, они воспроизводят архетипическую основу образа персонажа: «...сюжет – система развернутых в словесное действие метафор; вся суть в том, что эти метафоры являются системой иносказаний основного образа» [там же: 223]. Такого рода сюжеты О. М. Фрейденберг называла кумулятивными. В современной авангардной и постмодернистской литературе, как справедливо считают исследователи, актуализируется именно кумулятивный способ сюжетостроения: «Фрагментарность и нагромождение воспроизводят кризисное сознание, которое пытается осмыслить и пережить деконструкцию, распад мира» [Фёдоров 2011: 142].

Описанные принципы создания героев и сюжетов, мифологические по природе, сохраняются у Буйды и за пределами круга-цикла, собранного в книге «Жунгли». Мы имеем дело с ризоматическим³, по типу грибницы, разрастанием цикла. Обратимся к роману «Синяя кровь».

Объединяющим началом здесь остается локус. С первой страницы романа «Синяя кровь» мы встречаем знакомые по рассказам цикла «Жунгли» места: «Площадь была пустынна. В центре ее высилась уродливая черная горловина древнего колодца <...>, а вокруг стояли церковь Воскресения Господня, аптека с заспиртованными карликами в витрине, ресторан “Собака Павлова”, милиция, почта, торговые ряды – Каменные корпуса, Трансформатор – памятник Пушкину с фонарем в вытянутой руке, Немецкий дом – больница, построенная в 1948 году немец-

кими военнопленными, и где-то там, за больницей, в колышущейся влажной мгле, угадывалась крыша крематория с медным ангелом на высокой дымовой трубе» [Буйда 2011: 7]. И здесь же, в начале романа, перечисляются длинным списком уже известные по циклу «Жунгли» персонажи: «А после похорон в ресторане “Собака Павлова” собралось множество людей, чтобы помянуть старуху. Тут были доктор Жерех, аптекарь Сиверс, начальник милиции Пан Паратов, знахарка и колдунья Свинина Ивановна, тощая Скарлатина со своим Горибабой <...> Шут Ньютон с собственным стулом, десятипудовая хозяйка ресторана Малина, горбатенькая почтальонка Баба Жа, Ээсовка Дора, карлик Карл в счастливых ботинках, шальной старик Штоп, его стоквартирная дочь Камелия, ее муж Крокодил Гена, пьяница Люминий, глухонемая банщица Муму, Четверяго в своих чудовищных сапогах, семейство Черви – милиционеры, парикмахеры и скрипачи, директриса школы Цикута Львовна, прекрасная дурочка Лилая Фимочка и множество Однобрюховых...» [там же: 13–14].

Однако «Синяя кровь» – роман, и здесь работают дополнительные нарративные механизмы. В романном жанре у Буйды повествование движется за счет двух типов сюжета: это и кумулятивный, который мы описали применительно к его рассказам, но вместе с ним и линейный (векторный), характерный для детектива.

Кумулятивный принцип работает так же, как в рассказах цикла. Героиня романа «Синяя кровь» встраивается в миф, в устойчивый архетип. Сначала культурный – Таня берет себе имя Ида, разглядывая полубившийся серовский портрет Иды Рубинштейн, по примеру которой и становится актрисой. Потом всей своей жизнью героиня поддерживает локальные чудовищные мифы: становится кем-то вроде старшей жрицы установленного здесь культа: выпускания голубки в день кремации покойников – она учит исполнению ритуала маленьких девочек. Но при этом в романе у героини есть биография, взятая из совсем не мифологического контекста. Прототипом Иды Змойро стала актриса советского кино сороковых годов Валентина Караваева, о чем говорится в предисловии к книге. На взлете актерской карьеры, в расцвете истории любви (она вышла замуж за британского атташе) Караваева попала в автокатастрофу и, обезображенная, провела остаток дней в Верхнем Волочке. Благодаря биографии актрисы в романе появляется не только имя и миф, но и судьба, история. А благодаря детективной линии (девочек кто-то убивает) в романе начинает проявляться линейный сюжет, напоминающий криминальные сериалы. Ида Змойро разоблачила убийцу, используя при

этом навыки актрисы. То есть в мифологический универсум, выстроенный в ряде текстов Буйды, врываются романский векторный сюжет (поиск убийцы) и нарративная интрига (повествование ведется таким образом, что секрет об убийце раскрывается перед читателем постепенно). Финал романа, впрочем, восстанавливает статус-кво чудовищного мира, его миф и ритуал. И можно предположить, что другие, будущие тексты могут снова располагаться в обжитом пространстве мифа.

Таким образом, рассказы циклов «Жунгли», «Врата Жунглей» и роман «Синяя кровь» связаны общими персонажами, общим хронотопом, перекрестными сюжетными линиями, предысторией. Хотелось бы понять генеалогию этого текстового кластера, состоящего из нескольких книг: строится этот мир изначально, сознательно и постепенно, т. е. в сознании автора, или складывается постфактум, случайно, судьбами издательской политики?

Наше исследование истории публикаций рассказов автора показывает, что даже целостность цикла «Жунгли» нельзя признать абсолютной. Многие рассказы были опубликованы в журналах задолго до книжной публикации цикла в 2011 г. Так, первый рассказ в исследуемом цикле, «Лета», был опубликован в 1995 г. в журнале «Знамя». В 2000 г. в журнале «Октябрь» Юрий Буйда представляет небольшой цикл «Три рассказа». Последний рассказ этого цикла – «На живодерне» – в цикле «Жунгли» встречаем в первоначальной (журнальной) редакции. Отдельными рассказами в журналах «Октябрь» и «Знамя» печатаются «Закон Жунглей» и «Про электричество» соответственно. Сложнее и интенсивнее цикл «Жунгли» развивается дальше. Помимо этого цикла, в 2010 г. Буйда публикует цикл «Бедные дети» в журнале «Октябрь», куда включает три рассказа из «Жунглей»: «Вовка и Скарлатина», «Три мешка хороших ногтей», «Ведьмин волос». В 2007 г. выходит его цикл «Книга левой руки», в котором есть три рассказа («Отчёт Анны Бодо», «Карлик Карл», «Шут Ньютон» и отчасти «Пасхальный пёс»).

В поисках ответа на вопрос о механизме межтекстовых связей мы обратились к автору. Юрий Васильевич ответил следующее: «Однажды по случайному поводу был написан рассказ (а скорее – эссе) «Прусская невеста», который был опубликован в «Независимой газете», и друзья-коллеги обрушились с вопросами о той земле и тех людях, о которых я написал. Пришлось объяснять. И прорвало. Если некоторые мои прежние рассказы были навеяны, так сказать, размышлениями «о мире и людях», а иной раз и литературными образами (отмечу при этом, что непосредственный опыт и читательский опыт –

в моем представлении – суть органические и неразрывные части писательского опыта), то на этот раз речь пошла о том, что я лично пережил – видел, слышал, участвовал. В широком водовороте образовалась воронка, которая потащила в себя именно «пруссские истории», отбрасывая все другие темы. Примерно так же складывались и книги, так или иначе связанные с Жунглями, то есть собственно «Жунгли», «Синяя кровь», «Львы и Лилии»⁴.

Такие «воронки», в которые затягиваются все новые рассказы, порождают все новые циклы. Обратимся к упомянутой Буйдой книге «Львы и Лилии». Она содержит рассказы, входившие в прежние циклы («Бешеная собака любви», «Пан Паратов», «Врата Жунглей»), и рассказы, печатавшиеся прежде в журналах (рассказ «Собака Павлова», например, в журнале «Топос» в 2011 г.). Однако новая конфигурация рассказов, а также впервые включенные тексты («Счастлирое тело», «Шаманиха», «Фаня») и в большой степени новое название образуют уже новое художественное высказывание.

«Львы» и «Лилии» – здесь имена собственные. Герои рассказа, давшего название сборнику, – Лиличка и Лев – бледные тени своих родителей, имевших, кажется, природу богов и героев. Лиличка говорит о матери: «В детстве она мне казалась настоящей богиней... Афродитой, Герой, Артемидой, Венерой... неземная женщина... дивный, божественный мрамор... белый, холодный, прекрасный...» [Буйда 2013: 17]. То есть мы имеем дело с «младшими богами» или уже простыми земными смертными.

Пространственный топос Чудова в цикле «Львы и Лилии» тоже обнаруживает некоторую динамику. Героиня рассказа «Собака Павлова» собирается продать ресторан: «Город обречен, думала она. Со стороны Кандаурова и Жунглей все ближе подступают двадцатипятиэтажные башни» [там же: 36]. И далее мы видим все приметы города, которые встречали в цикле «Жунгли» и в романе «Синяя кровь»: «Аптекарь Сиверс продает свое заведение вместе с заспиртованными карликами, которые таращатся на прохожих из огромных бутылей со спиртом, – их привез из Германии лет двести назад предок аптекаря. В “Собаке Павлова” нет посетителей. В крематории, которому вот-вот исполнится сто лет, покойников сжигают всего раз в два-три месяца, остальных закапывают на новом Кандауровском кладбище <...>. Народ продает свои дома и переезжает в квартиры, превращаясь в население» [там же]. «Народ» и «население» здесь – оппозиция, знаменующая противостояние живого и формального, к чуду отношения не имеющего. Однако далее сюжет рассказа снова восстанавли-

вает мифическую цельность чудовского мира: владелице ресторана Малине является Марс – в бытовом профанном пространстве бандит, но в мифологическом, конечно, бог. Сама она становится его любовницей – престарелой, как Минерва, а на смену ей приходят юные племянницы Малины – «Пиренна» воплотилась здесь в духе частого у Буйды близнечного мифа – в сестрах-инвалидах Рине и Рите. То есть боги и герои сакрального мифологического пространства – в масках профанных жителей волшебного Чудова – снова восстановлены в правах. Устойчивые образы и мотивы Буйды продолжают развиваться, питаясь энергией мифа, а также хронотопа, им самим создаваемого.

Таким образом, циклизация рассказов как дискретных единиц, содержащих свернутые мифы, образует новые способы художественной целостности. В романах к мифологическому кумулятивному сюжету добавляется линейный нарратив, мотивированный автобиографией или динамичными приемами массовой литературы (криминального романа например). Так было в романе «Синяя кровь», а потом и в романах «Вор, шпион и убийца», «Стален», повести «Яд и мед» и др. Преемственность прежних мотивов и топосов в новых циклах рассказов (в нашем случае это «Львы и Лилии») обнаруживает сквозной сюжет, объединяющий разные циклы и романы.

Опыт прозы Буйды позволяет говорить о рождении новых повествовательных форм через развитие процесса циклизации, который объединяет сборники рассказов, повести, романы. В целом и процесс циклизации, и сам этот термин, безусловно, историчны. В духе исторической поэтики следует сегодня изучать ее новые формы. Сегодня мы имеем дело не с большими циклами романов, как, например, в XIX в., но с очень приметными, на первый взгляд, межжанровыми процессами циклизации, обнаруживающими, тем не менее, важные перемены в понимании текста современной культурой в целом. Исследователь циклизации Л. Е. Ляпина замечала, что «в эпике циклизация, прежде всего, совершила работу по трансформации и развитию самого повествования, способствовала выработке новых качеств и особенностей повествовательных» [Ляпина 1999: 146]. В случае Юрия Буйды новые качества эпического повествования мы можем вслед за Умберто Эко описать метафорой *гипертекст или лабиринт*. В типологии лабиринтной организации текстов Умберто Эко лабиринт-сеть – это тип организации, где «каждая точка <...> может быть связана с другими точками» [Эко 2016: 54]. Способ организации такого лабиринта «представляет собой непре-

рывный процесс коррекции связей, структура этой сети всегда будет отличаться от той, что была минуту назад, и этот лабиринт каждый раз можно будет пройти по разным линиям. Сеть – это древо плюс бесконечные коридоры, соединяющие его узлы» [Эко 2007: 55]. Думается, к подобным способам текстовой организации, особенно с учетом их распространения в массовой культуре, стремящейся к созданию миров-вселенных, следует сегодня присмотреться внимательнее.

Перспективы исследования текстовой организации в современной литературе могут быть связаны с изучением индивидуальных текстовых стратегий в реализации общего принципа нелинейного повествования. Проза Буйды развивается нелинейно, но это особый способ нелинейности. Он отличен от того, что явлен, например, в романе М. Павича «Хазарский словарь». Если у Павича внутритекстовые переходы, совершаемые читателем, заданы самой структурой текста, то в случае Буйды ризоматический текст растет как естественное и постепенное развитие художественного мира и воображения писателя, в текстах разных жанров, по мере развития его художественной вселенной. Всякий новый текст Буйды предъясняет читателю узнаваемое пространство, где автор прокладывает новый путь, каждый раз переосмысляя связи устоявшихся топосов. Узнаваемость мифомира автора делает художественную систему узнаваемой и неповторимой.

В качестве перспективы исследования стоит задуматься и о том, что гипертекстуальность как способ производства и потребления культурных продуктов вписывается в общую систему коммуникации, складывающуюся в современном обществе. Философы и социологи (Ян ван Дейк [Van Dijk 2011], М. Кастельс [Castells 2005] и др.) называют это общество сетевым, полагая, что сеть является моделью социальных, производственных, научных связей, в ряд которых встает и Интернет. Художественное творчество по природе своей во многом автономно, однако художник, будучи включенным в современные коммуникации, является их частью и, вероятно, собственным видением формирует новые стратегии языка культуры.

Примечания

¹ Как пример назовем сборники известных авторов: «Нагайна, или Изменённое время» Людмилы Петрушевской (2019), «О теле души. Новые рассказы» Людмилы Улицкой (2020). Коллективные же антологии собирают сами писатели – Захар Прилепин («Десятка» (2011), «Лимонка в тюрьму» (2012), «14» (2012), «Лимонка в

войну» (2016)), а также издатели (большой успех имели тематические сборники рассказов издательства Елены Шубиной в АСТ: «Москва. Место встречи. Городская проза» (2016), «В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории» (2017), «Птичий рынок» (2019).

² «Гротескное тело космично и универсально: в нем подчеркиваются общие для всего космоса стихии – земля, вода, огонь, воздух; оно непосредственно связано с солнцем, со звездами; в нем – знаки зодиака; оно отражает в себе космическую иерархию; это тело может сливаться с различными явлениями природы – горами, реками, морями, островами и материками; оно может заполнить собою весь мир» [Бахтин 1990: 353].

³ Исходное значение термина – корневище, клубень – взято из ботаники. Ж. Делёз и Ф. Гваттари говорят о состоянии хаоса – разрушении жизненных и ментальных иерархических структур и их трансформации в ризому. «Она сделана не из единиц, а из измерений или, скорее, из подвижных направлений. У нее нет ни начала, ни конца, но всегда середина, из которой она растет» [Делёз, Гваттари 2010: 37]. У ризомы есть структура, просто она иного типа: «любая ризома включает в себя линии сегментарности, согласно которым она стратифицирована, терриформирована, организована, означена, атрибутирована и т. д.; но также и линии детерриторизации, по которым она непрерывно ускользает» [там же: 16].

⁴ Интервью с Ю. Буйдой 2018 г. Из архива автора.

Список литературы

Бавильский Д. «Лет через сто встретимся и посмотрим...» (интервью с Ю. Буйдой) // Частный корреспондент. 2010. 5 окт. URL: http://www.chaskor.ru/article/yurij_bujda_let_cherez_sto_vstretimsya_i_posmotrim_20250 (дата обращения: 05.03.2020).

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 541, [2] с.

Буйда Ю. Город Палачей // Знамя. 2003. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/2/buida.html> (дата обращения: 15.01.2018).

Буйда Ю. В. Жунгли. М.: Эксмо, 2010. 380, [3] с.

Буйда Ю. Закон Жунглей // Октябрь. 2008. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2008/3/bu3.html> (дата обращения: 15.01.2020).

Буйда Ю. В. Львы и Лилии. М.: Эксмо, 2013. 442, [1] с.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 648 с.

Дегтяренко К. А. Языковые приемы комического в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста»: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. 192 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари: пер. с франц. и послесл. Я. И. Свицкого; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

Нестерова С. В. Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. 190 с.

Славникова О. Обитаемый остров // Новый мир. 1999. № 9. С. 212–216.

Фёдоров В. В. Кумулятивный принцип сюжетостроения в современной русской литературе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 3(218). Филология. Искусствоведение. Вып. 50. С. 138–142.

Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / подгот. текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / пер. с итал. О. А. Поповой-Пле. М.: Академ. проект, 2016. 559 с.

LaCapra Dominick. Writing History, Writing Trauma. Baltimore, L.: The John Hopkins University Press, 2001. 226 p.

Van Dijk J. The network society. L., 2011. 292 с.

Castells M. and Cardoso G. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. 434 p.

References

Bavil'skiy D. 'Let cherez sto vstretimsya i posmotrim...' (interv'y u s Yu. Buydoy) ['In a hundred years we will meet and see...'] (interview with Yu. Buyda). *Chastnyy korespondent* [Private correspondent]. October 5, 2010. Available at: http://www.chaskor.ru/article/yurij_bujda_let_cherez_sto_vstretimsya_i_posmotrim_20250 (accessed 05.03.2020). (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa*. [The oeuvre of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvannaya literature. Publ., 1990. 541 p. (In Russ.)

Buyda Yu. V. Gorod Palachey [The city of executioners]. *Znamya*, 2003, issues 2–3. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/2/buida.html> (accessed 15.01.2018). (In Russ.)

Buyda Yu. V. *Zhungli*. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 380 p. (In Russ.)

Buyda Yu. V. *Zakon Zhungley* [The law of Zhungli]. *Oktyabr'* [October], 2008, issue 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/october/2008/3-bu3.html> (accessed 15.01.2020). (In Russ.)

Buyda Yu. V. *L'vy i lilii* [Lions and lilies]. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 442 p. (In Russ.)

Veselovsky A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989. 648 p. (In Russ.)

Degtyarenko K. A. *Yazykovye priemy komicheskogo v knige rasskazov Yu. Buydy 'Prusskaya nevesta'*. Diss. ... kand. filol. nauk [Linguistic devices of the comic in the book of short stories by Yu. Buyda 'The Prussian Bride'. Cand. philol. sci. diss.]. Kaliningrad, 2009. 192 p. (In Russ.)

Deleuze G. *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya*. [A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., Moscow, Astrel' Publ., 2010. 895 p. (In Russ.)

Nesterova S. V. *Tsiklicheskie tekstopostroeniya v maloy epicheskoy proze*. Diss. ... kand. filol. nauk. [The cyclic text building in short epic prose. Cand. philol. sci. diss.]. Tver, 2012. 190 p. (In Russ.)

Slavnikova O. Obitaemyy ostrov [The inhabited island]. *Novyy mir* [New World], 1999, issue 9, pp. 212–216. (In Russ.)

Fedorov V. V. *Kumulyativnyy printsip syuzhetostroeniya v sovremennoy russkoy literature* [Cumulative approach of the plot formation in the modern Russian literature]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskustvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism], 2011, issue 3(218), pp. 138–142. (In Russ.)

Freidenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of the plot and genre]. Ed. by N. V. Braginskaya. Moscow, Labirint Publ., 1997. 448 p. (In Russ.)

Eco U. *Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii* [From the tree to the labyrinth. Historical studies on the sign and interpretation]. Transl. from Italian by O. A. Popova-Ple. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2016. 559 p. (In Russ.)

LaCapra Dominick. *Writing History, Writing Trauma*. Baltimore, L., The John Hopkins University Press, 2001. 226 p. (In Eng.)

Van Dijk J. *The Network Society*. London, 2011. 292 p. (In Eng.)

Castells M. and Cardoso G. *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, DC, Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. 434 p. (In Eng.)

POETICS OF CYCLIZATION IN THE PROSE OF YURIY BUYDA

Marina P. Abasheva

**Professor in the Department of Journalism and Mass Communication,
Professor in the Department of Cultural Studies and Social and Humanities-Based Technologies
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. m.abasheva@gmail.com

**Professor in the Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

24, Sibirsкая st., Perm, 614990, Russian Federation

SPIN-code: 2169-4629

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

ResearcherID: P-8012-2016

Mariya V. Kurilenko

**Postgraduate Student in the Department of Russian Literature
Perm State University**

15, Bukireva st., 614990 Perm, Russian Federation. mashatext@yandex.ru

SPIN-code: 9622-5737

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2421-3102>

Submitted 05.04.2020

The article studies the poetics of the contemporary writer Yuriy Buyda in the context of the contemporary Russian short story. The analysis of historically specific forms of Buyda's cyclization is considered as part of the general tasks of historical poetics in studying the evolution of literary forms. Structural and semi-otic analysis of the writer's works reveals that his prose forms peculiar cycles-clusters, 'archipelagos', where a cycle of stories appears to be related to novels. This connection is primarily determined by the setting, but also by recurring heroes and a specific – cumulative rather than cyclical – plot that traces its origin to myth. Through the example of one such cluster of texts – the cycles *Zhungli*, *Gates of Zhungli* (*Vrata Zhungley*) (2011), *Lions and Lilies* (*L'vy i Lilii*) (2013), the novel *Blue Blood* (*Sinyaya krov'*) and related works – the paper investigates the nature and logic of the depicted world, the mechanisms of its intra-textual connections, as well as the genesis due to both the nature of the author's artistic thinking and the social, historical and literary, biographical context. Thus, we can observe a tendency of transcending the genre boundaries of a story or novel in favor of hypertext rhizomatic formations – based on mythologizing strategies. These features correlate with the general interest of contemporary Russian literature in collections of short stories, on the one hand, and the contemporary novel's leaning to disintegration of a single narrative and fragmentation, on the other. It is possible that the tendencies toward hypertext strategies for text generation are determined by the general properties of modern thinking and social communication since today the social morphology of society is built in the form of networks.

Key words: Yuriy Buyda; modern Russian prose; epic cyclization; hypertextuality.

УДК 821.139
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-81-89

ПОЭТИКА «РОМАНА О РОМАНЕ» ПАТРИКА МОДИАНО «ЧТОБЫ ТЫ НЕ ЗАБЛУДИЛСЯ В КВАРТАЛЕ»

Нина Станиславна Бочкарева

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nsbochk@mail.ru

SPIN-код: 5691-5020

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Инга Валерьевна Сулова

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. inga_sus@mail.ru

SPIN-код: 3604-6699

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2834-6842>

Александр Дмитриевич Бажанов

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bazhanov.sascha@yandex.ru

SPIN-код: 1723-1815

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9045-4641>

Статья поступила в редакцию 18.03.2020

Про́сьба ссы́латься на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бочкарева Н. С., Сулова И. В., Бажанов А. Д. Поэтика «романа о романе» Патрика Модiano «Чтобы ты не заблудился в квартале» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 81–89. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-81-89

Please cite this article in English as:

Bochkareva N. S., Suslova I. V., Bazhanov A. D. Poetika «romana o romane» Patrika Modiano «Chtoby ty ne zabludil'sya v kvartale» [*'So You Don't Get Lost in the Neighborhood' by Patrick Modiano: Poetics of the 'Novel About a Novel'*] *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 81–89. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-81-89 (In Russ.)

Анализируется роман современного французского писателя Патрика Модiano «Чтобы ты не заблудился в квартале» («Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier», 2014) в аспекте жанровой поэтики «романа о романе». Объясняется использование терминов «роман о романе», «метароман» и других в современном литературоведении. К анализу привлекается «Нобелевская лекция» писателя, прочитанная им в год публикации романа, и работы исследователей творчества Модiano разных стран. Делается вывод об игровой структуре «романа о романе», архитектурально связанной с французской модернистской традицией (М. Пруст, А. Жид и др.). Герой-писатель Жан Дараган на протяжении всего романа грезит о собственной жизни, соединяя воспоминания и воображение (процесс творчества, согласно Модiano). Погружаясь в прошлое, Жан Дараган обнаруживает источник своего одиночества в детстве (одиночество – условие творчества писателя и тема «романа о романе»). Зафиксированный многочисленными накладывающимися друг на друга разножанровыми текстами

(фальшивый паспорт, визитная карточка, записная книжка, телефонная книга, статья, письмо, полицейский протокол, досье, брошюра, роман, стихи и др.) роман-палимпсест образует коммуникативное пространство диалога – единственно возможный для писателя выход из одиночества. Внутри «самопорождающегося романа» помещена история создания первого романа героя «Черный цвет лета» («Le Noir de l'été») как одна из пересекающихся сюжетных линий. Пародирование классического детектива (детективного романа) выражается в невозможности раскрыть преступление, разгадать загадку. Среди множества интертекстуальных отсылок «Естественная история» французского естествоиспытателя XVIII в. Бюффона и сборник стихов восьмилетней девочки Мину Друэ «Дерево, мой друг» составляют ближайший контекст создаваемого в процессе чтения романа и свидетельствуют о его лирико-философском характере. Тем самым произведение Модиано сближается с лирическим типом «романа о романе» Пруста, хотя детективная составляющая и повествование от третьего лица обнаруживают влияние Жида. Обращение к традиции модернистского «романа о романе» подчеркивает принадлежность автора к «промежуточному поколению» писателей, представляющих как саморефлексию жанра разницу между монументальными романами прошлого и фрагментарными произведениями настоящего.

Ключевые слова: роман о романе; метароман; палимпсест; современная французская литература; Патрик Модиано.

В современном российском литературоведении получил распространение термин «метароман» [Котелевская 2018; Турышева 2019] от английского «метапроза» (“metafiction”) [Бочкарева 2018]. «Роман о романе» рассматривается в основном как модернистский этап в развитии метапрозы («модернистский самосознающий роман»): «история героя-писателя (в большей или меньшей степени являющегося alter ego автора), постепенно приходящего к созданию произведения искусства» [Мирошниченко 2001: 4, 13]. Термин «роман о романе» (как и тыняновская формула «роман романа») применяется в отношении одного из двух пластов метаромана (разделяются «роман романа» и «роман героев») [Зусева-Озкан 2012: 32, 35].

Во французском литературоведении термины «le roman dans le roman» («роман в романе»), «le roman du roman» («роман о романе», или «роман романа»), «le roman du romancier» («роман о романисте») использовались как тождественные относительно одного и того же произведения (классический пример – «Фальшивомонетки» А. Жида), хотя при этом акцентировались разные стороны его проблематики и поэтики [Linder 1975; Keurog 1980: 170]. Термин «роман о романе» часто неотличим от близкого ему термина «роман в романе», хотя в первом случае акцент делается на содержание произведения, во втором – на форму [Андреев 1968: 18]. Для нас термин «роман о романе» приобретает значение формально-содержательной категории [Бочкарева, Сулова 2010: 3] и предполагает проблематизацию «границы» между «изображенным» (изображаемым) и «изображающим миром» [Бахтин 1975: 402–403].

Цель настоящей статьи – проанализировать содержательные и формальные признаки «романа о романе» [Бочкарева, Сулова 2011: 3–4] как жанровой доминанты одного из последних про-

изведений современного французского писателя Патрика Модиано «Чтобы ты не заблудился в квартале» («Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier», 2014). Такая постановка проблемы не противоречит его интерпретации как «тотального романа» и включенности в общий контекст творчества Модиано как «Единой книги» [Трофимова 2004], хотя в своей статье мы намеренно не анализируем многочисленные случаи автоцитирования. Выбор для анализа романа «Чтобы ты не заблудился в квартале» обусловлен созданием в нем усложненной структуры «романа о романе», связью с «Нобелевской лекцией» (2014), в которой автор непосредственно выражает свои творческие позиции, и, наконец, его недостаточной исследованностью.

Все литературные произведения Модиано автобиографичны («autofiction» [Laurent 1997]). Персонажи близки автору по взглядам, возрасту, чувствам, роду деятельности, характеру. «Внутренний автобиографизм» – необходимое условие героя-художника, так как психологию творчества, механизм творческого процесса писатель неизбежно постигает изнутри, из личного опыта [Бочкарева 2001: 347]. Но если «герой в жизни совпадает с автором, т. е. когда он в существенном автобиографичен», «автор должен стать вне себя», «он должен стать другим по отношению к себе самому, взглянуть на себя глазами другого» [Бахтин 1979: 16]. В романе «Чтобы ты не заблудился в квартале» герой-писатель носит отличное от автора имя Жан Дараган, а повествование ведется в третьем лице. При этом точка зрения повествователя практически совпадает с точкой зрения героя. Более того, создается впечатление, что все повествование – это воспоминания-сновидения героя, плод его воображения.

Роман можно условно разделить на две части. В первой события настоящего (несколько дней начала 2010-х гг.) часто кажутся Жану Дарагану

сном («rêve») и, возможно, придуманы героеписателем. Его жизнь в этот период сосредоточена в пределах одной комнаты, которую он называет «кабинетом» («bureau») и где главные предметы мебели – письменный стол («bureau») и диван («canapé») (р. 11; здесь и далее ссылки на номера страниц романа указаны по изданию: [Modiano 2014]). Персонажи этой части романа (Жиль Оттолини и Шанталь / Жозефина Гриппей), во-первых, не подтверждают своей идентичности (нет агентства, где работает Оттолини, меняет имя Гриппей), во-вторых, являются двойниками людей (Поля и Шанталь), с которыми Жан встречался в середине 1960-х гг., когда писал свой первый роман «Черный цвет лета» («Le Noir de l'été»). Вторая часть романа – история этого первого романа, т. е. воспоминания о времени его создания и выхода в свет (середина 1960-х гг., «более 40 лет назад») и событиях детства героя (1952 г., начало 1950-х гг., «15 лет назад»), которые послужили материалом для романа «Черный цвет лета».

В середине 1960-х гг. герой-писатель в ответ на вопрос бармена называет «Черный цвет лета» «детективным романом» («un roman policier») (р. 138). В начале 2010-х гг. он его не помнит и не хочет перечитывать, чтобы не возникло впечатления, будто роман написан кем-то другим: «Il n'avait pas envie de relire *Le Noir de l'été*, quand bien même cette lecture lui donnerait l'impression que le roman avait été écrit par un autre» (р. 25). О форме и содержании романа «Черный цвет лета» читатель романа «Чтобы ты не заблудился в квартале» может только догадываться, но фрагментарно излагаются *история его создания* (встречи с Ги Торстелем, Перреном де Лара, барменом на площади Бланш, доктором («le docteur») в Сен-Ле-ла-Форе) и *события*, послужившие *материалом* романа, точнее – полученная о них *информация* (дом в Сен-Ле-ла-Форе, Анни Астран сидела в тюрьме).

Жан Дараган утверждает, что писал роман «Черный цвет лета» только для того, чтобы оставить Анни Астран «знаки» (сигналы маяка или азбука Морзе): «Écrire un livre, c'était aussi, pour lui, lancer des appels de phares ou des signaux de morse à l'intention de certaines personnes dont il ignorait ce qu'elles étaient devenues» (р. 74). Поэтому он вставляет в роман единственный реальный эпизод – посещение фотоавтомата. В ответ Анни Астран в середине 1960-х посылает ему три фотографии на паспорт, которые были сделаны в 1952 г.

Другой «знак» (имя Ги Торстель) прочитывает Жиль Оттолини. Цель его «расследования» – не раскрыть преступление, а написать статью или книгу (см. об этом также: [Бочкарева, Бажа-

нов 2019]). Как и Ги Торстель, он дает Жану Дарагану толчок к написанию нового романа «Чтобы ты не заблудился в квартале», который создается на глазах читателя как «самопорождающийся роман» (“self-begetting novel”) [Kellman 1980]. В этом романе Дараган вспоминает, что осенним воскресным вечером после поездки с Ги Торстелем (а также Полем и Шанталь) в автомобиле со скачек в Трамбле (р. 45) он написал первую (не вошедшую в окончательный текст) страницу своего первого романа «Черный цвет лета», в который позже вставил имя Ги Торстель из-за его звучания.

Дараган читает на странице 47 копии своего романа «Черный цвет лета» эпизод, в котором герой входит в книжный магазин («librairie»), где работает Ги Торстель. Цитата из романа (р. 44) предваряется сообщением, что имя Ги Торстель подчеркнуто кем-то, вероятно, Оттолини. Ги Торстель действительно работал в магазине (адрес и телефон указаны на визитной карточке), а позже Дараган вспоминает, как заходил в этот магазин с матерью. Впрочем, реальность многих фактов, используемых в первом и втором романах, подвергается сомнению как героеписателем, так и Анни Астран.

Во втором («самопорождающемся») романе пересказываются две первые главы, написанные для романа «Черный цвет лета», но в него не вошедшие, так как были уничтожены героеписателем. После упоминания названия первой главы «Возвращение в Сен-Ле-ла-Форе» рассказывается о возвращении Жана Дарагана в середине 60-х гг. в Сен-Ле-ла-Форе и о его разговоре с доктором Вустраатом. После упоминания второй главы «Площадь Бланш» рассказывается о переезде Жана и Анни в 1952 г. из Сен-Ле-ла-Форе на улицу Леферьер недалеко от площади Бланш, где прошло детство Анни и ее брат держал гараж. Именно из этой квартиры брата на улице Леферьер Жану разрешалось гулять в пределах одного квартала по улице Фонтен до начала бульвара Клиши на площади Бланш с запиской в кармане «Чтобы ты не заблудился в квартале». Однако в романе не упоминается тот факт, что на современной карте Парижа улица Леферьер огибает квартал Святого Георгия, который находится южнее, где улица Фонтен переходит в улицу Нотр-Дам де Лоретт (о Париже как «ville fantôme» у Модiano см.: [Chopin 2019]). Севернее, за площади Бланш, находится перекресток улиц Кусто и Пюже, где снимал комнату Дараган, когда писал роман «Черный цвет лета» и куда ему не разрешалось заходить одному ребенком.

Таким образом, проблематизируются границы между первым и вторым романами, воображением и реальностью. Жан Дараган, по его соб-

ственным словам, не помнит свой первый роман и не хочет его перечитывать. Модиано в Нобелевской лекции тоже утверждает, что «забывает» предыдущие (уже написанные) романы: «...каждая новая книга стирает предыдущую настолько, что кажется, будто я ее забыл. Я думаю, что писал их одну за другой с перерывами, всякий раз забывая предыдущую, но часто те же лица, имена, места, те же фразы переходят из одной книги в другую, как узор сотканного в полусне ковра. В полусне или грёзах» [Модиано 2015]. Описание процесса творчества в лекции и в романе тоже практически совпадает.

Роман «Чтобы ты не заблудился в квартале» заканчивается сценой, в которой мальчик понимает, что остался один на белой вилле на Лазурном берегу. Начинается роман с телефонного звонка в парижском «кабинете» престарелого Жана Дарагана, прерывающего его одиночество. Критики называют произведения Модиано «каталогами микроисторий об одиночестве человека» [Сиротин 2015: 28]. По словам самого Модиано, именно «писательство – занятие странное и одинокое» [Модиано 2015]. Уже ребенком герой-писатель исследуемого романа много читал и писал стихи. Писательство становится средством коммуникации («знаки»). В первой и последней сценах романа используется форма обобщенного обращения к читателю (второе лицо множественного числа – vous). Она коррелирует с названием романа, в котором это обращение (форма второго лица) используется в единственном числе. Роман, вышедший в год присуждения автору Нобелевской премии, впервые открыто использует обращение к читателю в названии произведения, хотя это обращение можно истолковать и как обращение героя (и автора) к самому себе.

Формы диалогичности в романе разнообразны:

- уже отмеченные диалоги автора с героем и героя с самим собой разных возрастов;
- интертекст (упоминание реальных книг, фильмов, песен, актеров, имен, улиц, названий);
- использование разных средств коммуникации (вербальных, визуальных – фото, слуховых – голос). Особенно интересно для «романа о романе» многообразие вербальных медиа (фальшивый паспорт, визитная карточка, записная книжка, телефонная книга, статья, письмо, полицейский протокол, досье, брошюра и др.).

Мотив записной книжки («carnet») отражает процесс творчества и проходит через весь роман. Акцент на старых и новых адресных книгах («carnet d'adresses») подчеркивает специфику творчества самого Модиано и его героя, которые используют в своих романах звучание имен, названия улиц и мест, найденные в телефонных справочниках: «...если говорить о моих первых

книгах, то желание писать, кажется, возникло у меня при просмотре старых парижских справочников. Достаточно было подчеркнуть карандашом имя какого-нибудь незнакомца, адрес и номер телефона и представить себе его жизнь среди сотен и сотен тысяч имен» [Модиано 2015]. В романе «Чтобы ты не заблудился в квартале» перелистывание обретенной (ранее потерянной, украденной) записной книжки и подчеркивание имен в «досье» можно интерпретировать как «знак» творческой деятельности героя.

В конце романа указана конкретная дата – 4 декабря 2012 г., – «год назад» поставленная в записной книжке: «il avait noté la date sur son carnet» (р. 145–146). Эта книжка (в переводе Н. Хотинской «блокнот») не похожа на адресную, она больше напоминает дневник – заметки для будущего романа. Такие же записи герой вел в «черном молескиновом блокноте» («le carnet de moleskine noire») в период написания своего первого романа «Черный цвет лета»: «Il y notait des bouts de phrases, ou des titres éventuels pour son roman» (р. 119). Доктору Вустраату он говорит, что пишет «книгу» («livre», р. 117), «брошюру» («brochure») для серии о различных населенных пунктах Иль-де-Франс («pour une collection sur différentes localités d'Île-de-France», р. 118), «маленькую брошюру» («simple brochure», р. 128) о Сен-Ле-ла-Форе, но проговаривается о том, что можно было бы написать и «роман» («roman», р. 128–129).

«Документы» («documents»), собранные в «досье» («dossier»), служат материалом для «статьи» («article»), которую якобы пишет Оттолини. По словам Шанталь, он писал статьи о скачках и лошадях в обзорах и специализированных журналах («articles sur les courses et les chevaux dans des revues et des journaux spécialisés») и выдавал себя за автора «книги» («livre»), «тоненького томика» («mince volume») в зеленой обложке под названием «Le Flâneur hippique» (р. 30). Использование в названии книги о верховой езде слова «flâneur» переносит читателя в контекст модернистской метапоэтики «прогулки», которая имеет глубокие французские корни (М. Монтень, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Бодлер) [Котелевская 2017]. Позже Дараган замечает, что книга была перепечатана с довоенного издания. Слово «LE TREMBLAY» в главе о скачках вызывает у него воспоминания об истории создания его первого романа.

«Записки» («notes»), которые Оттолини собирает для статьи, – это «машинописные страницы» («pages dactylographiées») в папке небесно-голубого цвета («chemise en carton bleu ciel»), где находятся также экземпляр романа «Черный цвет лета» и фотография (р. 31). Тонкие листы запи-

сок напоминают Дарагану сначала бумагу для писем («Les feuilles dactylographiées étaient de la minceur du papier que l'on utilisait jadis pour envoyer des lettres "par avion"», p. 41), а потом протоколы допросов («Elles avaient plutôt la même transparence que le papier perule utilisé pour les interrogatoires de police», p. 47). Шанталь называет содержимое папки «досье», хотя Дарагану не нравится это слово. Листы досье, страница книги и фотография копируются в пишущем магазине («papeterie») на бульваре Вольтер и помещаются в оранжевую папку («chemise de carton orange»), содержимое которой будет постепенно изучать Дараган.

Процесс чтения досье напоминает расшифровку древней рукописи: «Bien des années après, on essaie de résoudre des énigmes qui ne l'étaient pas sur le moment et l'on voudrait déchiffrer les caractères à moitié effacés d'une langue trop ancienne, dont on ne connaît même pas l'alphabet» (p. 125). Дараган перелистывал страницы, но ему не хотелось читать все сразу: «il feuilletait les pages du "dossier", mais il n'avait pas envie de les lire tout de suite» (p. 42). Текст был напечатан мелкими буквами через один интервал («sans bobine interligne»), что затрудняло чтение: «cette masse de caractères tassés les uns sur les autres le décourageait à l'avance» (p. 42). Казалось, что его печатали на старой портативной машинке: «Les caractères étaient minuscules, comme si on les avait tapés sur l'une de ces machines à écrire portative qui n'existaient plus aujourd'hui» (p. 47). Дараган еще раньше отмечал «странное» совпадение места своего проживания в квартире, куда его довез Ги Торстель, и фальшивого адреса Оттолини – на площади Грезиводан («dans la chambre du square du Graisivaudan»). Кто же автор этой рукописи?

Фактически чтение досье продолжается на протяжении всего «самопорождающегося романа», в котором герой-писатель водит пальцем по строчкам рукописи, все глубже погружаясь в свое прошлое: «Daragan avait l'impression de se plonger dans un bouillon compact, indigeste. Parfois, il sautait une ligne et devait revenir en arrière, à l'aide de son index» (p. 47). Вместо связного протокола («rapport homogène») перед ним оказываются разрозненные заметки («notes très brèves mises bout à bout dans le plus grand désordre»), относящиеся к разным сюжетам. Дараган хотел привести их в порядок, но не мог, хотя понимал, что они предназначены для него (p. 50). Синим карандашом он перечеркивал страницы, а красным обводил имя Анни Астран: «Il biffa au fur et à mesure les pages de grands traits au crayon bleu et encercla de rouge le nom: ANNIE ASTRAND» (p. 53).

По мере перечитывания рукописи перед героем-писателем, как в сновидении, появлялись детали его жизни, отраженные в «кривом зеркале»: «Oui, tout avait la légèreté d'un rêve. Et les pages du "dossier" lui avaient aussi procuré une sensation étrange: à cause de certains noms, et surtout celui d'Annie Astrand, et de tous ces mots tassés les uns sur les autres sans double interligne, il se trouvait brusquement en présence de certains détails de la vie, mais reflété dans une glace déformante, de ces détails décousus qui vous poursuivent les nuits de fièvre» (p. 62). Они все больше запутывались, и Дараган уже не понимал, кто в этом виноват: «Mais tout cela était confus, comme si quelqu'un – Ottolini? – en recopiant à la va-vite des documents d'archives avait sauté des mots et mis bout à bout certaines phrases prises au hasard et sans aucun lien les unes avec les autres» (p. 92). Когда он решил перечитать досье в последний раз, строчки ожили, новые фразы появлялись и исчезали: «...les phrases s'enchevêtraient et d'autres phrases apparaissaient brusquement qui recouvraient les précédentes, et disparaissaient sans lui laisser le temps de les déchiffrer. Il était en présence d'un palimpseste dont toutes les écritures successives se mêlaient en surimpression et s'agitaient comme des bacilles vus au microscope» (p. 114–115). Перед ним был «палimpseст» его собственной памяти («voix palimpseste» [Decout 2019]), на котором, искажаясь, накладывались друг на друга события трех периодов его жизни.

Уже в эпиграфе, взятом из Стендаля, проблематизируются отношения между реальностью фактов и их отражением в литературе («тенью»): «Je ne puis pas donner la réalité des faits, je n'en puis présenter que l'ombre» (p. 9). С. Кемп замечает, что Модiano ведет еще более запутанную игру с читателем, чем А. Жид в «Фальшивомонетчиках» [Kemp 2010: 154]. Сам Модiano в интервью признается, что писатель не должен и не может разьяснять таинственность персонажа («Il ne faut jamais éclaircir le mystère»), что «поиск утраченного времени» (М. Пруст) может быть только «сновидением, где сливаются память и воображение» («un rêve où la mémoire et l'imagination se confondent») [Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier de Patrick Modiano 2014]. Единственным «свидетельством» («témoignage») оказывается литература, вымысел («fiction») [Nordholt 2008]. В романе «Чтобы ты не заблудился в квартале» герой-писатель получает от случайно встреченного в кафе врача («le médecin») маленькую книжку в белой обложке под названием «Забвение» («un petit ouvrage qu'il avait écrit aux Presses universitaires de France, *L'Oubli*», p. 101; «ce petit livre à couverture blanche sur l'oubli», p. 109), в которой тщетно надеется найти

объяснение загадочным отношениям между событиями и их отражением в памяти.

«Роман о романе» всегда включает отсылки к другим писателям и их произведениям. В исследуемом романе это случайно всплывающие названия романа Жоржа Альда «Время встреч» («Le Temps des rencontres») и фильма Жака Даниэля Нормана «Приключение ждет на углу улицы» («L'aventure était au coin de la rue»), строка из песни «Опавшие листья» («Les Feuilles Mortes») на стихи Жака Превера («Dans la nuit froide de l'oubli»), которую исполнял Ив Монтан, и фраза из фильма Робера Брессона «Карманник» («Pour aller jusqu'à toi, quel drôle de chemin il m'a fallu prendre») (источники указаны в примечаниях к русскому переводу [Модиано 2018]). Прощальная фраза Шанталь сравнивается с концовкой «александрийского стиха» («un alexandrin»).

Дважды в романе говорится о «Естественной истории» французского естествоиспытателя XVIII в. Бюффона («l'Histoire naturelle de Buffon»), героями которой были животные, деревья и цветы. С ней неожиданно согласуются мемуары женщины-философа (Симоны де Бовуар), в которых цитируются слова другой женщины о ее «отношениях с травинкой» («mes rapports avec un brin d'herbe»). Глядя на дерево за окном, Дараган вспоминает название сборника стихов «Дерево, мой друг» («Arbre, mon ami»), которые написала девочка Мину Друэ (Minou Drouet) в восемь лет и которые он читал в детстве, завидуя девочке. Этому сборнику противопоставляется «взрослая» книга – гомосексуальный роман «Фабрицио Лупо», который он так и не прочтет.

В желтом чемодане Дарагана хранятся книги из «зеленой» серии литературы для подростков, такие как «Корабль тайны» («Le Cargo du mystère», Howard Pease), «Лошадь без головы» («Le Cheval sans tête», Paul Berna) и арабские сказки «Тысяча и одна ночь», упоминаются «Басни» Лафонтена из серии «Classiques Nchette». Примечательно, что прямые отсылки не включают французскую традицию романа о романе, которая присутствует преимущественно на жанровом уровне как «архитекстуальность» [Genette 1997: 3–6]. Фразы о литературе («C'est très difficile, la littérature», р. 84) и писателе («Alors maintenant, tu es un écrivain?», р. 99) вложены в уста людей, не связанных с литературой (Перрен де Лара и Анни Астран), и звучат пародийно.

Таким образом, герой-писатель на протяжении всего романа «Чтобы ты не заблудился в квартале» грезит о собственной жизни, соединяя воспоминания и воображение (процесс творчества). Погружаясь в прошлое, Жан Дараган обнаруживает в детстве источник своего одиночества (условие творчества писателя и тема «рома-

на о романе»). Накладывающиеся друг на друга разножанровые тексты создают роман-палимпсест, образующий коммуникативное пространство диалога – единственно возможный для писателя выход из одиночества. Внутри «самопроизрастающего романа» помещается история создания первого романа героя «Черный цвет лета» как одна из пересекающихся сюжетных линий. Пародирование классического детектива выражается в невозможности раскрыть преступление, разгадать загадку. «Естественная история» Бюффона и сборник стихов «Дерево, мой друг» составляют контекст создаваемого в процессе чтения романа и свидетельствуют о его лирико-философском характере. Тем самым произведение Модиано сближается с лирическим типом «романа о романе» Пруста, хотя детективная составляющая и повествование от третьего лица обнаруживают влияние Жида. Обращение к традиции модернистского «романа о романе» подчеркивает принадлежность автора к «промежуточному поколению» писателей, представляющих как саморефлексию жанра разницу между «монументальными романами прошлого, возведенными как соборы, и отрывочными, фрагментарными произведениями наших дней» [Модиано 2015].

Список литературы

Андреев Л. Г. Марсель Пруст. М.: Высш. шк., 1968. 97 с.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.

Бочкарева Н. С. Поэтика и поэтология: «Томас Бернхард и модернистский метароман» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 97–102. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-97-102.

Бочкарева Н. С. Роман о художнике как «роман творения»: генезис и поэтика (на материале литератур Западной Европы и США конца XVIII – XIX вв.: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2001. 390 с.

Бочкарева Н. С., Бажанов А. Д. Элементы детектива в романе Патрика Модиано «Чтобы ты не заблудился в квартале» // Мировая литература в контексте культуры. 2019. Вып. 9(15). С. 5–10.

Бочкарева Н. С., Сулова И. В. История французской литературы: роман о романе на рубеже XX–XXI веков: учеб. пособие. Пермь, 2011. 128 с.

Бочкарева Н. С., Сулова И. В. Роман о романе: преодоление кризиса жанра (на материале русской и французской литератур 20-х годов XX века). Пермь, 2010. 148 с.

Зусева-Озкан В. Б. Поэтика метаромана: «Дар» В. Набокова и «Фальшивомонетки» А. Жида в контексте литературной традиции. М.: РГГУ, 2012. 232 с.

Котелевская В. В. К модернистской поэтике и поэтологии прогулки: Р. М. Рильке, Р. Вальзер, Т. Бернхард, П. Хандке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 96–108. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-96-108.

Котелевская В. В. Томас Бернхард и модернистский метароман. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2018. 352 с.

Мирошниченко О. С. Поэтика современной метапрозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2001. 25 с.

Модиано П. Нобелевская лекция / пер. с фр. *Philibert's* // Звезда. 2015. № 9. С. 22–29. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2572> (дата обращения: 12.02.2020).

Модиано П. Чтобы ты не потерялся на улице / пер. с фр. Н. Хотинской. М.: Текст, 2018. 158 с.

Сиротин С. Улицы Патрика Модиано // Вопросы литературы. 2015. № 3. С. 19–30.

Трофимова Ю. С. Особенности художественной целостности тотального романа Патрика Модиано: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 17 с.

Турьшева О. Н. Роман о читателе как случай метаромана // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 292–304. doi 10.17223/19986645/63/17.

Chopin S. Paris, ville fantôme: l'identité française dans les romans de Patrick Modiano // Revue critique de fiction française contemporaine. 2019. Vol. 19. Dec 15. P. 78–90.

Decout M. Modiano: La voix palimpseste sur la place de l'étoile // Littérature. № 162 (2/2011). P. 48–62.

Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree / trans. by Ch. Newman, C. Doubinsky., Lincoln and London, USA: University of Nebraska Press, 1997. 492 p.

Kellman S. G. The Self-Begetting Novel. L.; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd, 1980. 161 p.

Kemp S. Patrick Modiano and the Problem of Ending // Kemp S. French Fiction into Twenty-First Century: The Return Story. Cardiff: Univ. of Wales Press, 2010. P. 133–154.

Keypour N. D. André Gide: Ecriture et réversibilité dans Les Faux-Monnayeurs. Montréal: Presses de l'Université de Montréal; Paris: Didier Érudition, 1980. 257 p.

Laurent T. L'œuvre de Patrick Modiano: une autofiction. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1997. 188 p.

Linder L. Le roman du roman // André Gide 5: Sur Les Faux-Monnayeurs, par c.m. 1975 (4). № 439–444. P. 81–91.

Modiano P. Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier. P.: Gallimard, 2014. 155 p.

Nordholt A. S. Dora Bruder: le témoignage par le biais de la fiction // Patrick Modiano / ed. by John E. Flower. Amsterdam; N. Y.: Rodopi, 2007. P. 75–88.

Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier de Patrick Modiano: Entretien réalisé avec Patrick Modiano à l'occasion de la parution de Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier // Gallimard, 2014. URL: <http://www.gallimard.fr/Media/Gallimard/Entretien-ecrit/Entretien-Patrick-Modiano.-Pour-que-tu-ne-te-perdes-pas-dans-le-quartier> (дата обращения: 10.03.2020).

References

Andreev L. G. *Marsel' Prust* [Marcel Proust]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1968. 97 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel]. *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow, Khudozhestvannaya literatura Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti* [Author and hero in aesthetic activity]. *Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 7–180. (In Russ.)

Bochkareva N. S. Poetika i poetologiya: 'Tomas Bernkhard i modernistskiy metaroman' [Poetics and Poetology: 'Thomas Bernhard and the Modernist Metanovel']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 97–102. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-97-102. (In Russ.)

Bochkareva N. S. *Roman o khudozhnike kak 'roman tvoreniya': genezis i poetika (na materiale literatur Zapadnoy Evropy i SShA kontsa 18–19 vv)*. Diss. dokt. filol. nauk [A novel about an artist as a 'novel of creation': genesis and poetics (based on literature of Western Europe and the USA of the late 18th–19th centuries. Dr. philol. sci. diss.]. Perm, 2001. 390 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Bazhanov A. D. *Elementy dektiva v romane Patrika Modiano 'Chtoby ty ne zabludilsya v kvartale'* [Elements of a detective in Patrick Modiano's novel 'So you don't get lost in

the neighborhood']. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World literature in the context of culture], 2019, issue 9(15), pp. 5–10. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Suslova I. V. *Istoriya frantsuzskoy literatury: roman o romane na rubezhe 20–21 vekov: uchebnoe posobie* [The history of French literature: the novel about a novel at the turn of the 20th–21st centuries: textbook]. Perm, 2011. 128 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Suslova I. V. *Roman o romane: preodolenie krizisa zhanra (na materiale russkoy i frantsuzskoy literatury 20-kh godov 20 veka): monografiya*. [The novel about a novel: overcoming the crisis of the genre (a case study of Russian and French literatures of the 20s of the 20th century): monograph]. Perm, 2010. 148 p. (In Russ.)

Zuseva-Ozkan V. B. *Poetika metaromana: 'Dar' V. Nabokova i 'Fal'shivomonetchiki' A. Zhida v kontekste literaturnoy traditsii* [The poetics of the metanovel: 'The Gift' by V. Nabokov and 'The Counterfeiters' by A. Gide in the context of literary tradition]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2012. 232 p. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. *K modernistskoy poetike i poetologii progulki: R. M. Ril'ke, R. Val'zer, T. Bernhard, P. Khandke* [On modernist poetics and poetology of walking: R. M. Rilke, R. Walser, T. Bernhard, P. Handke]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 96–108. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-96-108. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. *Tomas Bernhard i modernistskiy metaroman* [Thomas Bernhard and the modernist metanovel]. Rostov-on-Don, Taganrog, Southern Federal University Press, 2018. 352 p. (In Russ.)

Miroshnichenko O.S. *Poetika sovremennoy metaproyazy*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The poetics of contemporary metafiction. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2001. 25 p. (In Russ.)

Modiano P. Nobelevskaya lektsiya [Nobel lecture]. Transl. from French by Philibert's. *Zvezda* [Star], 2015, issue 9, pp. 22–29. Available at: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2572> (accessed 12.02.2020). (In Russ.)

Modiano P. *Chtoby ty ne poteryalsya na ulitse* [So You Don't Get Lost in the Neighborhood]. Transl. from French by N. Khotinskaya. Moscow, Text Publ., 2018. 158 p. (In Russ.)

Sirotnin S. Ulitsy Patrika Modiano [Patrick Modiano's streets]. *Voprosy literatury* [Literature Issues], 2015, issue 3, pp. 19–30. (In Russ.)

Trofimova Yu. S. *Osobennosti khudozhestvennoy tselostnosti total'nogo romana Patrika Modiano*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Features of the artistic integrity of the total novel by Patrick Modiano. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2004. 17 p. (In Russ.)

Turysheva O. N. *Roman o chitatele kak sluchay metaromana* [A novel about the reader as a case of a meta-novel]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2020, issue 63, pp. 292–304. doi 10.17223/19986645/63/17. (In Russ.)

Chopin S. Paris, ville fantôme: l'identité française dans les romans de Patrick Modiano. *Revue critique de fixation française contemporaine*, 2019, vol. 19, Dec. 15, pp. 78–90. (In Fr.)

Decout M. Modiano: La voix palimpseste sur la place de l'étoile. *Littérature*, issue 162 (2/2011), pp. 48–62. (In Fr.)

Genette G. *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Transl. by Ch. Newman, C. Doubinsky. University of Nebraska Press, Lincoln and London, USA, 1997. 492 p. (In Eng.)

Kellman S. G. *The Self-Begetting Novel*. L., Basingstoke, The Macmillan Press Ltd, 1980. 161 p. (In Eng.)

Kemp S. Patrick Modiano and the Problem of Ending. *Kemp S. French Fiction into Twenty-First Century: The Return Story*. Cardiff, Univ. of Wales Press, 2010, pp. 133–154. (In Eng.)

Keypour N. D. *André Gide: Ecriture et réversibilité dans Les Faux-Monnayeurs*. Montréal, Presses de l'Université de Montréal, Paris, Didier Érudition, 1980. 257 p. (In Fr.)

Laurent T. *L'œuvre de Patrick Modiano: une autofiction*. Lyon, Presses universitaires de Lyon, 1997. 188 p. (In Fr.)

Linder L. *Le roman du roman. André Gide 5: Sur Les Faux-Monnayeurs, par c.m. 1975 (4)*, issue 439–444, pp. 81–91. (In Fr.)

Modiano P. *Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier*. Paris, Gallimard, 2014. 155 p. (In Fr.)

Nordholt A. S. Dora Bruder: le témoignage par le biais de la fiction. *Patrick Modiano*. Ed. by John E. Flower. Amsterdam, N.Y., Rodopi, 2007, pp. 75–88. (In Fr.)

Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier de Patrick Modiano: Entretien réalisé avec Patrick Modiano à l'occasion de la parution de *Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier*. *Gallimard*, 2014. Available at: <http://www.gallimard.fr/Media/Gallimard/Entretien-ecrit/Entretien-Patrick-Modiano.-Pour-que-tu-ne-te-perdes-pas-dans-le-quartier> (accessed 10.03.2020). (In Fr.)

**‘SO YOU DON’T GET LOST IN THE NEIGHBORHOOD’ BY PATRICK MODIANO:
POETICS OF THE ‘NOVEL ABOUT A NOVEL’**

Nina S. Bochkareva

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. nsbochk@mail.ru

SPIN-code: 5691-5020

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Inga V. Suslova

**Associate Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. inga_sus@mail.ru

SPIN-code: 3604-6699

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2834-6842>

Alexander D. Bazhanov

**Master's Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. sascha@yandex.ru

SPIN-code: 1723-1815

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9045-4641>

Submitted 18.03.2020

The article analyzes the novel by the modern French writer Patrick Modiano *So You Don't Get Lost in the Neighborhood* ('Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier', 2014) in terms of the genre poetics of the 'novel about a novel'. The paper explains the use of the terms 'novel about a novel', 'metanovel', etc. in modern literary criticism. As part of research, there was studied the writer's Nobel Lecture, read by him in the year of the novel's publication, and the works of Modiano's researchers from different countries. The conclusion is drawn about the game structure of the 'novel about a novel', which is architecturally connected with the French modernist tradition (M. Proust, A. Gide, and others). Throughout the novel, the hero-writer Jean Daragane dreams of his own life, combining memories and imagination (the process of creative work, according to Modiano). Plunging into the past, Jean Daragane discovers in childhood a source of his loneliness (loneliness is a condition of the writer's work and the theme of the 'novel about a novel'). Recorded in a multitude of overlapping texts belonging to different genres (fake passport, business card, note book, phone book, article, letter, police report, dossier, brochure, novel, poems, etc.), the palimpsest novel creates a communicative space of dialogue, which is the only possible way out of loneliness for the writer. Inside the 'self-begetting novel' is the story of the creation of the hero's first novel *The Black Color of Summer* ('Le Noir de l'été') as one of the intersecting storylines. Among the different intertextual references, *Natural History* by the French naturalist of the 18th century Buffon and the collection of poems by the eight-year-old girl Minou Drouet *Tree, My Friend* ('Arbre, mon ami') (1957) constitute the immediate context of the novel created in the process of reading and testify to its lyrical and philosophical character. Thus, Modiano's work draws closer to the lyrical type of Proust's 'novel about a novel', although the detective component and third-person narrative reveal the influence of A. Gide. The reference to the tradition of the modernist 'novel about a novel' emphasizes the author's belonging to the 'intermediate generation' of writers who represent the difference between monumental novels of the past and fragmentary works of the present as self-reflection of the genre.

Key words: novel about a novel; metanovel; palimpsest; modern French literature; Patrick Modiano.

УДК 821.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2020-2-90-99

РУССКАЯ КЛАССИКА В ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВАХ ЧИТАТЕЛЕЙ¹

Анастасия Олеговна Дроздова

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

Тюменский государственный университет

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 23. an.o.droz@gmail.com

SPIN-код: 3926-1781

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5728-142X>

ResearcherID: D-3770-2019

Владимир Владимирович Петров

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

Тюменский государственный университет

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 23. petrov.v.1337@gmail.com

SPIN-код: 5913-2877

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3330-3713>

ResearcherID: AAB-7470-2020

*Статья поступила в редакцию 20.01.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Дроздова А. О., Петров В. В. Русская классика в онлайн-сообществах читателей // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 90–99. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-90-99***Please cite this article in English as:***Drozдова A. O., Petrov V. V. Russkaya klassika v onlayn-soobshchestvakh chitateley [Russian Classical Literature in Readers' Online Communities]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 90–99. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-90-99 (In Russ.)*

Исследование посвящено проблеме содержания и границ онлайн-корпуса любительских произведений по мотивам русской классической литературы, публикуемых в сообществах фанатов-читателей (фандомах). Объектом исследования выступают фанфики в жанре кроссовер, в которых объединяются художественные миры нескольких классических текстов. Выделяются две формы моделирования единого художественного пространства русской классики: 1) через кругозор *героя* и трансформацию традиционных для литературной традиции локусов; 2) через кругозор *повествователя* и создание неустойчивого пространства. Первая форма предполагает разделение пространства на публичную и интимную зоны; вторая форма связана с разграничением «сакрального» и «профанного» пространства. Для того чтобы охарактеризовать связь между фанфиками по мотивам классики в разных фандомах вводится понятие «суперфандом». В суперфандоме русской классики тексты объединены как способами трансформации первоисточника, так и общими стратегиями читательской рецепции. Бинарная типология пространства в фанфиках отражает специфику восприятия русской классической литературы в сообществах, изначально созданных любителями популярных произведений. С одной стороны, фикрайтеры оценивают классическую литературу как объект почитания; с другой – пространственная поэтика, представленная в классических произведениях, используется авторами-читателями для того, чтобы рассказать о собственных художественных предпочтениях, в том числе и о «принятии» или «непринятии» классики.

Ключевые слова: художественное пространство; русская классическая литература; фанфикшн; фандом; интерпретация.

Литературное творчество читателей и зрителей в онлайн-среде связано с особой формой сетевой словесности – фанфикшн. Непрофессиональные авторы (фикрайтеры) трансформируют известные тексты-первоисточники и публикуют свои произведения в открытом доступе. Фикрайтеры могут «создавать устойчивые параллели» (здесь и далее перевод англоязычной литературы наш. – А. Д., В. П.) между собственным жизненным опытом и событиями первоисточника [Jenkins 1992: 284]. Фанатские практики имеют амбивалентную природу. Так, потребность читателей изменять оригинальное повествование свидетельствует, с одной стороны, об эмоциональной вовлеченности в текст-первоисточник и, с другой стороны, о «сопротивлении» ему [Barnes 2015: 70].

Исследователи обращают внимание на механизмы возникновения и развития фанатских сообществ. Вокруг объектов увлеченности (фильмов, книг, звезд и т. д.) формируются группы единомышленников – фандомы. Фандомы регулируют поведение фанатов, они задают «четкие правила сообщества» [Stein, Busse 2009: 12]. John Fiske рассматривает «фандом» как явление, свойственное популярной культуре, которое возникает в результате выборки «из репертуара массово-распространяемых и массово-потребляемых развлечений определенных исполнителей, повествований или жанров» [Fiske 2001: 30]. В то же время не только популярная культура, но и классическая литература привлекает внимание фикрайтеров. Хотя ученые неоднократно отмечали интерес фикрайтеров к текстам «высокой культуры» [Tulloch 2007; Тимошенко 2015; Райнхардт 2018], правила и границы фандома классической литературы до сих пор не описаны наукой.

В статье Е. М. Четиной, Е. А. Клейковой, посвященной истории фандомов в России, объединения фанатов вокруг конкретных классических произведений рассматриваются как отдельные фандомы [Четина, Клейкова 2015: 96]. В. Д. Черняк и М. А. Черняк, предлагая определение термину «фанфикшн» как «жанра сетературы», связывают русскоязычное фанфикшн-сообщество любителей классики с «фэндомом (доменом фанатов русской классической литературы)» и с «фэндомным сообществом “Русская Классическая Литература”» [Черняк, Черняк 2015: 175], но не задаются вопросом о его структуре. В то же время на крупнейшем онлайн-ресурсе фикрайтеров «Книга фанфиков», где публикуют свои работы русскоязычные читатели-писатели, фанфики по русской классике никак не объединены. Любители классических произведений общаются друг с другом так же, как и фанаты не связанных друг с другом литературных фандо-

мов. Например, фанаты «Евгения Онегина» могут комментировать тексты по мотивам «Грозы» Островского, только если они откроют соответствующий раздел сайта. Фикрайтеры обсуждают и оценивают фанфики по мотивам конкретных произведений и не всегда обращают внимание на «классический» статус текста-первоисточника. Таким образом, актуальным является вопрос о том, как связаны тексты по мотивам разных произведений русской классики в границах глобального русскоязычного фанфикшн-сообщества.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что корпус текстов по русской классической литературе представляет собой суперфандом (домен), в котором, с одной стороны, трансформируются отдельные классические тексты, но, с другой стороны, создается общее пространство «русской классики». Читатели не только экспериментируют с конкретным литературным произведением и участвуют в одном фандоме, но и сопоставляют тексты разных авторов.

Сравнение нескольких текстов лежит в основе фанфикшн-жанра «кроссовер» – «смешение идей и персонажей из разных историй» [Lee 2011: 247], «комбинация двух или более *не связанных между собой* (курсив наш. – А. Д., В. П.) серий или историй; вымышленные вселенные объединены в одну новую фанфикшн-историю» [Jwa 2012: 328]. Особенностью кроссоверов по мотивам русской литературы является то, что фикрайтеры создают общий художественный мир для нескольких классических произведений. В корпусе фанфиков по произведениям массовой культуры подобное объединение связанных текстов обозначается фанатами и исследователями как «вселенная». Как и в кроссоверах по русской литературе, в текстах на основе «вселенных» популярных произведений связь нескольких текстов (в том числе и фанфиков) регламентируется преимущественно самими фанатами-читателями, интерпретирующими первоисточник: «Наши [фанатов франшизы Star Trek. – А. Д., В. П.] самые подробные и обширные вымышленные вселенные <...> не возникли из привилегированного царства официального авторства, но были созданы распределенным, специализированным фанатским трудом» [Rehak 2018: 122]. В отличие от пространства русской классики, которое трансформируется только в фанатских текстах, вселенную массового произведения может дополнять официальная «франшиза»: возможные фанатские предпочтения и связанные с ними творческие практики учитываются продюсерами или авторами-профессионалами [Proctor, McCulloch 2016: 479; Pearson 2010: 92; Jenkins 2007: 359].

Для того чтобы проследить, как фикрайтеры сопоставляют несколько классических произведе-

дений, необходимо рассмотреть кроссоверы на основе русской литературы в разных фандомах. Критерием для сравнения кроссоверов избрана пространственная организация как часть художественного мира текстов. Как доказывает Т. М. Воронина, категория пространства играет первостепенную роль в определении границ и содержания фандома как в самих фанфиках, так и в читательских комментариях к ним: «... частотны случаи употребления лексемы фандом в сочетании с пространственными предлогами и глаголами нахождения, движения, перемещения... противопоставляются пространство исходного произведения <...> и пространство фанатских текстов» [Воронина 2012: 63–64]. В настоящем исследовании анализ пространства кроссоверов соотносится с раскрытием «мифопоэтического слоя в представлениях о пространстве» [Топоров 1983: 234]: в контексте фанфикшн мифологическое значение приобретает русская литературная традиция. Вместе с тем изучение пространственных характеристик в фанфиках

касается определения кругозора героев и кругозора повествователя.

На сайте «Книга фанфиков» при публикации фанфика автор всегда указывает не только его заглавие, но и названия текстов-первоисточников. На основе этих данных мы приводим сопоставительную таблицу кроссоверов в наиболее популярных фандомах классики (см. табл. ниже, приведены данные на 21.12.2019). Как кроссоверы на материале классической литературы считались в том числе: 1) тексты, в которых персонажами являются и герои классики, и разные персонажи-писатели (например, биографический автор как персонаж созданного им текста); 2) тексты, где значительно преобладает число русских классических первоисточников (от 3 и более) и используется один текст зарубежной классики или массовой литературы; 3) тексты, написанные по мотивам нескольких произведений одного автора. В статистике не учитывались тексты-кроссоверы на материале современной зарубежной или русской литературы.

Сопоставление кроссоверов в фандомах русской классики
Comparison of Crossovers in Russian Classical Literature Fandoms

Название	Всего текстов	Кроссоверы только с массовыми произв., %	Кроссоверы с массовыми произв. и классикой, %	Кроссоверы с русской классикой, %	Кроссоверы с зарубежной классикой, %
«Евгений Онегин»	613	21 (3,43)	8 (1,31)	80 (13,05)	2 (0,33)
«Война и мир»	273	15 (5,49)	3 (1,1)	20 (7,33)	0
«Мастер и Маргарита»	730	129 (17,67)	23 (3,15)	30 (4,11)	7 (0,96)
«Преступление и наказание»	217	15 (6,91)	4 (1,84)	36 (16,59)	1 (0,46)
«Герой нашего времени»	137	3 (2,19)	3 (2,19)	52 (37,96)	0
«Горе от ума»	182	5 (2,75)	3 (1,65)	57 (31,32)	1 (0,55)
«Отцы и дети»	203	3 (1,48)	2 (0,99)	28 (13,79)	1 (0,49)

На основе сопоставительного количественного анализа фандомов можно выделить несколько ключевых черт корпуса кроссоверов по мотивам русской классики:

1. Тексты жанра «кроссовер» составляют меньше половины текстов всего фандома. Во всех фандомах присутствуют тексты по мотивам других русских классических произведений. В 5 фандомах только по мотивам русской классики кроссоверов значительно больше, чем других типов кроссоверов. Замечена тенденция сближения текстов одной национальной литературной традиции: во всех фандомах фикрайтеры редко сопоставляют русскую литературу только с зарубежной классикой.

2. Во всех фандомах опубликованы фанфики промежуточного типа кроссоверов, когда текст отражает читательскую осведомленность и в классике (от 2 и более классических произведе-

ний), и в массовой культуре. Количество таких фанфиков меньше (от 0,9 до 3%), чем других типов кроссоверов. Корпус кроссоверов промежуточного типа неоднороден по своему составу. В него включены как фанфики-пародии, где «высокая» классическая традиция профанизируется, так и фанфики об «альтернативной реальности» [Stein, Busse 2009: 196], в которых граница между «высоким» и «низким» не акцентируется. В кроссоверах промежуточного типа фикрайтеры стремятся нейтрализовать конвенциональные стратегии чтения: смешиваются опыт чтения в школе и опыт самостоятельного чтения / просмотра.

3. В фандоме «Мастер и Маргарита» количество кроссоверов по мотивам массовых произведений преобладает над количеством кроссоверов по мотивам классики (разница – 13,56%). По сравнению с остальными фандомами выборки этот фандом имеет большее число кроссоверов

ров с зарубежной литературой. В фандоме «Война и мир» разница между кроссоперами на основе массовых и классических произведений наименьшая среди фандомов выборки – 1,84 %.

Неоднородность распределения кроссеров отражает условия знакомства читателя с произведением. «Войну и мир», «Мастера и Маргариту» и их медиаадаптации, как и массовые произведения и некоторые произведения зарубежной литературы, фикрайтеры читают или смотрят самостоятельно, а не только в рамках школьного домашнего задания. Таким образом, явление надфандомного домена или суперфандома связано с условиями чтения литературы и в первую очередь со школьным чтением.

В фанфиках по мотивам русской классики авторы сопоставляют не только сюжеты разных произведений, но и художественное пространство в них. Именно пространство оказывается основным объектом трансформации в текстах на основе нескольких произведений: через пространственные категории фикрайтеры осмысливают «временные, социальные, этические» [Лотман 1988: 252] и историко-культурные связи текстов-первоисточников.

Типология пространства суперфандома должна учитывать такую способность художественного пространства, как 1) быть «точечным, линейным, плоскостным и объемным» [Лотман 1988: 253]; 2) в процессе интерпретации дополняться «промежуточными», «потенциально мыслимыми» пространствами [Топоров 1983: 284]; 3) выступать в дискретной форме в виде локусов как «пространственных единиц», которым «мы стремимся присвоить им присущие (с нашей точки зрения) отличительные признаки и особые названия-имена» [Фарино 2004: 511]. В корпусе фанфиков по мотивам разных произведений русской классики можно выделить несколько локусов, к которым фикрайтеры обращаются наиболее часто.

Персонажи классических произведений могут общаться друг с другом в общем локусе **богатого дома**.

Во-первых, фикрайтеры объединяют два традиционных для русской литературы локуса – загородное поместье и столичный дом. В фанфикшн-кроссоперах и загородное поместье, и столичный дом характеризуются как места для торжества (именины, праздничный бал). Описание богатого дома как праздничного пространства присутствует в экспозиции фанфиков: герои классических произведений могут случайно встретиться в людном танцевальном зале. Персонажи фанфикшн-кроссеров не участвуют в празднике, стремятся покинуть богатый дом и перейти в более укромное место. Например, в фанфике «Развей мою скуку» (Ласковский безумец с пером)² повествуется о том, как на праздни-

ном балу встречаются Онегин и Печорин. В тексте отсутствует конкретная локализация богатого дома, локус близок к «потенциально мыслимому» типу пространства: «Это был *один из пустых* вычурных и *скучных балов*, в которых приходилось участвовать извечно хандрящему Онегину» (здесь и далее тексты приводятся в авторской грамматике. – А. Д., В. П.). Терраса, где Печорин и Онегин остаются наедине, может находиться как в городе, так и в поместье. Важной функциональной характеристикой террасы является ее тенистость, укромность: «В тени деревьев его было сложно разглядеть», «Они имели риск быть замеченными, но им повезло, что никто никогда не желал выходить на террасу ночью».

Во-вторых, пространство богатого дома имеет бинарную структуру. Дом делится на две зоны: интимную (точечное пространство) и общественную (линейное, плоскостное пространство). К примеру, в кроссвере «Любовь француза» (Иннокентий Дубровский) пространство богатого дома состоит из танцевальной комнаты, где веселятся гости, и комнаты Дубровского, где он встречается со своим возлюбленным Владимиром Ленским. В функции интимной зоны могут выступать несколько мест, в том числе терраса, сад, крыльцо. В фанфике «Стать спасением» (CharlesRichard) каждому этапу диалога соответствует свое место: сплетни о Чацком и Печорине в гостиной на балу – общественная зона; игровой диалог уединившихся в комнате персонажей; признание Чацкого Печорину в том, что он покидает Москву, и танец героев в саду – интимная зона. Пространственная граница между интимной и общественной частью пространства может отсутствовать, в таком случае автономность этих зон подчеркивается сменой планов изображения: от общего плана повествователь переходит к крупному. Точечное пространство между героями образует особую зону, в которую не может войти посторонний. Например, в фанфике «Эжен Онегин. Поединок на Петровской площади» (Галя_loginova) пространство бала является линейным и плоскостным («по залу понесли танцующие пары», «общая толпа»). План изображения сужается до одной интимной зоны между скупающими на балу «вольнодумцами» Евгением Онегиным и Пьером Безуховым.

В фанфиках центр богатого дома не совпадает с его реальным пространственным центром. Угол, типичное для локуса трущобы место («трущоба состоит из “углов”, из предельно замкнутых пространств» [Щукин 1996: 582]), в фанфиках является ценностно-важной частью пространства богатого дома. В фанфике «Утешение в объятиях» (Кристина Крупачева) ценностный центр дома находится в углу столовой и связан с воспоминаниями о недавнем прошлом Чац-

кого: «Над софой, в углу комнаты, висело большое полотно, где были изображены двое задорно улыбающихся, чуть обнимающихся юношей и красивая, скромная на вид девушка...». В фанфике «Алексей Швабрин» (Оля Мачула), где героиня попадает в современную «усадьбу» Марии Троекуровой, для того, чтобы побеседовать, друзья переходят из линейного пространства «вечеринки» в интимное точечное пространство: «Две Маши нашли удобный уголок, где продолжили беседу. Она затянулась настолько, что и та, и другая потеряли счет времени».

Таким образом, в фанфикшн-кроссоверах стираются две ключевые черты традиционного в русской литературе «усадебного пространства»: во-первых, усадьба не связывается с «природным ландшафтом»; во-вторых, игнорируется «включение в себя равно миров дворянского и крестьянского» [Дмитриева, Купцова 2003: 16–17]: в фанфиках усадьба – только дворянский мир; в-третьих, нейтрализуется усадебная «поэтика воспоминания» [Щукин 1996: 580]. В то же время для фикрайтеров важно, что в богатом столичном доме, как и в усадьбе, реализуется «возможность духовного сближения героев или их антагонизм» [Доманский 2006: 58]. В фанфиках эта возможность реализуется в двух зонах – общественной и интимной.

В фанфиках, где в центре сюжета – истории одиноких героев, персонажей-вольнодумцев или студентов, фикрайтеры моделируют локус **квартиры** (квартиры-комнаты).

С одной стороны, в обстановке квартиры подчеркивается пустота или ветхость. В фанфике «Ушел под воду» (Зелёный Рюкзачок) интерьер «роскошной» квартиры Онегина беден, рассчитан на одного жильца (кровать, стол, часы, каминная полка, кресло). Повествователь фокусируется на частях дома, связанных с уличным пространством: например, значимым местом является порог (ср. образ «порога» у Достоевского [Бахтин 2002: 192]), где Онегин получает известие о смерти Чацкого. В антиутопичном пространстве Петербурга в фанфике «Последний, кто будет ждать тебя» (lovenassiz) шум, доносящийся до квартиры персонажа, обозначает отсутствие границы между домом и улицей: «Здесь все та же заунывная комната, <...> все те же мерзкие люди, чьи голоса разбиваются о стены». Такая проницаемость интимного пространства характерна для локуса «трущобы» в русской литературе XIX в. [Щукин 1996: 581]. В трущобной квартире герои классики могут жить по воле случая. Например, в фанфике «Студенты нашей литературы» (Конопляных дел мастер) комната Разумихина и Раскольникова в студенческом общежитии разделена на две части: «На одной части, то есть его [Разумихина. – А. Д., В. П.], все

было разложено по полочкам без единой пылинки <...>. Взглянув на другую половину, можно было подумать, что здесь пронесся ураган». Система персонажей в произведении, а также историко-культурная связь между текстами русской классики осмысливается фикрайтерами через пространственные характеристики: героев произведений связывает «соседство».

С другой стороны, в фанфиках интерьер трущобной квартиры может быть комфортным, уютным для персонажей. Герои отдыхают, ведут беседы, развлекаются, сидя на диване или в кресле: «Сейчас он [Швабрин] развалился на диване с вредной едой» («Алексей Швабрин» (Оля Мачула)). Хотя в описании комнаты или квартиры подчеркивается ее небольшой размер или многолюдность, пространство является открытым. Комната связывается с улицей с помощью окна: «За окном скакали лошади, а за ними кареты с дамами и господами, графами и графинями, со всеми благородными сословиями» («А в Петербурге небо разбилось» (Gosha tea)). Окно участвует в «сюжетной коллизии» [Лотман 1992: 398], когда герой переходит через пространственную границу: например, реальный физический переход за раму окна Онегина-самоубийцы в фанфиках «Неразделенная любовь» (Syper_Olao), «Ушел под воду»; взгляд в окно персонажей классики после оживленной беседы в фанфике «Хорошая книжонка выйдет... ничего не скажешь...» (Хулиган-Маяк); выход в окно Софии Молчалиной как проявление ее магических сил в фанфике «Лягушонок» (Чертополох_80) и т. д.

Квартира или комната появляются в полилокальных фанфиках наряду с **кафе, баром, кабаком, трактиром** (см. о «синонимичности» этих локусов в русской литературе [Ташлыков 2010: 39]). Если в локусе богатого дома совмещаются и противопоставляются общественная и интимная зоны, то интимное пространство квартиры и общественное пространство кабака выступают как отдельные локусы, не всегда противопоставленные друг другу.

В кабаке за столиком «происходят случайные встречи и возникают исповедальные беседы» [там же: 40]: «они так увлеклись разговором, что почти ничего не замечали вокруг», «заглянул в лицо сидящему за столиком человеку» («Вечер в ресторации» (NickSol)). Как и в литературных первоисточниках, в фанфиках кабак характеризуется как место, где персонажи оказываются «вне норм и порядка обычной жизни» [Бахтин 2002: 193]. Так, в фанфике «Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви?» (BIRDIE) ночной клуб, где встречаются Татьяна Ларина и Маргарита, приобретает черты inferнального пространства: «В зале было настолько людно, что воздуха буквально не хватало на

всех». В кабаке или на его пороге герои фанфикшн совершают шокирующие признания или ведут себя как «чудики»: «Никто не смотрел на двух танцующих парней [Кириллова и Верховенского] косо, потому что, зачем смотреть на чудиков, если и ты сам такой?» («Writembre» (Черный_Лис-Белый_Хвост)).

Хотя в фанфиках кафе, клуб, кабак не различаются («Небольшая таверна, кабак, бар... Какое слово вам больше нравится, так и называйте. Это не так важно» («Слава Литературному Року!» (Bourbon_Lady)), в кроссоверах по классике можно выделить несколько функциональных типов локуса кабака. К точечному домашнему пространству близки кофе, кофейни и бары: герои классики могут вести в этих локациях приватные беседы. К линейному карнавалному пространству ближе пространство клуба, где разные персонажи оказываются частью «карнавального коллектива» [Бахтин 2002: 193].

Еще одним общественным местом, где встречаются персонажи разных произведений классики, является **школа**. Обращаясь к локусу, связанному не с литературной традицией, а с миром читателя, фикрайтеры осмысливают связь «сакральных» текстов классики и «профанного» фанатского творчества.

В фанфиках о школе мнимый порядок, организующий учебное пространство и учебную деятельность (в том числе и чтение), нарушается. С одной стороны, в одном месте оказываются герои разных авторов и разных эпох. С другой стороны, нейтрализуется граница между местом для учителя и для школьников, пространство профанируется: «...Осип Манделштам, их учитель <...> сидел с уже уставшей от всего этого Соней Мармеладовой, помогал ей с вышивкой какого-то платочка, пока вокруг творился абсолютный хаос» («Хроника “10а”» (Rainy Corner)). В отличие от любительских текстов, где трансформируются традиционные локусы русской литературы, в фанфиках о школе мотивация героев не связана с изменением пространства. Например, в фанфике «Горе от школы и его производные» (Фенрир Лаватейн) Чичиков продает другим персонажам места в очереди на прививку. Место персонажа в школьном «упорядоченном» пространстве связано с устойчивыми чертами характера героя, обозначенными в тексте-первоисточнике: «На полу сидел юноша в потрепанной одежде (тот самый Акакий, которого так “любил” Григорий Печорин), он что-то опять писал» («Школа Классики» (Твой хрустальный мальчик)).

В фанфиках о школе пространство может не только профанироваться, но и сакрализовываться. Например, в фанфике «Подготовка к спектаклю, или сказ о том, как учеников посетили герои» (FairyXavier) персонажи классики появля-

ются перед школьниками-читателями из «потенциально мыслимого» потустороннего пространства. Как и в фанфиках о школе, в текстах, где описывается **потусторонний мир литературы**, авторы осмысливают границу между художественными мирами разных произведений и миром читателя. Используется форма сказа, где субъект речи – персонаж-читатель, играющий чужим словом или использующий речевую маску. Например, в фанфике «Мой ласковый ненавистник» (Joanne Cocteau) стилизация под чеховский аграмматизм и гоголевский тип метафоры используются вопреки тому, что речевой маской служит персонаж Тургенева Аркадий Кирсанов: «Растерявшись, куда ещё можно смотреть, чтобы разглядеть *шляпу* Раскольников, у *меня* сильно закружилась голова (курсив наш. – А. Д., В. П.)», «Тишина...ох, как невыносимо лежать, не шевелясь, зная, кто висит над твоей душой, *как над сосиской в тесте*». В фанфике «Двенадцатый стул Маргариты» (Shad Tkhom), где персонажами являются герои романа Булгакова, двойная пародия – на романы «Двенадцать стульев» и «Мастер и Маргарита» – выстраивается за счет сакрализации профанного пространства: «...в тёплом халате с малиновым подбоем шаркающей стариковской походкой под синий свет ночных ламп выходил в коридор высокий господин. Правая рука его была моляще протянута, был он сгорблен, а сивые усы висели сосульками».

Таким образом, в фанфиках, где появляется рассказчик-читатель или персонажи-читатели, горизонтальное разграничение пространства на зоны может отсутствовать; обязательным является «иерархическое» деление пространства на профанное и сакральное.

В разных фандомах на материале русской литературы используются две формы моделирования пространства в зависимости от носителя пространственного кругозора.

1. Если в фанфике доминирует кругозор **героя**, то основным способом построения пространства является его разделение на общественную и интимную зоны.

Формируя эти зоны, фикрайтеры обращаются к локусам, традиционным для русской классической литературы: богатый дом, городская квартира (комната), кабак. В текстах фанфикшн эти традиционные локусы трансформируются. Например, отсутствует деление парков на городские и усадебные, нейтрализуются различия между городской квартирой и помещьем. «Трущобное» пространство приобретает черты усадебного, стираются негативные коннотации «трущобы»: в фанфиках ветхая квартира оказывается приютом для героев классики. В то же время в пространстве усадьбы, как и в пространстве трущобы, ценностно-значимыми являются углы, тогда

как в больших и людных залах герои «теряются». Фикрайтеры связывают точечное пространство с уютом и защитой, интимным миром, а линейное и плоскостное – с опасностью и миром общественным.

В восприятии авторов-читателей произведения русской классики могут быть связаны общим типом «сюжетной» коллизии, когда герои стремятся «разрушить внутреннее, сломав границу» [Лотман 1992: 398]. В корпусе фанфиков одним из ключевых способов построения финала является переход от точечного пространства к линейному (например, взгляд в окно, выход на улицу и т. д.). Разные герои классики в фанфиках находят единомышленников и преодолевают одиночество, признаются в «запретной» любви своим возлюбленным, вместе совершают шокирующее открытие.

2. Если пространство описывается через кругозор **повествователя**, то на первый план выступает иерархическое деление пространства на «сакральное» и «профанное». Это деление соблюдается в фанфиках, где присутствуют локусы школы или потустороннего мира. Ключевой характеристикой пространства в таких текстах служит его зыбкость, граница между профанным и сакральным нарушается.

Хотя фандомы русской литературы развиваются по-разному и имеют разный состав, все они включают тексты, связанные с другими произведениями-первоисточниками единым пространством. В интерпретации фикрайтеров основной чертой пространственной мифопоэтики русской классики является оппозиция «общего» и «интимного». В фанфиках такая функциональная организация замещает исторически и культурно обусловленную структуру пространства первоисточников (например, отражение жизни многих поколений в устройстве усадьбы). В то же время сам текст классики воспринимается фикрайтерами через категории спациопоэтики как сакральное и незамкнутое пространство, связанное с профанным миром читателей. Синтез общего художественного пространства на основе разных классических произведений и восприятие самой классики как единого мифологического пространства позволяет говорить о том, что связь между разными фандомами русской литературы прослеживается на двух уровнях: 1) уровне трансформации художественного мира; 2) уровне читательской рецепции и оценки первоисточников. Разные фандомы на материале классических произведений представляют собой суперфандом или единый домен русской литературы.

Бинарная типология пространства отражает двойственность функционирования классической литературы в фанфикшн-сообществах. С одной стороны, классика сама по себе признается как

объект почитания. С другой стороны, на языке пространственных представлений классиков фикрайтеры говорят о мире собственных предпочтений (в том числе и «приятных» или «неприятных» классики) и о своей идентичности.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00127.

² Здесь и далее в скобках приводятся никнеймы фикрайтеров. Ссылки на фанфики см. в Списке источников.

Список источников

Галя_loginova «Эжен Онегин. Поединок на Петровской площади». URL: <https://ficbook.net/readfic/2601288> (дата обращения: 08.01.2020).

Зелёный Рюкзачок «Ушел под воду». URL: <https://ficbook.net/readfic/8674133> (дата обращения: 08.01.2020).

Иннокентий Дубровский «Любовь француза». URL: <https://ficbook.net/readfic/8008246> (дата обращения: 08.01.2020).

Конопляных дел мастер «Студенты нашей литературы». URL: <https://ficbook.net/readfic/8556532> (дата обращения: 08.01.2020).

Кристина Крупачева «Утешение в объятиях». URL: <https://ficbook.net/readfic/7616912> (дата обращения: 08.01.2020).

Ласковый безумец с пером «Развей мою скуку». URL: <https://ficbook.net/readfic/6571550> (дата обращения: 08.01.2020).

Оля Мачула «Алексей Швабрин». URL: <https://ficbook.net/readfic/8803413> (дата обращения: 08.01.2020).

Твой хрустальный мальчик «Школа Классики». URL: <https://ficbook.net/readfic/8536057> (дата обращения: 08.01.2020).

Фенрир Лаватейн «Горе от школы и его производные». URL: <https://ficbook.net/readfic/7411230> (дата обращения: 08.01.2020).

Хулиган-Маяк «Хорошая книжонка выйдет... ничего не скажешь...». URL: <https://ficbook.net/readfic/4282144> (дата обращения: 08.01.2020).

Чёрный Лис-Белый Хвост «Writembre». URL: <https://ficbook.net/readfic/8764615> (дата обращения: 08.01.2020).

Чертополох 80 «Лягушонок». URL: <https://ficbook.net/readfic/3039884> (дата обращения: 08.01.2020).

BIRDIE «Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви?». URL: <https://ficbook.net/readfic/1595243> (дата обращения: 08.01.2020).

Bourbon_Lady «Слава Литературному Року!». URL: <https://ficbook.net/readfic/2838101> (дата обращения: 08.01.2020).

CharlesRichard «Статья спасением». URL: <https://ficbook.net/readfic/8146605> (дата обращения: 08.01.2020).

FairyXavier «Подготовка к спектаклю, или сказ о том, как учеников посетили герои». URL: <https://ficbook.net/readfic/3750542> (дата обращения: 08.01.2020).

Gosha_tea «А в Петербурге небо разбилось». URL: <https://ficbook.net/readfic/8078965> (дата обращения: 08.01.2020).

Joanne Cocteau «Мой ласковый ненавистник». URL: <https://ficbook.net/readfic/8394033> (дата обращения: 08.01.2020).

lovenassiz «Последний, кто будет ждать тебя». URL: <https://ficbook.net/readfic/6375727> (дата обращения: 08.01.2020).

NickSol «Вечер в ресторации». URL: <https://ficbook.net/readfic/5284673> (дата обращения: 08.01.2020).

Rainy Corner «Хроника 10”а”». URL: <https://ficbook.net/readfic/8587969> (дата обращения: 08.01.2020).

Shad Tkhom «Двенадцатый стул Маргариты». URL: <https://ficbook.net/readfic/8394033> (дата обращения: 08.01.2020).

Super_OLao «Неразделенная любовь». URL: <https://ficbook.net/readfic/5374997> (дата обращения: 08.01.2020).

Список литературы

Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. / ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготшвили. М.: Русские словари; Языки слав. культуры, 2002. 801 с.

Воронина Т. М. Метафоры пространства и его освоения в дискурсе авторов фанфикшен-текстов // Уральский филологический вестник. 2012. № 2. С. 61–66.

Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2003. 528 с.

Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 56–60.

Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 352 с.

Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Избранные статьи в трех томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 386–406.

Райнхардт Р. О. Фанфик как феномен современной художественной литературы: кейс «Евгения Онегина» // Научный диалог. 2018. № 4. С. 161–168.

Ташлыков С. А. Куприн: пространство и герой в прозе 1900-х годов // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 44–51.

Тимошенко Е. К. Стратегии российского фанфикшена по роману Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 6. С. 89–94.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / под ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

Фарино Е. Введение в литературоведение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.

Цивьян Т. В. Семантический ореол локуса. Выбор места действия в художественном тексте // Язык: тема и вариации. Книга вторая. Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 2008. С. 249–262.

Черняк В. Д., Черняк М. А. Массовая литература в понятиях и терминах: учеб. словарь-справочник. 2-е изд. М.: Флинта, 2015. 192 с.

Четина Е. М., Ключикова Е. А. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 3(31). С. 95–104.

Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы // Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX век). М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 574–588.

Barnes J. L. Fanfiction as Imaginary Play: What Fan-Written Stories Can Tell Us about the Cognitive Science of Fiction // Poetics. 2015. Vol. 48. P. 69–82.

Fiske J. The Cultural Economy of Fandom // The Adoring Audience: Fan Culture and Popular Media / ed. by Lisa A. Lewis. London and New York: Routledge, 2001. P. 30–49

Jenkins H. Afterword: The Future of Fandom // Fandom: Identities and Communities in a Mediated World / ed. by J. Gray, C. Sandvoss and C. Lee Harrington. New York and London: New York Univ. Press, 2007. P. 357–364.

Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture. New York and London: Routledge, 1992. 346 p.

Jwa S. Modeling L2 Writer Voice: Discoursal Positioning in Fanfiction Writing // Computers and Composition. 2012. Vol. 29, № 4. P. 323–340.

Lee A. Time Travelling with Fanfic Writers: Understanding Fan Culture Through Repeated Online Interviews // Participations. 2011. Vol. 8, № 1. P. 246–269.

Pearson R. Fandom in the Digital Era // Popular Communication. 2010. Vol. 8, № 1. P. 84–95.

Proctor W., McCulloch R. Exploring Imaginary Worlds: Audiences, fan cultures, and geographies of the imagination // Participations. 2016. Vol. 13, № 1. P. 479–487.

Rehak B. From Model Building to 3D Printing: Star Trek and Build Code Across the Analog / Digital Divide // *The Routledge Companion to Media Fandom* / ed. by M. A. Click and S. Scott. New York and London: Routledge, 2018. P. 114–122.

Stein L., Busse K. Limit Play: Fan Authorship between Source Text, Intertext, and Context // *Popular Communication*. 2009. № 7. P. 192–207.

Tulloch J. Fans of Chekhov: Re-Approachng «High Culture» // *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World* / ed. by J. Gray, C. Sandvoss and C. Lee Harrington. New York and London: New York Univ. Press, 2007. P. 110–122.

References

Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Ed. by S. G. Bocharov, L. A. Gogotishvili. Moscow, Russkie slovari Publ., LRC Publishing House, 2002, vol. 6. 'Problemy poetiki Dostoevskogo', 1963. Raboty 1960-kh – 1970-kh gg. ['Problems of Dostoevsky's Poetics', 1963. Works of the 1960s – 1970s]. 801 p. (In Russ.)

Voronina T. M. Metaforoy prostranstva i ego osvoeniya v diskurse avtorov fanfikshen-tekstov [Metaphors of space and its development in a discourse of authors of fanfiction texts]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik* [Ural Journal of Philology], 2012, issue 2, pp. 61–66. (In Russ.)

Dmitrieva E. E., Kuptsova O.N. *Zhizn' usadbenogo mifa: utrachennyy i obretennyy ray* [Life of the manor myth: Lost and found paradise]. Moscow, OGI Publ., 2003. 528 p. (In Russ.)

Domanskiy V. A. Russkaya usad'ba v khudozhestvennoy literature 19 veka: kul'turologicheskie aspekty izucheniya poetiki [The Russian manor in the literature of the 19th century: Cultural aspects of the poetics study]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2006, issue 291, pp. 56–60. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': Kn. dlya uchitelya* [At the school of poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol. Teacher's book]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988. 352 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. O metazyazyke tipologicheskikh opisaniy kul'tury [On the meta-language of typological descriptions of culture]. *Izbravnyye stat'i v 3 t.* [Selected articles in three volumes]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on semiotics and typology of culture], pp. 386–406. (In Russ.)

Raynkhardt R. O. Fanfik kak fenomen sovremennoy khudozhestvennoy literatury: keys 'Evgeniya Onegina' [Fan fiction as phenomenon of modern literature: Case of 'Eugene Onegin']. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2018, issue 4, pp. 161–168. (In Russ.)

Tashlykov S. A. Kuprin: prostranstvo i geroy v proze 1900-kh godov [Kuprin: Space and character in the prose of the 1900s]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2011, issue 2, pp. 44–51. (In Russ.)

Timoshenko E. K. Strategii rossiyskogo fanfikshena po romanu L. N. Tolstogo 'Voyna i mir' [The Russian fan fiction strategies in texts based on the 'War and Peace' by Leo Tolstoy]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [The Bulletin of Udmurt University], 2015, issue 6, pp. 89–94. (In Russ.)

Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and structure]. Ed. by T. V. Tsiv'yan. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 227–284. (In Russ.)

Faryno Jerzy. *Vvedenie v literaturovedenie: uchebnoe posobie* [An Introduction to Literary Studies: a Study Guide]. St. Petersburg, Publishing House of Herzen State Pedagogical University of Russia, 2004. 639 p. (In Russ.)

Tsiv'yan T. V. Semanticheskiy oreol lokusa. Vybor mesta deystviya v khudozhestvennom tekste [The Semantic halo of the locus. Choosing the setting in a literary text]. *Yazyk: tema i variatsii. Kniga vtoraya. Antichnost'. Yazyk. Znak. Mif i fol'klor. Poetika* [Language: Theme and variations. The second book. Antiquity. Language. Sign. Myth and folklore. Poetics]. Ed. by V. N. Toporov. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 249–262. (In Russ.)

Chernyak V. D., Chernyak M. A. *Massovaya literatura v ponyatiyakh i terminakh: Uchebnyy slovar'-spravochnik* [Mass literature in concepts and terms: Educational Dictionary-Reference Book]. 2nd edition. Moscow, Flinta Publ., 2015. 192 p. (In Russ.)

Chetina E. M., Klyuykova E. A. Fandomy i fanfiki: kreativnye praktiki na virtual'nykh platformakh [Fandoms and fanfics: Creative practices on virtual platforms]. *Vestnik permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 3(31), pp. 95–104. (In Russ.)

Shchukin V.G. Poeziya usad'by i proza trushchoby [Poetry of manor and prose of slum]. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the history of Russian culture]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, vol. 5 (the 19th century), pp. 574–588. (In Russ.)

Barnes J. L. Fanfiction as imaginary play: What fan-written stories can tell us about the cognitive science of fiction. *Poetics*, 2015, vol. 48, pp. 69–82. (In Eng.)

Fiske J. The cultural economy of fandom. *The Adoring Audience: Fan Culture and Popular Media*. Ed. by Lisa A. Lewis. London and New York, Routledge, 2001, pp. 30–49. (In Eng.)

Jenkins H. Afterword: The future of fandom. *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World*. Ed. by J. Gray, C. Sandvoss and C. Lee Har-

rington. New York and London, New York Univ. Press, 2007, pp. 357–364. (In Eng.)

Jenkins H. *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. New York and London, Routledge, 1992. 346 p. (In Eng.)

Jwa S. Modeling L2 writer voice: Discoursal positioning in fanfiction writing. *Computers and Composition*, 2012, vol. 29, issue 4, pp. 323–340. (In Eng.)

Lee A. Time travelling with fanfic writers: Understanding fan culture through repeated online interviews. *Participations*, 2011, vol. 8, issue 1, pp. 246–269. (In Eng.)

Pearson R. Fandom in the digital era. *Popular Communication*, 2010, vol. 8, issue 1, pp. 84–95. (In Eng.)

Proctor W. McCulloch R. Exploring imaginary worlds: Audiences, fan cultures, and geographies of

the imagination. *Participations*, 2016, vol. 13, issue 1, pp. 479–487. (In Eng.)

Rehak B. From model building to 3D printing: Star trek and build code across the analog / digital divide. *The Routledge Companion to Media Fandom*. Ed. by M. A. Click and S. Scott. New York and London, Routledge, 2018, pp. 114–122. (In Eng.)

Stein L., Busse K. Limit play: Fan authorship between source text, intertext, and context. *Popular Communication*, 2009, issue 7, pp. 192–207. (In Eng.)

Tulloch J. Fans of Chekhov: Re-Approachng 'High culture'. *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World*. Ed. by J. Gray, C. Sandvoss and C. Lee Harrington. New York and London, New York Univ. Press, 2007, pp. 110–122. (In Eng.)

RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN READERS' ONLINE COMMUNITIES

Anastasiya O. Drozdova

**Postgraduate Student in the Department of Russian and Foreign Literature
University of Tyumen**

23, Lenina st., Tyumen, 625003, Russian Federation. an.o.droz@gmail.com

SPIN-code: 3926-1781

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5728-142X>

ResearcherID: D-3770-2019

Vladimir V. Petrov

**Postgraduate Student in the Department of Russian and Foreign Literature
University of Tyumen**

23, Lenina st., Tyumen, 625003, Russian Federation. petrov.v.1337@gmail.com

SPIN-code: 5913-2877

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3330-3713>

ResearcherID: AAB-7470-2020

Submitted 20.01.2020

On the Internet, readers of Russian literature create online communities (fandoms), in which users experiment with classical literature and construct their own versions of source texts. Although each separate fandom is dedicated to a particular classical work, authors (ficwriters) compare different classical texts and construct a common artistic space based on those. The article deals with the content and boundaries of the online corpus of amateur works based on Russian classical literature. The research subject is fanfics in which artistic worlds of several classical works are combined (crossovers). There are distinguished two forms of modeling a common artistic space in fandoms dedicated to Russian classical literature: 1) through the character's outlook and transformation of the traditional loci; 2) through the narrator's outlook and creation of an unstable space. The first form involves separating space into 'public' and 'intimate'; the second form is based on the division of space into 'sacred' and 'ordinary'. To describe the connection of fanfics based on classical literature but published in different fandoms, we use the concept 'superfandom', which is a corpus of fanfics based on different classical works where texts are united by the types of transformation of original sources and by common strategies of readers' reception. This binary typology of space reflects the features of perception of Russian classical literature in communities originally created by popular literature fans. On the one hand, ficwriters regard classical literature as an object of honoring; on the other hand, they use the poetics of space from different classical sources to show their own artistic preferences, including acceptance or rejection of Russian classical literature.

Key words: artistic space; Russian classical literature; fanfiction; fandom; interpretation.

УДК 82(091)
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-100-109

АВТОГЕОГРАФИЯ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА: ТРИ ТРАВЕЛОГА О ЧЕТЫРЕХ МИРАХ¹

Дарья Дмитриевна Кузина
аспирант, научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а. ketrivenia@gmail.com

SPIN-код: 6791-2011

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3645-5544>

ResearcherID: AAF-5353-2019

Статья поступила в редакцию 02.12.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузина Д. Д. Автогеография Теодора Драйзера: три травелога о четырех мирах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 100–109. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-100-109

Please cite this article in English as:

Kuzina D. D. Avtogeografiya Teodora Drayzera: tri traveloga o chetyrekh mirakh [Theodore Dreiser's Autogeography: Three Travelogues about Four Worlds]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 100–109. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-100-109 (In Russ.)

Проведен сопоставительный анализ трех книг Теодора Драйзера о путешествиях: «Путешественник в сорок лет» (*A traveler at forty*, 1913), «Каникулы индианца» (*A Hoosier holiday*, 1916) и «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser looks at Russia*, 1928). Последняя соотнесена также с изданием «Русского дневника Теодора Драйзера» (“Theodore Dreiser’s Russian diary”), осуществленным издательством Пенсильванского университета в 1996 г. История написания и издания в России книги Драйзера об СССР достаточно подробно изучена и прокомментирована современными исследователями, но попытка литературоведческого сопоставления трех книг предпринимается впервые. Представлен не только сравнительный, но и текстологический анализ травелогов, обнаружены закономерности, связывающие книги как хронологически, так и стилистически и превращающие их в своего рода автобиографическую трилогию. Исследование трех миров (европейского, американского и советского) для Драйзера оказывается неотделимо от изучения мира четвертого – мира собственного сознания. В центре исследования оказывается проблема самоидентификации Теодора Драйзера как писателя и как представителя американского общества, на становление которой влияют путевые впечатления. На основании проведенного исследования высказаны теоретические соображения, касающиеся взаимодействия понятий стереотипа и действительности в пространстве художественного текста, а также соотношения документального и художественного начал в травелоге. В статье в переводе на русский представлены отрывки из первых двух травелогов Драйзера, никогда не переводившихся и не издававшихся в России.

Ключевые слова: Теодор Драйзер; литература путешествий; литература XX века; американская литература, СССР.

Будучи уже признанным писателем, Драйзер создал три большие книги о своих путешествиях. Это – «Путешественник в сорок лет» (*A traveler at forty*, 1913), «Каникулы индианца» (*A Hoosier holiday*, 1916) и «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser looks at Russia*, 1928). Они посвящены, соответственно, трем путешествиям – в Европу, по родному штату и в СССР. Таковы три «мира»,

в которых довелось побывать Теодору Драйзеру: европейский, американский и советский. Но исчерпывается ли этими «мирами» исследование, которому Драйзер посвятил себя как писатель, путешественник и публицист?

Нам представляется, что каждая из этих книг может быть рассмотрена не только как собственно травелог, но и как составная часть автобио-

графической хроники – жанра, которому Драйзер отводил немалое место в своем творчестве. Помимо травелога, писатель выпустил также автобиографию «Книга о самом себе» (*A Book about Myself*, 1922; русский перевод был опубликован в журнале «Интернациональная литература» в 1935 г.) и автобиографический любовный роман “*This Madness*” («Это безумие», 1929; на русский язык не переводился). Путешествия оказывались для Драйзера не только источником впечатлений и знаний о внешнем мире, но и побудительным «толчком» для конструирования личностной идентичности, тесно связанной с его мироощущением как писателя и американца; следовательно, изучение трех реально существующих миров становится в данном случае поводом обратиться к миру четвертому и важнейшему – собственному сознанию.

Каждое из путешествий Драйзера в литературной обработке самого писателя становится этапом его духовной жизни, потому-то столь важным в травелогах является образ самого автора.

Говоря о путешествиях американских писателей драйзеровской эпохи, можно выделить три основных направления (и, соответственно, три основных типа философской и психологической мотивации) путешествия как такового (об этом см. подробнее: [Зверев 2000]). Отправляясь в Европу по маршрутам неизменного «гранд-тура» – в Италию, Францию, Германию и т. д., – американец едет на родину своих предков, с которой Америку связывают амбивалентные отношения, происходящие из поиска американской «самости». Для него чрезвычайно важно разделить «европейское» и «американское». Путешествуя же по США, американец проверяет американскую идею действительностью, и это дает ему повод задуматься как о своей родине, так и о собственном характере и собственной судьбе. Что касается поездок в страны «экзотические», то значение у них всегда разное. В статье Л. Федоровой о путешествиях граждан СССР в Америку в первой трети XX в. говорится, что для русских такие визиты были своеобразным изучением собственного отражения в зеркале – советские писатели видели в Америке торжество технического прогресса, к которому стремились в СССР, и были удивлены – почему в буржуазной Америке, а не в Советском государстве, нашли они воплощение своего идеала [Федорова 2017: 307–325]. Мы полагаем, что это был не просто феномен восприятия советскими людьми США, а некоторый этап *взаимоотношений*, безусловно, обоюдный. Два государства, в основе которых лежала идея процветающего общества, «смотрелись» друг в друга и видели два неполноценных воплощения одной и той же мечты: американцы

наблюдали в Советском Союзе становление процветания духовного, а русские в Америке – процветания материального.

Путевые книги Драйзера – писателя, чрезвычайно много размышлявшего о специфике исторической роли США и об их судьбе, – дают богатый материал для анализа путей и способов конструирования личной и социокультурной идентичности. Примечательно, что и порядок его поездок соответствовал логике движения «от старого к новому» – сначала он повидал Старый Свет, потом «постаревший» Новый (так иронизировал над Америкой XX в. Лев Троцкий [Троцкий 2001: 318]) – и, наконец, подлинный «Новый Свет» XX в. – СССР. Несомненно, все три книги Драйзера в высшей степени характерны для литературы путешествий США того периода, и вышеперечисленные особенности восприятия американскими путешественниками других стран нашли в них свое отражение.

Обращение к документальному жанру травелога было для Драйзера биографически значимо еще и в силу изначального тяготения Драйзера к документалистике и жанрам художественно-документальным. Известно, что Драйзер начинал публиковаться как репортер и в этом качестве добился известности и успеха, а самое главное – получил возможность изучить самые разные стороны жизни американского общества. Потом художественное творчество на некоторое время оттеснило документальные жанры на второй план, и книга о путешествии в Европу в 1911–1912 гг. стала первым крупным документальным произведением Драйзера за более чем 10 лет. Она открывается таким пассажем: «Мне только-только стукнуло сорок. В жизни мне довелось кое-что повидать. Я был репортером, был редактором, подвизался в журналах, сочинительствовал, а еще раньше выступал в роли всевозможных клерков с туманными обязанностями – все это понадобилось, чтобы в конце концов я понял, чем мог бы заняться на самом деле. Одиннадцать лет назад я написал свой первый роман» [Dreiser 2005: 5].

Из этого отрывка видно, что Драйзер воспринимает свой возраст как некоторый жизненный рубеж и путешествие в Европу, конечно, становится здесь дополнительной вехой – сорокалетний Драйзер вступает в новый период своей жизни. Показательно, что в связи с этим он возвращается к документалистике и как бы обретает заново свой собственный голос. Создание травелога о Европе – в первую очередь попытка с позиций обретенного жизненного и писательского опыта разобраться в себе и судьбе своей страны.

Логичным продолжением такого путешествия становится поездка в родную Индиану, повест-

вание о которой наполнено воспоминаниями о детстве и юности. Не менее личным, как мы покажем ниже, было отношение Драйзера к путешествию в Советский Союз.

**«Путешественник в сорок лет»:
роман самовоспитания**

В сознании чужеземцев любая страна бытует как некий образ, набор стереотипов. Путешествие означает взаимодействие не только с самой страной, какая она есть на самом деле, но и с условной реальностью собственных ожиданий, сформированных этими стереотипами. Для Драйзера как для писателя, всегда живо интересовавшегося обществом и социальными процессами, разделение стереотипа и сложной, многомерной реальности, за которым следует создание уже собственной версии этой реальности, воплощенной в травелоге, определяют содержание и смысл этого жанра.

Одним из следствий подобного сложного соотношения документального и фикционального в травелоге является то, что рассказывающий о путешествии превращается в его героя. Такое необычное распределение ролей представляется одной из специфических черт травелога. Пятая глава монографии Перси Адамса «Литература путешествий и эволюция романа», озаглавленная «Герой и его путешествие» и посвященная именно этой особенности жанра, открывается эпиграфом из Эдварда Айва: «Тому, кто взялся описывать собственное путешествие, волей-неволей придется превратить самое себя в героя собственного повествования» [Adams 1983: 143]. Таким героем, наполовину автобиографическим, наполовину литературным, становится в собственных травелогах и Драйзер.

Например, во время путешествия по Европе Драйзер вполне отчетливо осознает, что не только его собственной судьбой – самой литературной традицией «гранд-тура» обусловлено ощущение «жизненного рубежа» и «поиска себя». Он посмеивается над своим возрастом, нетипичным для героя романа воспитания, но и подчеркивает, что в сорок лет восприятие может быть ничуть не менее и даже более острым, чем в двадцать: «Иногда жизнь бывает удивительно щедр. Она входит к тебе и кричит: «Эй! Я хочу, чтобы ты кое-что сделал», а потом принимается разбираться с твоими проблемами и в конце концов решает их за тебя. Я так забавно себя чувствовал в то время – будто бы я стою на пороге великих перемен. Когда тебе исполняется сорок и ты вот-вот отправишься в первое в жизни трансатлантическое путешествие – это не шутки; это может стать даже более знаменательным событием, чем если бы тебе было двадцать» [Dreiser 2005: 5].

Драйзер отправляется в европейское путешествие в ноябре 1911 г. и возвращается в апреле 1912-го. Такую поездку ему посоветовал английский друг и издатель Грант Ричардс, которому посвящена книга и который фигурирует на ее страницах под именем Barfleur, – Ричардс как раз собирався в Англию и предложил Драйзеру составить ему компанию. Драйзер в это время занимался исследованием жизни Чарльза Йеркса – американского финансиста, ставшего прототипом главного героя «Трилогии желания». В последние годы своей жизни Йеркс принимал участие в развитии системы подземных железных дорог в Лондоне, и Драйзер надеялся именно там побольше узнать об этом периоде его биографии. Ричардс помог Драйзеру заключить с издательством “Harper and Brothers”, в 1911 г. опубликовавшим в Лондоне и Нью-Йорке роман «Дженни Герхардт», договор на аванс за следующий роман «Финансист», а с издательским домом “The Century Company” – на публикацию нескольких очерков о европейской поездке. За пять месяцев Драйзер побывал в Англии, Франции, Италии, Швейцарии, Германии, Голландии и Бельгии, и уже в январе 1912 г. у него была готова подборка очерков о путешествии. Отдельной книгой они выходят через два года после начала самого путешествия: в ноябре 1913-го. Такой длительный перерыв может быть объяснен тем, что Драйзер был поглощен окончанием романа «Финансист» и его публикацией, а также работой над следующей частью «Трилогии желания», которую начал сразу после выхода первой [A Theodore Dreiser Encyclopedia 2003: 377].

Помимо интересов культурологических и писательских, Драйзером в этой поездке движет стремление предельно личное: отыскать в Германии город Майен, откуда был родом его отец. В Майене Драйзер находит «не тронутую прогрессом» «патриархальную» Германию и, сознавая типичность этого городка, все же позволяет себе увидеть в каждой его детали особое, символическое очарование. Для него это город прошлого – и поэтому он не раз с облегчением упоминает о том, что его не коснулась современность. Центральным эпизодом посещения Майена становится прогулка по кладбищу (вполне в рамках литературной традиции предромантизма), завершающаяся рассуждением о жизни и смерти.

При этом взаимосвязи между Америкой и Германией интересуют Драйзера и в общем – хотя, как он признавался в интервью М. Мозес [Theodore Dreiser: Interviews 2004: 24–29], ему трудно делать какие-либо выводы о стране, которая для него в первую очередь является родиной его предков. Сопоставление американского и немецкого в самом дневнике имеет характер не

только автобиографический, но и обобщенный: «Сегодня говорят, что американцы походят куда более на немцев, нежели на англичан, но из того, какие типы доводилось мне видеть в Англии, я заключил, что многообразием своих характеров американцы обязаны именно этой земле», «У нас нет даже близко ничего общего с немцами, от которых, казалось бы, нам следовало бы почерпнуть все главные черты нашей национальной идентичности» [Theodore Dreiser: Interviews 2004: 24–29].

Рассуждения о национальной идентичности американцев в европейском травелоге занимают центральное место: роль, которую берет на себя Драйзер – не просто типичный американец, но и носитель и выразитель самого американского духа; человек, который едет в Старый Свет, горячо любя США, – в отличие, например, от Генри Миллера или представителей «потерянного поколения», многие из которых десятилетием позже покидали «бездушную» «материалистическую» Америку с облегчением.

Именно здесь наметился образ Драйзера как «литературного пророка Америки», который потом начал укрепляться и за счет того, как этого писателя воспринимали другие. Уже в середине 10-х гг. некоторые журналисты, бравшие у Драйзера интервью (например, Монтроуз Мозес в интервью для “New York Times Review of Books” от 23 июня 1912 г. [ibid.] или репортер газеты “Philadelphia Public Ledger”, опубликовавший интервью с Драйзером в выпуске от 26 апреля 1914 г. [ibid.: 45–46]), и критики, писавшие о нем (например, Шервуд Андерсон в “The Little Review”: «Драйзер стар – он очень, очень стар. Понятия не имею, сколько он уже прожил – тридцать лет, пятьдесят лет – но он ужасно стар. <...> Тяжел, тяжел шаг Теодора. Чего проще: разворошить его книжки, растащить на кусочки – и позубоскалить над ним. Там, там, там! – вот он идет, Драйзер, грузный и древний!» [The Little Review 1916: 7]), – все они стремились создать у читателя впечатление, что речь идет о человеке необыкновенном; человеке, которого всегда распознаешь в толпе. Позже, описывая путешествие Драйзера по СССР, Рут Кеннелл прямо называет его «пророком» [Панов, Панова 2015]. Забегая вперед, отметим: то, как вдумчиво и старательно изучал Драйзер советскую действительность, явилось следствием не только его любознательности, но и уверенности в своей особой миссии. «Ни в какой санаторий я не поеду, а поеду в Россию. Может, здоровье мое и плохое, но, знаете, я смерти не боюсь» [Драйзер 2018: 17], – патетически отвечает он на увещевания врачей, запрещающих ему ехать в Россию зимой.

В 1912 г. Драйзеру еще только предстоит написать «Американскую трагедию», просла-

вившую его на весь мир, и он много размышляет о том, в чем состоит уникальность его писательского голоса, какую тематику он призван осветить в литературе. В Европе он находит те же социальные проблемы, с которыми сталкивался в Америке и которые считал своим долгом выводить в собственных сочинениях. Он вспоминает любимых европейских писателей – Джордж Элиот, Теккерей, Флобера, – пытаясь определить, продолжателем чьей линии в литературе его можно было бы считать, и в связи с этим упоминает о Диккенсе и о Гете [Dreiser 2005: 42]. Серьезность, с которой он относится к своей роли обличителя социальной несправедливости, Рут Кеннелл, с которой он познакомился спустя 15 лет, подвергла едкому сомнению: «Его философия – это философия интеллектуального аристократа. Воображая себя сверхчеловеком, он с безопасной высоты спокойно взирает на жалкую жизнь масс. Приходится констатировать, что хотя Драйзер вышел из глубин беднейшего населения и карабкался кверху весьма медленно, он смотрел на трагедии оставленных внизу все более и более спокойным оком, испытывая, быть может, чисто отвлеченную жалость к их несчастному положению» [Панов, Панова 2015].

И действительно: больше всего, как следует и из книги и из интервью, Драйзеру понравился в Европе дух того самого «неисправимого индивидуализма», своей склонности к которому писатель потом и не пытался скрывать. Это внутреннее противоречие, как видно, было одним из важнейшим свойств его представления о самом себе.

Фрагменты, в которых Драйзер рассуждает об Америке или о себе, очень красноречивы и эмоциональны. В остальном же Драйзер – автор европейского травелога – пишет витиевато и тяжеловесно, полагает обязательным делать подробные зарисовки об общепринятых «туристических объектах». Европа вызывает у Драйзера интерес скорее интеллектуальный; путешествуя по городам Англии, Франции, Италии, он будто бы перебирает и отстраненно разглядывает открытки. Строгая последовательность повествования усиливает это чувство: перед нами еще не тот Драйзер, которого Рут Кеннелл упрекала за «бессвязность» его книг о путешествиях [там же]. При этом Г. Л. Менкен отзывался о европейском травелоге так: «Книга не имеет ничего общего с тем, к чему мы привыкли; она полна литературной новизны, проливает свет на многие неясности, – словом, ее даже можно было бы счесть еретической. Она совсем не похожа на обычные путевые заметки: это не столько описание мест и людей, сколько рассказ о том, какое влияние встреча с ними оказывает на человека необыкновенного, отчасти даже чудаковатого. Тот, кому романы

Драйзера понравились, прочтет ее с удовольствием. Эта книга, в каком-то смысле, – вольный комментарий к его романам, эдакий «эпилог в миру». Она помогает составить представление о философии Драйзера, о его взглядах на жизнь» [Dreiser 2017: 10279].

В этой оценке самым важным нам представляется указание на глубинное родство художественных произведений автора и его травелога. Менкен также подчеркивает, что главным в «Путешественник в сорок лет» является не описание увиденного, а рассказ о собственных реакциях на это. В «Каникулах индианца» Драйзер продолжает развивать эту линию, что фактически превращает эту книгу в очередной автобиографический роман.

«Каникулы индианца»: пейзаж как автопортрет

В августе 1915 г. друг Драйзера, художник Франклин Бут, предлагает ему отправиться в автомобильную поездку по Индиане и окрестным штатам и Драйзер решает посетить города своей юности: Терре Хот, Винсеннес, Салливан, Варшаву, Блумингтон – и написать об этом книгу. Как он сам признается на первых же страницах своего травелога, идея такой поездки и такой книги давно не давала ему покоя [Dreiser 1997: 21]. Дуглас Бринкли, автор вступления к изданию «Каникул индианца» 1998 г., полагает, что этой книгой, сам того не подозревая, Драйзер повлиял на формирование и появление такого чисто американского жанра, как *highway literature*, или *road book*, ставшего потом очень распространенным не столько даже в литературе, сколько в кино (роуд-муви) [Brinkley 1997: 3].

Если в европейском травелоге Драйзер отправляется на поиски исторической родины в Германию – и этому уделена лишь малая часть текста, – то в «Каникулах индианца» тема исследования истоков собственной личности является основной. Возвращение в городок детства (в первой книге – отцовского, во второй – своего собственного) является одним из кульминационных эпизодов обеих книг. Посещение мест, практически не изменившихся за тридцать лет, заставляет Драйзера дать оценку тому, как он сам прожил эти годы, и постоянные переключения между реальным временем путешествия и временем воспоминаний приводят к тому, что травелог утрачивает линейность и превращается в поток ассоциаций и даже фантазий. Такая «импрессионистичность» сообщает повествованию особый лирический, душевный тон и приближает его, при всей остроте затронутых в нем социальных вопросов, к литературной традиции «сентиментального путешествия».

Важно понимать, что поездка в Индиану и написание травелога пришлись на самый разгар литературной борьбы, разразившейся вокруг романа «Гений», также наполовину автобиографического. Важной его темой является становление художника. Опять-таки перед нами роман воспитания XX в. – «Американская трагедия», кстати говоря, тоже окажется чрезвычайно близка к этому жанру. Превратности успеха – одна из постоянных драйзеровских тем, что безусловно связано с его биографией. Неудивительно, что, путешествуя по местам своего детства, он так много размышляет о том, что определило специфику его судьбы [Dreiser 1997: 230–231]. Написав уже множество художественных произведений на эту тему, он может оценить как литературного героя и самого себя.

При этом такое путешествие, само по себе, – это и продолжение «поиска Америки». Во время европейского путешествия, осознав себя как подлинного американца и писателя, которому надлежит выразить в своих произведениях американский дух, Драйзер продолжает рассуждать об американском национальном характере и уже со знанием дела противопоставляет друг другу две стороны света. Энергичность, прямоту, зачастую примитивность американца Драйзер напрямую ассоциирует с некоторой стихийной силой, бескомпромиссной логикой роста, свойственной самой природе. Главная особенность американского характера – то, что он пребывает в состоянии формирования и потому не считается ни с какими правилами, его не трогают ничтожные условности, которыми так увлечено европейское общество. Эта созидательная энергия, которую не способны задуть ни социальная несправедливость, ни бедность, ни невежество (наличие которых в несовершенном американском обществе Драйзер не только не отрицает, но постоянно подчеркивает), это умение и желание вступать в борьбу пленяют его, и именно их он делает ведущими характеристиками большинства своих персонажей. Он признает, что основные американские ценности, главным образом идея свободы личности и права каждого на жизненные блага и успех, – порождение европейского развития мысли, но полагает, что практическим продолжением этих идей является именно американская модель человеческой судьбы.

Воскликая: «Мои дорогие, неотесанные, упертые мечтатели-американцы! Как я люблю их! И необъятные просторы от Атлантики до Тихого океана, собирающие их в тесный круг, и все их надежды! Как они поднимаются по утрам, как спешат, как бегут за солнцем!» [ibid.], Драйзер входит в поэтический раж, и его книга оказывается созвучна грезам героя романа «Спрут», меч-

тавшего сочинить эпическую поэму о Западе. Сравнивая Америку с «тощим юношей», которому еще предстоит многого добиться [Dreiser 1997: 61], или пылко рассуждая о том, что американцы – народ, не знавший рабства [ibid.: 17], Драйзер использует известные еще со времен Мелвилла и Уитмена литературные клише, которые он иллюстрирует очерками вполне конкретных городов и местностей вполне конкретной исторической эпохи. Таким образом, он «достраивает» уже существующий литературный образ своей родины, а не создает его заново.

«Будущее Америки», о котором рассуждает Драйзер, вот-вот наступит: Первая мировая война меняет соотношение политических сил в мире и Америка действительно начинает постепенно занимать главенствующее положение в экономике и политике. Драйзеру удается запечатлеть Америку буквально в последние годы ее старой жизни.

«Драйзер смотрит на Россию» и «Русский дневник»: соло на три голоса

Дневник пребывания в СССР, написанный более 10 лет спустя, отличается от первых двух травелогов куда более необычной историей создания. В октябре 1927 г. Драйзер получает приглашение посетить Москву в дни празднования 10-летия Великой Октябрьской революции. Драйзер, вопреки тому, что именно в это время ухудшается состояние его здоровья (он страдал бронхитом), принимает приглашение, но не довольствуется официальными мероприятиями и визитами, а настаивает на том, чтобы побывать помимо Москвы и Ленинграда в других городах, в разных частях России и познакомиться с жизнью советского общества поближе (подробнее об этом периоде его жизни можно прочесть у У. Свонберга, биографа Драйзера [Swanberg: 1965]). В итоге Драйзер провел в СССР около двух с половиной месяцев (ноябрь–февраль 1927–1928 гг.) и посетил столицы, Нижний Новгород, города центральной и южной Украины, Кавказ. Особым пунктом путешествия была поездка в Ясную Поляну, которая состоялась 27 ноября и произвела на писателя большое впечатление (Драйзер в один год со своей книгой о России опубликовал статью к 100-летию Толстого). При этом Драйзер побывал в России на исходе 20-х гг., накануне «года великого перелома» (1929), после которого резко переменялась как экономическая, так и идеологическая политика СССР. Таким образом, писателю опять-таки удалось уловить в своем травелогe эпоху, которая буквально через пару лет отошла в прошлое.

В путешествии по СССР Драйзера сопровождала его соотечественница, с начала 1920-х

жившая в России, известная журналистка и активистка, впоследствии детская писательница, Рут Кеннелл, которая помогала Драйзеру делать записи о поездке, фактически вела дневник за него. Кеннелл почти сразу стала его любовницей. Совмещать романтические отношения с деловыми было весьма характерно для Драйзера [Pizer 2017: 67]. Каждый день Драйзер просматривал написанное ею, редактировал, дополнял вставками из собственных записных книжек. При этом Кеннелл вела еще и особый, секретный дневник, который впоследствии помог ей написать книгу «Теодор Драйзер и Советский Союз» (1969).

Дневник, который Рут Кеннелл печатала для Драйзера на машинке, вместе с его собственными к нему дополнениями, был выпущен издательством Пенсильванского университета (1996). В этом издании текст Драйзера передан курсивом, а текст Кеннелл – прямым шрифтом, что дает возможность изучить, как их метод работы функционировал на практике. Несмотря на то что Кеннелл вела записи от лица Драйзера, увидеть, насколько по-разному они описывали, а зачастую и оценивали одни и те же события, не составляет труда.

Например, о посещении московских церквей и виде, открывающемся с Большого Каменного моста на Кремль, Кеннелл оставляет довольно краткую заметку: «На мосту через Москву-реку мы остановились, чтобы полюбоваться прекрасным видом на Кремль. Перейдя мост, мы <...> подошли к величественному собору с пятью огромными золотыми куполами – храму Христа Спасителя. <...> Этот великолепный собор был построен всего около 25 лет назад и сегодня является самой богатой из московских церквей» [Драйзер 2018: 52]. Культурологический акцент здесь понятен: задача Кеннелл – сохранить в первую очередь как можно больше фактов и деталей, которые сам Драйзер просто не успевал бы фиксировать. Самого же писателя этот эпизод побуждает отдаться потоку уже накопившихся московских впечатлений, и в одном абзаце умещаются у него и опера «Борис Годунов» (которую они с Кеннелл называют «оперой о царе Теодоре»), и исторические сведения об Иване Грозном, и впечатления от русского духовенства, и восхищение колокольнями и куполами, количество которых в Москве потрясло писателя... На подобные пассажи его вдохновляют не только красивые виды, но и сущие мелочи, например наблюдения за галками [Драйзер 1988: 259].

Тон вставок Кеннелл в значительной степени обусловлен ее личным отношением к советскому эксперименту, за успех которого она болела всей душой и которому посвятила значительную

часть своей жизни (подробнее о жизни Кеннелл в Советском Союзе можно прочесть в книге Джулии Микенберг «Американки в красной России» [Mickenberg 2017]). Драйзер же изначально был настроен по отношению к СССР скептически – на это указывают как его стремление противопоставить советской идее коллективизма собственный индивидуализм («Все знают, что я неисправимый индивидуалист, – а ведь это претит коммунистической идее как таковой, – потому-то Советское правительство и предложило мне посетить Россию и поглядеть на тамошнюю жизнь» [Dreiser 1928: 9]), так и рассказ критика и литературного функционера С. Динамова, из которого следует, что американский писатель был убежден в намерении советских властей обмануть его и показать ему СССР исключительно в выгодном свете [Динамов 1936]. Во время путешествия по России Драйзер и Кеннелл много спорили, и, судя по рецензии Кеннелл на книгу «Драйзер смотрит на Россию», в которой она продолжает с ним полемизировать, их разногласия так и не были до конца разрешены. Это чувствуется и в некоторых фрагментах «Русского дневника», где две точки зрения на СССР, восхищенная и критическая, подспудно соперничают друг с другом: «...Номера здесь большие, светлые и чистые, кровати застелены чистыми бельем и одеялами и выглядят комфортно. <...> Здесь работает небольшая агрономическая выставка, читаются лекции, в большом зале демонстрируются кинокартины и даются представления, проводятся экскурсии в музеях и т. д. Крестьянам – и это правильно – по прибытии предлагают принять ванну или посетить баню с парной. Если бы еще удалось убедить их делать то же самое каждый день...» [Драйзер 2018: 51].

Итак, книга «Драйзер смотрит на Россию» появилась из материала весьма неоднородного и противоречивого. Очевидно, работая после возвращения домой с записями Кеннелл и своими собственными, писатель подумывал составить об СССР путевые мемуары, отличные по тону и отбору материала от того, что получилось у него в «Драйзер смотрит на Россию», и предполагал создать нечто подобное предыдущим своим травелогам. Томас П. Риджио, автор вступления к книге «Русский дневник», полагает, что писатель отказался от этой идеи, когда внимательно перечел записи Кеннелл и осознал, какого рода художественные задачи перед ним стоят. Риджио пишет об этом с сожалением: «Книга “Драйзер смотрит на Россию”, вероятно, стала бы гораздо лучше, если бы он следовал своему обычному способу построения повествования вокруг отдельных частей путевых дневников, которые он

организовал в хронологическом порядке и связывал между собой анекдотами и личными размышлениями» [«Русский дневник» 2018: 6].

Действительно, «Драйзер смотрит на Россию» на предыдущие книги путешествий не похожа. Это книга социологическая, полная теоретических построений, – чуть ли не монография. У нее чрезвычайно выразительное оглавление: «Достижения постреволюционной России в политике и других областях», «Текущий экономический план Советского Союза», «Коммунизм: теория и практика», «Современное состояние крестьянского вопроса», «Русский рабочий: заводы и промышленность», «Женщины в современной России», «Религия в России», «Живопись, литература и музыка большевиков» (в двух частях) и т. д. Разумеется, именно такого очерка в первую очередь ждали от Драйзера по обе стороны океана. К «двум голосам» (самого Драйзера и Кеннелл) из «Русского дневника» присоединяется третий – голос Драйзера, который выступает в той самой роли «пророка», о которой мы упоминали выше. Он часто обращается к американскому читателю, «вовлекая» его в текст: «если бы вы увидели...», «вы бы могли подумать...», «может быть, у вас возникнет вопрос...» и т. д. При этом он постоянно подчеркивает, что высказывает именно свое, личное мнение: «я вас уверяю», «я гарантирую», «я убежден» и т. п. В книге практически ничего не говорится о мыслях и переживаниях Драйзера, не связанных с СССР, – ведь это работа не автобиографического порядка. Драйзер, въедливый и любознательный, изо всех сил старался изучить действительность и дать ей оценку, которой потом мог бы поделиться с соотечественниками, – и эта фактографическая и психологическая работа нашла свое воплощение также и в многочисленных интервью, которые Драйзер с готовностью давал по возвращении на родину [Kennell 1969: 5]. Но и Рут Кеннелл [Панов, Панова 2015], и Сергей Динамов [Динамов 1936] в один голос твердили, что по книге «Драйзер смотрит на Россию» трудно составить представление о том, как держал себя и как чувствовал американский писатель в Советском Союзе.

Собираясь Драйзер опубликовать «Русский дневник» или нет – в любом случае книга, вышедшая в 1996 г. под этим заглавием, дает возможность взглянуть на это путешествие с другой стороны. Драйзер здесь самоироничен, ворчлив, подчас даже равнодушен к происходящему вокруг. Здесь он часто рассуждает о собственном настроении, о своих взаимоотношениях с женщинами, о здоровье, о смерти, о работе, которая не касается путешествия, – и рассуждения эти нередко полны раздражения или горечи: «По до-

роге меня нагоняет тоска по родине. Я здесь – почти за 4000 миль от Нью-Йорка. Уже девять или десять дней, по крайней мере. И я заболел – может быть, серьезно. А вдруг – смертельно? А Хелен так далеко. И мне так плохо. Я чувствую себя совершенно несчастным и посылаю ей каблограмму из двадцати слов. О, если бы она была здесь. Несколько часов лежу в постели и чувствую себя сиротой – всеми отвергнутым, в углой лодчонке» [Драйзер 2018: 32].

Он кажется себе стареющим: «Даже самому старому человеку нужно дать какое-то занятие – ему нельзя дать почувствовать, что у него осталось только одно: смотреть. Он (Мюллер) думает, что это потребует больше мужества, чем есть у большинства стариков. В конце концов я объявляю, что это идеальное состояние для меня» [там же: 14].

Он записывает свои сны, и показательны как содержание снов, так и сам факт, что они вообще были записаны: «Утром – дождь; ночью – холодно и сухо. Мой бронхит, кажется, немного ослабил свою хватку. Прошлой ночью мне снился странный сон. В последнее время я чувствую себя довольно плохо и вяло. Первые симптомы возраста, как я понимаю. Но во сне я был восхитительно энергичным и веселым – в прежних возрасте и силе. Казалось, я находился в закрытом дворе, где были тропинки и трава, и на одной из тропинок я танцевал – почти обнаженный – с бутылкой вина в руке и второй бутылкой, которую я держал высоко над головой. Я радостно прыгал туда и сюда, переходил из одной танцевальной позиции в другую. Но вскоре я увидел, что ко мне подходит – или просто идет по другой тропинке – пожилой человек в темной одежде, такой типаж консерватора или ученого. И вдруг я немного испугался, как будто он мог что-то со мной сделать. Почувствовав это, я также понял, что именно он может сделать и как. И в тот же миг я проснулся» [там же: 103].

Поездка в Советский Союз была для Драйзера не просто любопытным опытом: живой интерес к острым вопросам социальной и политической жизни нового общества, который он проявлял уже в первых своих газетных заметках; решительный отказ верить в то, что на земле возможна «вселенская панацея», которая сделала бы всех счастливыми, – все это превращало столкновение с советским экспериментом в проверку жизненной философии, сформировавшейся у Драйзера к 56 годам. Посещение Советского Союза в 1925 г. значительно повлияло на дальнейшую жизнь Драйзера, который как репортер и публицист принимал участие в поддержке базирующихся шахтеров в начале 1930-х гг., а в 1945 г. даже вступил в Компартию США.

Три травелога Драйзера позволяют проследить, как Драйзер двигается от максимально обобщенного образа «американца в Европе» через историю собственной жизни, наложенную на американские пейзажи и реалии, к предельно автобиографическому «Драйзеру в России», усталому и больному, испуганному приближением старости и отправившемуся в далекую, чужую страну вопреки советам врачей и друзей в том числе потому, что интерес к новому, готовность идти на риск, исследовательский азарт и скептицизм – важнейшие черты его характера, определившие само содержание его жизни и потому способные отсрочить старость и смерть, мысли о которых уже начинают одолевать 56-летнего писателя.

Представляется также очевидным, что с образом автора, с анализом как текущих ощущений, так и воспоминаний во всех трех книгах соотносятся своеобразные лирические монологи, отдаляющие текст от схем документального повествования и наполняющие его приемами художественного письма, что позволяет говорить о двойственной жанровой форме этих текстов. Именно поэтому книги Драйзера о путешествиях так важны для понимания его личности и творчества в целом. Читая эти книги, мы не просто следуем за автором по туристическим маршрутам столетней давности: мы отправляемся в удивительное путешествие по миру человеческого разума.

Примечание

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ 19-312-90043/19 «Американские травелоги между двумя мировыми войнами: взгляд на “старую” Европу и “новую” Россию».

Список литературы

Динамов С. С. Лекция по американской литературе, прочитанная в Институте Красной Профессуры 21.4.1936 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1043. Л. 21.

Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка / пер. с англ. А. Николюкина, Б. Гиленсона. М.: Радуга, 1988. 416 с.

Драйзер Т. Русский дневник / пер. с англ. Е. Кручиной. М.: Эксмо, 2018. 569 с.

Засурский Я. Н. Теодор Драйзер. М.: МГУ, 1977. 224 с.

Панов С. И., Панова О. Ю. Послесловие к предисловию: материалы к истории (не)издания Т. Драйзера в СССР // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1957/?print=Y> (дата обращения: 05.05.2020)

Панова О. Ю. Образ России в американской культуре // На переломе: образы России прошлой

и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.) / ИМЛШ РАН. М.: Новый хронограф, 2011. С. 406–510.

Троцкий Л. Моя жизнь. М.: Вагриус, 2001. 572 с.

Риджис Т. Введение // «Русский дневник». М.: Эксмо, 2018. 569 с.

Федорова Л. Эта улица тоже ведь наша: свое и чужое в американских травелогах советских писателей // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 307–325.

A Theodore Dreiser Encyclopedia / ed. Keith Newlin. Westport: Greenwood Press, 2003. 456 p.

Adams P. G. *Travel Literature and the Evolution of the Novel*. Lexington: University Press of Kentucky, 1983. 382 p.

Anderson Sh. Dreiser // *The Little Review*. 1916. Vol. 3, № 2. Chicago: Margaret C. Anderson. P. 5.

Dreiser T. *A Hoosier Holiday*. Indiana: Indiana University Press, 1997. 560 p.

Dreiser T. *Complete Works of Theodore Dreiser*. Hastings: Delphi Classics, 2017. 11642 p.

Dreiser T. *Dreiser Looks at Russia*. N. Y.: Horace Liveright, 1928. 536 p.

Dreiser T. *Interviews* / ed. D. Pizer, F. E. Rusch. Chicago: University of Illinois Press, 2004. 204 p.

Dreiser T. *Traveler at Forty*. N. Y.: Cosimo Classics, 2005. 506 p.

Kennell R. *Theodore Dreiser and the Soviet Union*. N. Y.: International Publishers, 1969. 320 p.

Mickenberg J. *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2017. 435 p.

Pizer D. Dreiser's Relationships with Women // *American Literary Realism*. 2017. Vol. 50, № 1. P. 63–75.

Swanberg W. A. *Dreiser*. N. Y.: Scribner, 1965. 614 p.

References

Dinamov S. S. *Lektsiya po amerikanskoy literature, pročitannaya v Institute Krasnoy Professury 21.04.1936 g.* [Lecture on American literature delivered at the Institute of Red Professors on 21.04.1936]. The Russian State Archive of Literature and Arts, fund 631, inventory 14, archival unit 1043, sheet. 21. (In Russ.)

Dreiser T. *Zhizn', iskusstvo i Amerika* [Life, art and America]. Transl. from English by A. Nikolyukin, B. Gilenson. Moscow, Raduga Publ., 1988. 416 p. (In Russ.)

Dreiser T. *Russkiy dnevnik* [Dreiser's Russian diary]. Transl. from English by E. Kruchina. Moscow, EKSMO Publ., 2018. 569 p. (In Russ.)

Zasurskiy Ya. N. *Teodor Drayzer* [Theodore Dreiser]. Moscow, Moscow State University Publ., 1977. 224 p. (In Russ.)

Panov S. I., Panova O. Yu. Posleslovie k predisloviyu: materialy k istorii (ne)izdaniya T. Drayzera v

SSSR [The epilogue to the prologue: materials for the story of the (non) publication of T. Dreiser in the USSR]. *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya*. [New Russian Research in the Humanities], 2015, issue 10. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/1957/?print=Y> (accessed 05.05.2020) (In Russ.)

Panova O. Yu. *Obraz Rossii v amerikanskoy kul'ture* [The image of Russia in American culture]. *Na perelome: obrazy Rossii proshloy i sovremennoy v kul'ture, literature Evropy i Ameriki (konets 20–nachalo 21 vv.)*. Kollektivnaya monografiya IMLI RAN [At the turning point: the images of Russia of the past and present in culture and literature of Europe and America (late 20th – early 21st centuries). Collective monograph of IWL RAS]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2011, pp. 406–510. (In Russ.)

Trotsky L. *Moya zhizn'* [My Life]. Moscow, Vagrius Publ., 2001. 572 p. (In Russ.)

Riggio T. Vvedenie [Introduction]. *Russkiy dnevnik* [Russian Diary]. Moscow, EKSMO Publ., 2018. 569 p. (In Russ.)

Fedorova L. *Eta ulitsa tozhe ved' nasha: svoe i chuzhoe v amerikanskikh travelogakh sovetskikh pisateley* [‘This street is also ours’: familiar and alien In Russian author's American travelogues]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2017, issue 3, pp. 307–325. (In Russ.)

A Theodore Dreiser Encyclopedia. Ed. by Keith Newlin. Westport, Greenwood Press, 2003. 456 p. (In Eng.)

Adams, Percy G. *Travel Literature and the Evolution of the Novel*. Lexington, University Press of Kentucky, 1983. 382 p. (In Eng.)

Anderson Sh. Dreiser. *The Little Review*, 1916, vol. 3, issue 2, pp. 5 (In Eng.)

Dreiser T. *A Hoosier Holiday*. Indiana, Indiana University Press, 1997. 560 p. (In Eng.)

Dreiser T. *Complete Works of Theodore Dreiser*. Hastings, Delphi Classics, 2017. 11642 p. (In Eng.)

Dreiser T. *Dreiser Looks at Russia*. New York, Horace Liveright, 1928. 536 p. (In Eng.)

Dreiser T. *Interviews*. Ed. by D. Pizer, F. E. Rusch. Chicago, University of Illinois Press, 2004. 204 p. (In Eng.)

Dreiser T. *Traveler at Forty*. New York, Cosimo Classics, 2005. 506 p. (In Eng.)

Kennell R. *Theodore Dreiser and the Soviet Union*. New York, International Publishers, 1969. 320 p. (In Eng.)

Mickenberg J. *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream*. Chicago and London, The University of Chicago Press, 2017. 435 p. (In Eng.)

Pizer D. Dreiser's Relationships with Women. *American Literary Realism*, 2017, vol. 50, issue 1, pp. 63–75. (In Eng.)

Swanberg W. A. *Dreiser*. New York, Scribner, 1965. 614 p. (In Eng.)

**THEODORE DREISER'S AUTOGEOGRAPHY:
THREE TRAVELOGUES ABOUT FOUR WORLDS**

Daria D. Kuzina

Postgraduate Student, Research Assistant

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Rusia. ketrivenia@gmail.com

SPIN-code: 6791-2011

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3645-5544>

ResearcherID: AAF-5353-2019

Submitted 02.12.2019

The article provides a comparative analysis of the three travel books by Theodore Dreiser: *A Traveler at Forty* (1913), *A Hoosier Holiday* (1916), and *Dreiser Looks at Russia* (1928). The last one is also correlated with the publication of Theodore Dreiser's *Russian Diary* by the University of Pennsylvania in 1996. The history of writing the book about the USSR and publishing it in Russia has been studied and commented on in sufficient detail by modern researchers. This article is the first attempt in literary criticism to compare the three books. The study presents not only a comparative but also a textual analysis of these travelogues, discovers patterns linking the books both chronologically and stylistically and turning them into a kind of autobiographical trilogy. For Dreiser, the study of three worlds (European, American and Soviet) is inseparable from the study of the fourth world – the world of his own consciousness. The analysis of the three travel books is provided in a biographical context, which allows a deeper and more thorough analysis of their factual and emotional content. The focus of the study is the problem of Theodore Dreiser's self-identification as a writer and as American, which formed being influenced by travel impressions received during trips to European countries, including Germany – Dreiser's historical homeland, America, including his native state Indiana, and across Soviet Russia on the eve of the so-called 'great turning point'. Based on the study conducted, there are expressed some theoretical considerations regarding the interaction between the concepts of stereotype and reality in the space of literary text, and also the correlation between documentary and artistic principles in a travelogue. The article presents excerpts from *A Traveler at Forty* and *A Hoosier Holiday* translated into Russian. These travelogues have never been translated and published in Russia.

Key words: Theodore Dreiser; travel literature; 20th-century literature; American literature; USSR.

УДК 821.111

doi 10.17072/2073-6681-2020-2-110-119

ТИПОЛОГИЯ И СТРАТЕГИИ КРЕАТИВНОЙ РЕЦЕПЦИИ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ ПОСТМОДЕРНА

Мария Сергеевна Слоистова**к. филол. н., старший преподаватель кафедры методики
обучения английскому языку и деловой коммуникации****Московский городской педагогический университет**

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корп. 1. drozdovams@list.ru

SPIN-код: 6092-2540

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5373-513X>*Статья поступила в редакцию 01.12.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Слоистова М. С. Типология и стратегии креативной рецепции на примере английской поэзии и прозы постмодерна // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 110–119. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-110-119

Please cite this article in English as:

Sloistova M. S. Tipologiya i strategii kreativnoy retseptsii na primere angliyskoy poezii i prozy postmoderna [Typology and Strategies of Creative Reception: a Case Study of English Postmodernist Poetry and Prose]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 110–119. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-110-119 (In Russ.)

Статья посвящена комплексному изучению и описанию теории и типологии креативной рецепции. Даются определения таким терминам, как «рецепция», «креативная рецепция», «стратегии креативной рецепции» и др. Типология креативной рецепции построена автором на основе материалов исследований Е. В. Абрамовских, С. Е. Трунина, М. В. Загидуллиной, В. И. Тюпы, М. Наумана. Она включает в себя два уровня (типа): классический и постмодернистский, для каждого из которых характерен определенный набор стратегий. К стратегиям классического типа относятся формальная, аутентичная, нейтральная и антитетическая. На постмодернистском уровне автор выделяет две стратегии – конгениальную и игровую. Теория и типология креативной рецепции иллюстрируется примерами аллюзий и реминисценций из английской и мировой поэзии в творчестве английского писателя-постмодерниста Дж. Фаулза (1926–2005). Источником примеров креативной рецепции в творчестве писателя послужили его прозаические произведения: роман «Женщина французского лейтенанта» (1969), сборник повестей «Башня из черного дерева» (1974) и философская книга «Аристос» (1964), а также сборник стихов «Избранное» (*Selected Poems*), не переведенный на русский язык. Нами предпринята попытка художественного перевода стихотворения Дж. Фаулза *Islanders* («Островитяне»). В статье анализируется также опосредованная рецепция Священного Писания, обнаруживающая себя в аллюзии на «башню из слоновой кости», которая дала название повести Джона Фаулза «Башня из черного дерева» и всему сборнику. Делаются выводы о преобладающих стратегиях креативной рецепции в указанных произведениях Дж. Фаулза, а также о возможностях применения рассматриваемой типологии креативной рецепции при исследовании творчества других писателей.

Ключевые слова: рецепция; креативная рецепция; типология креативной рецепции; стратегии креативной рецепции; постмодернизм; английская литература XX в.; Дж. Фаулз; художественный перевод поэзии; аллюзия; реминисценция.

Целью настоящей статьи является комплексное исследование и описание типологии и стратегий креативной рецепции, вызывающей растущий интерес у современных ученых. Проблема восприятия и переосмысления наследия авторов-предшественников в произведениях различных писателей освещается в работах отечественных литературоведов: М. Г. Меркуловой [Меркулова 2017: 96–101], Т. С. Гумановой, Е. В. Сомовой [Гуманова, Сомова 2017: 185–194], Л. Ф. Хабибуллиной [Хабибуллина 2015: 251–255] и др., а также ряда зарубежных исследователей, таких как М. Бучбергер [Buchberger 2009], Дж. Клейтон [Clayton 1991], Х. Дикс [Dix 2010], С. Фиш [Fish 1970], М. Салами [Salami 1992].

Представляется целесообразным продемонстрировать типологию и стратегии креативной рецепции на примере творчества известного английского автора XX в. Джона Роберта Фаулза (John Robert Fowles, 1926–2005), так как он одновременно является поэтом и прозаиком, что дает нам возможность исследовать креативную рецепцию в эпических и лирических произведениях. Более того, Дж. Фаулза принято считать одним из основоположников постмодернизма [Salami 1992: 135], вследствие чего мы можем наблюдать различные типы креативной рецепции. Творчество писателя мы рассматриваем как стоящее у истоков смены классического типа креативной рецепции постмодернистским, поэтому предполагаем, что оба они присутствуют в его произведениях и представляют интерес для исследования.

Примеры, иллюстрирующие указанную типологию, выбраны из прозаических произведений Фаулза – сборника повестей «Башня из черного дерева» (*The Ebony Tower*, 1974) [Fowles 1975],

романа «Женщина французского лейтенанта» (*The French Lieutenant's Woman*, 1969) [Fowles 1996] и философской книги «Аристос» (*The Aristos*, 1964) [Fowles 1980], а также сборника его стихов «Избранное» (*Selected Poems*) [Fowles 2012]. Отметим, что сборник не переведен на русский язык. Попытка художественного перевода стихотворений Дж. Фаулза, а также фрагментов его прозы предпринята автором настоящей статьи.

Проблема **рецепции** в отечественном литературоведении становится особенно актуальной в начале XXI в. При этом, как справедливо отмечает современный белорусский исследователь С. Е. Трунин, общепринятое полное и точное определение данного термина до сих пор отсутствует [Трунин 2006: 16]. Согласно энциклопедическому словарю, изначально рецепцию понимали как осуществляемое рецепторами восприятие энергии раздражителей и преобразование ее в нервное возбуждение [СЭС 1989: 1134]. Вне всяких сомнений, такое определение далеко от литературы, тем не менее, на наш взгляд, его можно считать первоосновой для дальнейшего осмысления рассматриваемого понятия, подразумевая под рецепцией форму восприятия.

В монографии «Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX – начала XXI» С. Е. Трунин предлагает типологию рецепции, состоящую из двух видов – культурфилософской и **художественной** (рис. 1). Следует отметить, что автор данной типологии понимает рецепцию как «текст-реакцию», или «текст-отклик» [Трунин 2006: 17], т. е. рецепция, по мнению С. Е. Трунина, включает как процесс восприятия произведения другого автора, так и текст, созданный реципиентом на основе воспринятого.

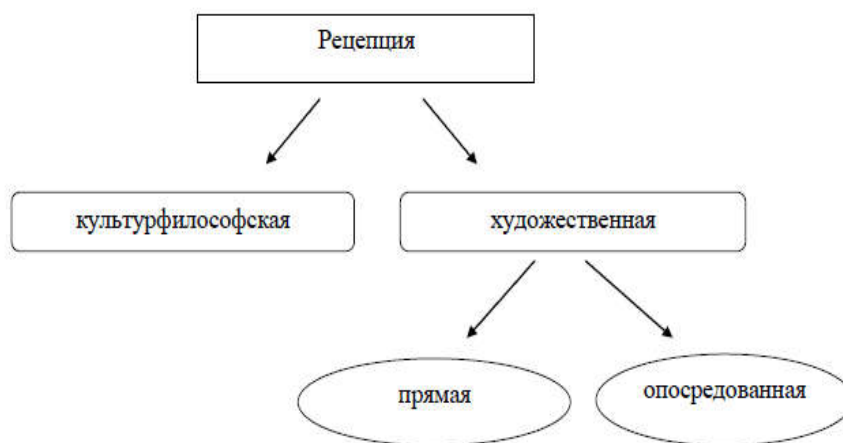

Рис. 1. Типология рецепции по С. Е. Трунину
Figure 1. Reception Typology by S. Ye. Trunin

Типология рецепции, предложенная С. Е. Труниным, основана на различиях текстов, воспринимаемых автором-реципиентом и создаваемых на основе воспринятого. Назовем их объектом и продуктом рецепции соответственно. Объектом культурфилософской рецепции ученый считает не только художественные произведения, но и дневники, письма, личную переписку и научную литературу, созданную писателем. На выходе имеем сложившуюся концепцию мышления автора-реципиента, выраженную в философских, художественных либо научных произведениях [Трунин 2006: 18].

Художественная рецепция, в отличие от культурфилософской, представляет собой более узкую форму восприятия, объектом которой выступает художественный текст, а продуктом – интертекст с многочисленными отсылками к первоисточнику в виде аллюзий, реминисценций, цитат и т. д. Нас интересует художественная рецепция поэтических произведений, которую мы наблюдаем в творчестве Дж. Фаулза.

Далее С. Е. Трунин делит художественную рецепцию на **прямую** и **опосредованную**. Объектом прямой художественной рецепции является текст-первоисточник. В данной работе мы имеем дело главным образом с прямой художественной рецепцией Дж. Фаулзом мировой поэзии. Опосредованная художественная рецепция происходит через «текст-посредник», т. е. это любое художественное произведение, возникшее в результате рецепции текста-первоисточника. Получается своего рода «двойная» рецепция [Трунин 2006: 18].

В качестве примера можно привести библейскую аллюзию, давшую название повести «Башня из чёрного дерева» из одноименного сборника (*The Ebony Tower*, 1974) [Fowles 1975]. «Башня из чёрного дерева» представляет собой аллюзию на «башню из слоновой кости», которая разъясняется читателю в тексте повести, когда художник Генри Бресли оспаривает взгляды младшего коллеги Дэвида на искусство. Не стесняясь в выражениях, он высмеивает приверженность Дэвида абстрактному искусству, называя таковое «башней из чёрного дерева», в которой, по аналогии с «башней из слоновой кости» (*the ivory tower*), скрываются художники-абстракционисты, боясь предстать ясными и понятными.

Напомним, что «башня из слоновой кости» – метафора, впервые упомянутая в библейской «Песне песней»: «шея твоя – как столп из слоновой кости» (Песн. 7:5), “Thy neck is as a tower of ivory” (Song of Solomon 7:4). Заимствованное из Песни песней сравнение первоначально употреблялось как метафора красоты и непорочности. В XVI в. его латинский перевод (лат. *Turris*

eburnea) был включен в литанию Деве Марии, хотя сам образ предположительно восходит к XII столетию.

Совершенно другое значение метафора получила в XIX в. Нынешнее понимание и употребление этого образа внедрил французский критик и поэт Шарль Огюстен Сент-Бёв [Серов 2005: 36]. Метафора стала означать уход в мир творчества от проблем современности, самоизоляцию, замыкание в духовных исканиях, «оторванных» от «прозы жизни».

Если «башня из слоновой кости» символизирует уход от реальности к чему-то прекрасному, возвышенному, духовному, то «башня из черного дерева», напротив, подразумевает движение вниз, в сторону искажения действительности и навязывания ложных ценностей.

Понимание читателем смысла названия повести и сборника дополняется и углубляется при рассмотрении указанной аллюзии в качестве опосредованной рецепции библейского текста. Как известно, «Песнь песней», согласно христианской и иудейской традициям, написанная царем Соломоном, представляет собой поэтическое произведение о взаимоотношениях жениха и невесты, возвышенно и красиво воспевающее чистую супружескую любовь и верность. В христианском святоотеческом понимании образы «Песни песней» представляют собой аллегория взаимоотношений Христа и Его Небесной Невесты, т. е. Церкви, метафорически изображая возвышенный идеал беспредельной любви Бога к людям и людей к Богу.

Образ «башни из черного дерева», созданный Фаулзом, символизирует основные тенденции развития современного общества начиная со второй половины XX в. Они состоят в отказе от традиционной эстетики, воспевающей образцы вечной красоты и гармонии, постепенном разрушении идеала чистой любви и семьи в ее христианском понимании, последовательном отстранении человека от Бога. Все это, по мнению писателя, воплощается в абстрактном искусстве, охарактеризованном им с помощью рассмотренной аллюзии.

Возвращаясь к теории художественной рецепции, отметим, что по определению, сформулированному в учебном пособии В. Г. Зинченко, В. Г. Зусмана и З. И. Киринозе, она представляет собой восприятие и перевоссоздание на основе воспринятого собственных мыслей, идей, текстов и т. д.; пересечение воздействия и восприятия, «воссоздания» и «пересоздания», приводящее к порождению смысла [Зинченко 2011: 192].

В настоящей статье речь пойдет о **художественной рецепции**, которая представляется нам как процесс, состоящий из двух взаимосвязан-

ных действий – восприятия художественного текста-источника и создания на его основе собственного текста с отсылками к источнику (аллюзиями и реминисценциями), т. е. интертекста.

Для того чтобы подчеркнуть творческую составляющую рецепции и отделить ее от простого восприятия, ученый из ГДР М. Науман вводит понятие «продуктивной» рецепции, которое предполагает обязательное создание собственно-

го текста на основе текста-первоисточника [Науман 1984]. В рамках «продуктивной» рецепции современный отечественный литературовед М. В. Загидуллина выделяет особый вид – «внутрицеховую» рецепцию, которую определяет как «профессиональное чтение» [Загидуллина 2004: 34], восприятие авторского художественного текста другим писателем и создание на его основе собственного произведения (рис. 2).

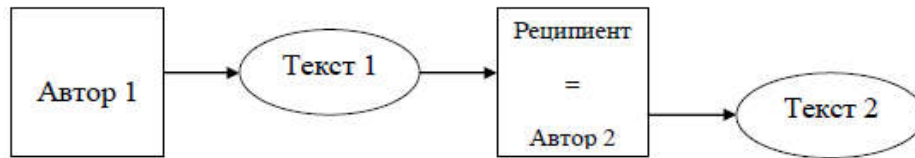

Рис. 2. Механизм «внутрицеховой» рецепции в системе «литература»
Figure 2. “Intra-Community” Reception Mechanism in the System of Literature

Специфика «внутрицеховой» рецепции состоит в том, что оба автора являются профессиональными писателями, коллегами по «цеху». М. В. Загидуллина отмечает, что «внутрицеховая» рецепция во многом зависит от личных отношений, сложившихся между писателями. Она выделяет три типа таких отношений: «приятель», ученичество и вражда [Загидуллина 2004: 34]. Под «приятель» исследователь подразумевает дружбу между писателями, отношения взаимной поддержки. Рецепция в данном случае будет отличаться захваливанием, преувеличением достоинств текста автора, замалчиванием его недостатков.

Отношения подчеркнутого ученичества могут обернуться «сотворением кумира» и слепым подражанием его творчеству. Что касается литературной вражды, она проявляется в подчеркнутом неприятии творчества одного автора другим. В данном случае «внутрицеховая» рецепция будет отличаться ярко выраженной критикой, умалением достоинств текста, а иногда его откровенным пародированием и осмеянием [там же].

Рецепцию английской и мировой поэзии, изучаемую нами в данной работе, можно с полным основанием назвать «внутрицеховой», так как авторами текстов-первоисточников являются общепризнанные поэты, а реципиентом – Джон Фаулз, профессиональный писатель. Тем не менее следует отметить, что он не был знаком ни с одним из этих поэтов (все они жили и творили до Фаулза), поэтому говорить о каких бы то ни было личных отношениях между ними не приходится.

В то же время можно выделить те же три типа «внутрицеховой» рецепции применительно к творчеству Дж. Фаулза, только по отношению не к личности поэта, а к его творчеству. В этом смысле рецепция будет более объективной, чем

при личном общении, так как положительные или отрицательные эмоции реципиента, т. е. Дж. Фаулза, направлены не на персоналию поэта, а на его стихи. Проиллюстрируем три типа «внутрицеховой» рецепции примерами из исследуемых нами произведений писателя.

Первым типом «внутрицеховых» отношений, по мнению М. В. Загидуллиной, является так называемая «приятель», симпатия одного автора к другому [там же: 34]. В данном случае можно привести пример рецепции Фаулзом творчества М. Арнольда в романе «Женщина французского лейтенанта», где автор называет стихотворение «К Маргарите» самым благородным стихотворением Викторианской эпохи (*perhaps the noblest short poem of the whole Victorian era*) [Fowles 1996: 408–409].

Что касается второго типа «внутрицеховых» отношений – ученичества, Джон Фаулз на страницах анализируемых нами произведений никого эксплицитно не называет своим учителем или образцом для подражания. При этом в философской книге «Аристос» писатель открыто называет Катулла и Эмили Дикинсон своими любимыми поэтами [Fowles 1980: 274]. Имплицитно отношения ученичества прослеживаются и при анализе рецепции поэзии Горация в стихотворении Фаулза «Наука поэзии» (*Ars Poetica*). Фаулз намеренно подражает названию, стилю и содержанию стихотворения древнеримского поэта.

Третий тип «внутрицеховой» рецепции – подчеркнутое неприятие творчества одного автора другим [Загидуллина 2004: 34]. К данной категории отнесем рецепцию Дж. Фаулзом поэзии К. Нортон в романе «Женщина французского лейтенанта» [Fowles 1996: 82]. Реминисценция творчества Нортон дана при описании сцены, в которой Эрнестина читает Чарльзу поэму К. Нортон

«Леди Лагарэ». Под вдохновенное чтение своей невесты Чарльз неожиданно для нее засыпает, за что получает удар запущенной в него книгой. Подтекст автора ироничен. Для Джона Фаулза поэзия К. Нортон объединяет в себе ложные ценности Викторианской эпохи, главная из которых – чувство долга, поэтому ее рецепция в романе носит негативный характер с целью показать «изнанку» блестящего века Британской империи.

Следующий важный шаг по изучению рецепции в современном отечественном литературоведении предприняла Е. В. Абрамовских. В докторской диссертации «Креативная рецепция незаконченных произведений как литературоведческая проблема (на материале дописываний незаконченных отрывков А. С. Пушкина)» (2007) она вводит понятие **креативной рецепции**, т. е. рецепции творческой, продуктом которой является собственное произведение читателя-автора, в данном случае продолжение ка-

кого-либо незаконченного отрывка [Абрамовских 2007: 3].

Исследователь считает термины «креативная» и «продуктивная» (рецепция М. Наумана) тождественными. Нам же в данной работе представляется логичным разграничить эти понятия. Для этого вновь обратимся к типологии С. Е. Трунина, в которой он выделяет два вида рецепции – культурфилософскую и художественную. Под **креативной** рецепцией далее будем понимать продуктивную художественную рецепцию.

Таким образом, на базе трудов известных ученых мы сформировали собственные определения рецепции и ее основных видов, соотносящихся как часть и целое (рис. 3). Под термином «рецепция» мы будем понимать восприятие текста читателем, приводящее к возникновению его собственных идей, выводов, умозаключений и т. д. По характеру объекта и результата рецепция может быть культурфилософской и **художественной**.

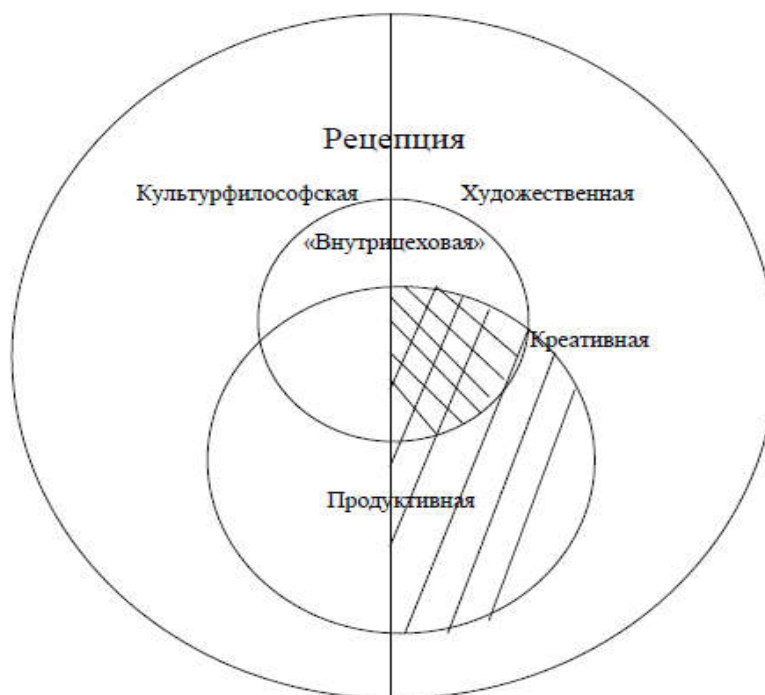

Рис. 3. Рецепция в литературе и ее виды
Figure 3. Reception in Literature and Its Types

Перечисленные результаты могут быть как имплицитными, так и эксплицитными, выраженными в материальном виде в форме другого текста. При наличии видимых результатов – продуктов – рецепция называется **продуктивной**. Продуктивная художественная рецепция анализируется нами в данной работе, назовем ее **креативной** (на схеме соответствующая область заштрихована).

Еще одна разновидность рецепции – «**внутрицеховая**» – представляет собой восприятие

(во всех аспектах) творчества одного профессионального писателя другим. Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что креативная рецепция поэзии Джоном Фаулзом является в то же время «внутрицеховой». На схеме она обозначена двойным штрихом.

Вернемся к исследованию Е. В. Абрамовских, в котором она разработала типологию креативной рецепции. В настоящей статье нам представляется целесообразным детально рассмотреть и дополнить указанную типологию. Для этого

необходимо обратиться к термину «творческий потенциал», введенному В. И. Тюпой для обозначения своеобразной системы лакун в авторском тексте, провоцирующих читателя на сотворчество [Тюпа 1998: 16]. Е. В. Абрамовских рассматривает творческий потенциал незаконченного текста-источника как предпосылку к его завершению автором-реципиентом. Мы обращаемся к понятию «творческий потенциал» как к свойству законченного поэтического текста, провоцирующего Дж. Фаулза-реципиента на создание собственного произведения на основе этого текста-источника.

Типология Е. В. Абрамовских построена на различных вариантах дописывания незаконченных произведений по отношению к творческому потенциалу текста. Ученый выделяет два уровня креативной рецепции, которые называет типами: первый тип – классический, второй – сложный, работающий с различными уровнями структуры текста [Абрамовских 2007: 37–39]. Исследова-

тель выделяет четыре вида в рамках классической креативной рецепции – назовем их стратегиями: формальная (количественная), аутентичная, нейтральная и антитетическая – и два вида на более сложном уровне: конгениальная и игровая. Типология основана на различных вариантах развития «творческого потенциала» текста.

Напомним, что типология Е. В. Абрамовских построена на примерах дописывания незаконченных произведений. Представляется необходимым доработать данную типологию с целью применения к «внутрицеховой» креативной рецепции поэзии, рассматриваемой нами в настоящем исследовании. Вслед за Е. В. Абрамовских выделим два уровня, или типа, креативной рецепции – классический и более сложный (рис. 4). Второй тип назовем **постмодернистским**, так как он предполагает работу с различными уровнями текста, как с содержанием, так и формой, что характерно для литературы постмодернизма.

Рис. 4. Типология и стратегии креативной рецепции
Figure 4. Typology and Strategies of Creative Reception

Далее считаем целесообразным обратиться к понятию «стратегия креативной рецепции», введенному в научный оборот в нашем диссертационном исследовании «Рецепция поэзии в творчестве Дж. Фаулза 60–70-х годов XX века» [Дроздова 2016: 10–11]. Под стратегиями креативной рецепции в данной работе будем понимать способы воплощения воспринятого писателем-читателем поэтического текста автора-предшественника в собственном произведении. Стратегии классического типа креативной рецепции (формальная, аутентичная, нейтральная, антитетическая) направлены преимущественно на трансформацию сюжета исходного произведения в тексте автора-реципиента.

Формальная стратегия креативной рецепции в нашем случае будет представлять собой заимствование элементов произведения предше-

ственника, таких как сюжет или его составные части, мотивы и т. п. **Аутентичная стратегия** заключается в продолжении авторского замысла в произведении реципиента, однако это не прямое заимствование в чистом виде, а самостоятельное развитие, усиливающее творческий потенциал исходного текста. Например, в главе 12 романа «Женщина французского лейтенанта» Фаулз помещает эксплицитную реминисценцию из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»: *There was an antediluvian tradition (much older than Shakespeare) that on Midsummer's Night young people should go with lanterns, and a fiddler, and a keg or two of cider, to a patch of turf known as Donkey's Green in the heart of the woods and there celebrate the solstice with dancing* [Fowles 1996: 81]. Существовала давняя традиция (намного старше Шекспира), что в ночь накануне Ивано-

ва дня молодежь брала с собой факелы, скрипача, пару бочонков сидра и шла в чашу леса на так называемый «Ослиный луг», чтобы отметить летнее солнцестояние песнями и плясками¹.

Композиционно реминисценция приведена в описании Вэрской пустоши, где происходили встречи главных героев – Чарльза и Сары. Глава 12 посвящена одной из них. Очевидно, что автор-реципиент проводит параллель между героями пьесы Шекспира и своего романа. Напомним, что персонажи указанной комедии, находясь в волшебном лесу, меняют объект своей любви под действием колдовских чар. Нечто подобное произойдет и с Чарльзом, когда у него возникнут чувства к Саре. Таким образом, читатель может предугадать дальнейшее развитие сюжета. Мы наблюдаем имплицитное заимствование автором-реципиентом элементов шекспировского сюжета, что свидетельствует об аутентичной стратегии классического типа креативной рецепции.

Антитетическая стратегия классического типа креативной рецепции также предполагает творческое развитие, но в направлении, не предусмотренном автором исходного текста. **Нейтральная стратегия** не противоречит авторскому замыслу, но и не усиливает его.

Так, в п. 61 главы «Гений и ремесленник» (*The Genius and the Craftsman*) философской книги «Аристос» Фаулз утверждает: *The genius, of course, is largely indifferent to contemporary success; and his commitment to his ideas, both artistic and political, is profoundly, Byronically, indifferent to their contemporary popularity* [Fowles 1980:

264]. Гений, разумеется, чаще всего равнодушен к прижизненному успеху; и его преданность своим идеям, как художественным, так и политическим, по-байроновски, не имеет никакого отношения к их популярности среди современников.

Аллюзия эксплицитная, относится к сюжету и представляет собой пример интертекста. Тип креативной рецепции в данном случае классический, стратегия нейтральная, так как Байрон упоминается в контексте, типично ассоциируемом с его творчеством. Глава «Гений и ремесленник» посвящена рассуждениям о сущности гения и его отличию от ремесленника – человека, который делает все по образцу, следует общепринятым стандартам. Гений же, по мнению писателя, напротив, создает собственные стандарты.

Рассмотрим постмодернистский тип креативной рецепции, который, в отличие от классического, предполагает работу с разными уровнями текста-первоисточника. Он характеризуется двумя стратегиями – конгениальной и игровой. **Конгениальная стратегия** креативной рецепции предусматривает развитие «творческого потенциала» исходного текста в том ключе, в котором мыслил его автор, однако, в отличие от стратегий классического типа, писатель-реципиент в своем произведении развивает не столько сюжет, сколько имплицитный смысл произведения, его подтекст, его сверхзадачу.

Для иллюстрации указанной стратегии постмодернистского типа креативной рецепции хотелось бы обратиться к поэтическому наследию Джона Фаулза. Ниже приводим текст анализируемого стихотворения.

Islanders

they look to sea and wait
these carved immobile men
beneath the cool catalpas
these aged women pausing
by the polished upward steps
they look to sea and wait
for what they cannot say
he waits
for what he cannot say
this canvas seaward boy
by the corner of my house
never the ship that comes
never a bird never a cloud
what it is they cannot say
whether good luck or unkind fate
but look to sea and wait
at first I laughed but now
I look to sea and wait
for what I cannot say:
but look to sea and wait

Островитяне

глядят на море, ждут
мужчины, словно скалы
под кронами катальп
и женщины, что медлят,
поднимаясь вверх устало,
глядят на море, ждут
чего – сказать нельзя
он ждёт
чего – сказать нельзя
мальчишка, как с картины,
что идет дорогой к морю
нет корабля вдали
нет облаков, птиц тоже нет
что же есть – сказать нельзя
грядёт удача иль злой рок
все, глядя в море, ждут
сперва смеялся я,
но вот гляжу и жду
чего – сказать нельзя:
но я гляжу и жду

Стихотворение *Islanders* («Островитяне») из сборника *Selected Poems* («Избранное»), на наш взгляд, архитектурально связано со стихотворением Джорджа Гордона Байрона «Острова Греции» (*The Isles of Greece*), представляющим собой часть поэмы «Дон Жуан» (*Don Juan, Canto III, 1819–1820*) [Byron 2008].

Стихотворение открывает цикл «Аполлон» (*Apollo: A Sequence of Greek Poems*), написанный Фаулзом в 1951–52 гг., во время его проживания на греческом острове Спетсай, который является прообразом Фраксосу в романе «Волхв» (*The Magus, 1965*). Оно повествует о жителях острова Спетсай и основано на впечатлениях Фаулза от жизни на острове.

Строки Байрона также посвящены греческим островам, красоте их природы и духу их народа. Более того, в стихотворении Байрона аналогично занимает важное место выжидающий взгляд на море (*And Marathon looks on the sea... Which looks o'er sea-born Salamis...*). У читателя складывается впечатление, что ожидание в стихотворении Байрона связано с мечтой греческого народа о государственной независимости, но на этом сосредоточен лишь пласт реального в данном стихотворении. Что касается воображаемого, так характерного для романтизма, оно явно присутствует в стихотворении в ожидании чего-то большего, сверхъестественного, подразумевающего спасение не только в земной жизни, но и в жизни вечной. Те же мотивы прослеживаются и в стихотворении Фаулза, что обнаруживает конгениальную стратегию постмодернистского типа креативной рецепции поэзии Байрона.

Игровая стратегия состоит в пародировании текста-первоисточника, постмодернистской иронии по отношению к нему, интертекстуальном «сталкивании» различных (а подчас и противоположных) по содержанию произведений в собственном тексте. Вернемся к заглавию повести «Башня из черного дерева», проанализированному ранее в нашей статье в качестве примера опосредованной рецепции.

С помощью игровой стратегии постмодернистского типа креативной рецепции Джон Фаулз проводит трансформацию творческого потенциала понятия «башня из слоновой кости», показывая, как оно переосмысливается и искажается в современном обществе, превращаясь в символ – «башню из черного дерева». Вследствие этого факта данный символ имеет отношение ко всем повестям сборника, что и легло в основу его названия.

Исследование рассмотренных в данной статье и значительного количества других поэтических аллюзий и реминисценций показало, что стратегии классического типа креативной рецепции

реже встречаются в анализируемых произведениях Джона Фаулза, чем стратегии постмодернистского типа. Это обусловлено двумя взаимодополняющими факторами. Во-первых, как уже отмечалось выше, Фаулз считается основоположником английского постмодернизма. Во-вторых, постмодернистский тип креативной рецепции (в отличие от классического) подразумевает вдумчивое переосмысление авторского текста на уровне его имплицитного подтекста и глубинных смыслов, что особенно характерно для творчества Фаулза.

Изложенная в данной статье типология креативной рецепции, построенная нами на основе трудов Е. В. Абрамовских, С. Е. Трунина, М. В. Загидуллиной и др., может быть применена для исследования интертекста в прозе и поэзии различных авторов, что является особенно актуальным в условиях современного литературоведения.

Примечание

¹ Здесь и далее перевод наш. – М. С.

Список литературы

Абрамовских Е. В. Креативная рецепция незавершенных произведений как литературоведческая проблема: на материале дописываний незавершенных отрывков А. С. Пушкина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 44 с.

Библия. М.: РБО, 1992. 1376 с.

Гуманова Т. С., Сомова Е. В. Образы Чарльза Диккенса и Уилки Коллинза в романе Д. Симмонса «Друд, или человек в черном» // Русско-зарубежные литературные связи: сб. ст. по материалам VII Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Н. Новгород, 2017. С. 185–194.

Дроздова М. С. Рецепция поэзии в творчестве Дж. Фаулза 60–70-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 26 с.

Загидуллина М. В. Ранние статьи Гоголя о Пушкине: к вопросу «внутрицеховой» рецепции // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. № 1. С. 34–41.

Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход: учеб. пособие М.: Флинта: Наука, 2011. 280 с.

Меркулова М. Г. Система аллюзий и реминисценций на жизнь и творчество русских писателей в романе Дж. Барнса «Шум времени» // Вестник СПГУТД. 2017. № 3. С. 96–101.

Науман М. Литературное произведение и история литературы. М.: Радуга, 1984. 424 с.

Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.

СЭС – *Советский энциклопедический словарь* / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 1632 с.

Трунин С. Е. Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX – начала XXI в. Минск: Логвинов, 2006. 156 с.

Тюпа В. И. Творческий потенциал Пушкинских набросков // А. С. Пушкин: Филологические и культурологические проблемы изучения: материалы Междунар. науч. конф. Донецк: Донецкий гос. ун-т, 1998. С. 16–18.

Хабидулина Л. Ф. «Шекспировский» контекст творчества Энтони Бёрджесса // Филология и культура. 2015. № 1(39). С. 251–255.

Buchberger M. P. Metafiction, historiography and mythopoeia in the novels of John Fowles: thesis ... PhD. Brunel University, 2009. 239 p.

Byron J. G. Lord Byron: The Major Works. Oxford University Press, 2008. 1080 p.

Clayton J. Figures in the Corpus: Theories of Influence and Intertextuality / J. Clayton, E. Rothstein. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1991. 349 p.

Dix H. Postmodern Fiction and the Break-Up of Britain. Continuum international publishing group, 2010. 192 p.

Fish S. Literature in Reader: Affective stylistics. Charlottesville: New lit. History, 1970. 162 p.

Fowles J. R. Selected Poems / Introduced and edited by Adam Thorpe. Hexham: Flambard Press, 2012. 132 p.

Fowles J. R. The Aristos. London: Jonathan Cape Ltd., 1980. 296 p.

Fowles J. R. The Ebony Tower. New York: New American library, 1975. 293 p.

Fowles J. R. The French lieutenant's woman: [A novel]. London: Vintage, 1996. 445 p.

King James Bible. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/> (дата обращения: 21.10.2019).

Salami M. John Fowles's fiction and the poetics of postmodernism. Associated University Press, 1992. P. 135–136.

References

Abramovskikh E. V. *Kreativnaya retseptsiya nezakonchennykh proizvedeniy kak literaturovedcheskaya problema: na materiale dopisyvaniy nezakonchennykh otryvkov A. S. Pushkina*. Avtoreferat diss. ... d-ra filol. nauk [Creative reception of incomplete works as a literary issue: a case study of incomplete extracts by A. S. Pushkin. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 44 p. (In Russ.)

Bibliya [The Bible]. Moscow, RBO Publ., 1992. 1376 p. (In Russ.)

Gumanova T. S., Somova E. V. Obrazy Charl'za Dikensa i Uilki Kollinza v romane D. Simmonsa

‘Drud, ili chelovek v chernom’ [Charles Dickens’ and Wilkie Collins images in the novel ‘Drood, or the man in black’ by D. Simmons]. *Russko-zarubezhnye literaturnye svyazi: Sbornik statey po materialam VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Russian-foreign literary connections: Proceedings of the 7th all-Russian scientific-practical conference with international participation]. Nizhny Novgorod, 2011, pp. 187–190. (In Russ.)

Drozdova M. S. *Retseptsiya poezii v tvorchestve Dzh. Faulza 60–70-kh godov 20 veka*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Reception of poetry in J. Fowles’ works of the 1960–70s. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2016. 26 p. (In Russ.)

Zagidullina M. V. Rannie stat’i Gogolya o Pushkine: k voprosu o ‘vnutritsekhovoy’ retseptsii [Gogol’s early articles about Pushkin: on the issue of reception within the community]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2004, issue 1, pp. 34–41. (In Russ.)

Zinchenko V. G., Zusman V. G., Kirnoze Z. I. *Literatura i metody ee izucheniya. Sistemno-sinergeticheskii podkhod: uchebnoe posobie* [Literature and methods of studying it. A system-synergetic approach: Textbook]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 200 p. (In Russ.)

Merkulova M. G. Sistema allyuziy i reminitsentsiy na zhizn’ i tvorchestvo russkikh pisateley v romane Dzh. Barnsa ‘Shum vremeni’ [The system of allusions and reminiscences to the lives and works of Russian writers in J. Barnes’ novel ‘The Noise of Time’]. *Vestnik SPGUDT* [Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design], 2017, issue 3, pp. 96–101. (In Russ.)

Naumann M. *Literaturnoe proizvedenie i istoriya literatury* [A literary work and the history of literature]. Moscow, Raduga Publ., 1984. 424 p. (In Russ.)

Serov V. *Entsiklopedicheskiy slovar’ krylatykh slov i vyrazheniy* [An encyclopaedic dictionary of idioms and idiomatic expressions]. Moscow, Lokid-Press Publ., 2005. 880 p. (In Russ.)

SES – *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar’* [Soviet encyclopedic dictionary]. Ed. by A. M. Prokhorov. 4th edition. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1989. 1632 p. (In Russ.)

Trunin S. E. *Retseptsiya Dostoevskogo v russkoy proze kontsa 20 – nachala 21 vv.* [Reception of Dostoevsky in Russian prose at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries]. Minsk, Logvinov Publ., 2006. 156 p. (In Russ.)

Tyupa V. I. Tvorcheskiy potentsial Pushkinskikh nabroskov [The creative potential of Pushkin’s sketches]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konfe-*

rentsii 'A. S. Pushkin: *Filologicheskie i kulturologicheskie problemy izucheniya*' [Proceedings of the international scientific conference 'A. S. Pushkin: philological and cultural issues of research']. Donetsk, Donetsk State University Press, 1998, pp. 16–18. (In Russ.)

Khabibullina L. F. 'Shekspirovskiy' kontekst tvorchestva Entony Berdzhessa ['Shakespearean' context of Anthony Burgess' works]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], 2015, issue 1(39), pp. 251–255. (In Russ.)

Buchberger M. P. *Metafiction, historiography and mythopoeia in the novels of John Fowles: thesis PhD*. Brunel University, 2009. 239 p. (In Eng.)

Byron J. G. *Lord Byron: The Major Works*. Oxford University Press, 2008. 1080 p. (In Eng.)

Clayton J., Rothstein E. *Figures in the Corpus: Theories of Influence and Intertextuality*. Wisconsin, University of Wisconsin Press, 1991. 349 p. (In Eng.)

Dix H. *Postmodern Fiction and the Break-Up of Britain*. Continuum international publishing group, 2010. 192 p. (In Eng.)

Fish S. *Literature in Reader: Affective stylistics*. Charlottesville, New Literary History, 1970. 162 p. (In Eng.)

Fowles J. R. *Selected Poems*. Introduced and edited by Adam Thorpe. Hexham, Flambard Press, 2012. 132 p. (In Eng.)

Fowles J. R. *The Aristos*. London, Jonathan Cape Ltd., 1980. 296 p. (In Eng.)

Fowles J. R. *The Ebony Tower*. New York, New American library, 1975. 293 p. (In Eng.)

Fowles J. R. *The French lieutenant's woman*. London, Vintage, 1996. 445 p. (In Eng.)

King James Bible. Available at: <https://www.king-jamesbibleonline.org/> (accessed 21.10.2019). (In Eng.)

Salami M. *John Fowles's fiction and the poetics of postmodernism*. Associated University Press, 1992, pp. 135–136. (In Eng.)

TYPOLOGY AND STRATEGIES OF CREATIVE RECEPTION: A CASE STUDY OF ENGLISH POSTMODERNIST POETRY AND PROSE

Maria S. Sloistova

Senior Lecturer in the Department of Teaching English and Business Communication

Moscow City Pedagogical University

4, build. 1, Vtoroy sel'skokozyaystvennyy proyezd st., Moscow, 129226, Russian Federation. drozdovams@list.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5373-513X>

SPIN-code: 6092-2540

Submitted 01.12.2020

The paper focuses on complex research and description of creative reception theory and typology. There are provided definitions of such terms as reception, creative reception, creative reception strategies, and others. The author builds the typology of creative reception on the basis of works by E. V. Abramovskikh, S. Ye. Trunin, M. V. Zagidullina, V. I. Tyupa, and M. Naumann. This typology includes two types (or levels) of creative reception, defined as classic and postmodernist. Each of the types is characterized by a number of strategies, i. e. ways of representing an artistically received text in one's own work. The classic type strategies (formal, authentic, neutral and antithetical) focus primarily on plot transformation. As for the postmodernist level, the author singles out two strategies: congenial and play. The theory and typology of creative reception is substantiated with some examples of reminiscences and allusions to English and world poetry. The examples under analysis are taken from the following prose works by the outstanding English postmodernist writer John Robert Fowles (1926–2005): the novel *The French Lieutenant's Woman* (1969), the collection of long short stories *The Ebony Tower* (1974), the philosophic book *The Aristos* (1964), and also the lyric collection *Selected Poems*, published posthumously in 2012. The collection has not been translated into Russian yet. Therefore, the poem under analysis (*Islanders*) has been translated into Russian by the author of the present paper. The paper also deals with indirect Biblical reception which is found in the allusion to the ivory tower. The allusion gave the title *The Ebony Tower* both to Fowles' long short story and collection as a whole. The author of the paper draws a conclusion about the dominant creative reception strategies in the literary works under analysis and also about the possible use of the presented creative reception typology in analyzing works by other writers.

Key words: reception; creative reception; creative reception theory; creative reception strategies; postmodernism; 20th-century English literature; John Fowles; literary translation of poetry; allusion; reminiscence.

УДК 94(460): 821.134

doi 10.17072/2073-6681-2020-2-120-129

РОМАН БЕНИТО ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА «СУМАЛАКАРРЕГИ» И ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ МИФОВ В ЛИТЕРАТУРЕ

Андрей Андреевич Терещук**Ph. D., доцент кафедры романской филологии института иностранных языков****Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена**191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48. atereschuk@herzen.spb.ru

SPIN-код: 1210-6319

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

ResearcherID: R-5417-2019

*Статья поступила в редакцию 09.01.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Терещук А. А. Роман Бенито Переса Гальдоса «Сумалакарреги» и трансформации исторических мифов в литературе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 120–129. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-120-129

Please cite this article in English as:

Tereshchuk A. A. Roman Benito Peresa Gal'dosa «Sumalakarregi» i transformatsii istoricheskikh mifov v literature [The Novel 'Zumalacárregui' by Benito Pérez Galdós and Transformations of Historical Myths in Literature]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 120–129. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-120-129 (In Russ.)

Рассматривается отражение карлистских и «либеральных» мифологических концептов, сформировавшихся в 1830-х – 1890-х гг., в романе испанского писателя Бенито Переса Гальдоса «Сумалакарреги». Данный роман обычно находится на периферии внимания критиков и литературоведов. Показывается, что роман «Сумалакарреги» представляет собой одно из наиболее интересных для анализа произведений писателя, в котором нашли отражение новые веяния в испанской литературе и которое может рассматриваться как начало очередного этапа в творчестве автора. Изучаются принципы формирования образа генерала Томаса де Сумалакарреги (1788–1835). Дается краткий обзор мифов, связанных с фигурой генерала. В XIX–XX вв. Сумалакарреги вошел в пантеон героев – представителей трех идеологических систем: карлистской, франкистской и баскской националистической. На основании анализа произведения делаются выводы о том, какими историческими источниками Гальдос пользовался во время работы над романом. Выясняется, что автор обращался к наиболее значимым мемуарам, посвященным Первой Карлистской войне. Отмечено влияние воспоминаний А. Сабатье, Ч. Ф. Хеннингсена, Ф. фон Лихновски, Х. А. Саратьеги, Ф. Фернандеса де Кордовы и А. Дю-Касса на художественную мысль Гальдоса. Кроме того, высказывается предположение, что при написании некоторых сцен романа автор вдохновлялся отдельными произведениями изобразительного искусства в рамках традиций «карлистской живописи». Делается вывод о том, что при создании образа генерала Сумалакарреги писатель использовал уникальное сочетание карлистских и «либеральных» мифологем, за счет чего ему удалось образно представить сложную и противоречивую фигуру лидера карлистов.

Ключевые слова: исторические мифы; карлизм; Первая Карлистская война; исторический роман; Бенито Перес Гальдос.

Испанский исторический роман на рубеже XIX–XX вв.

«Сумалакарреги» («Zumalacárregui») – это первый роман из третьей серии «Национальных эпизодов» («Episodios Nacionales») испанского

писателя Бенито Переса Гальдоса (1843–1920) (далее – Гальдос). Гальдос, возвращаясь после почти двадцатилетнего перерыва к работе над «Национальными эпизодами», обратился к истории Первой Карлистской войны (1833–1840).

Произведение, недооцененное читателями и критиками, представляется, тем не менее, одним из наиболее интересных для анализа исторических романов в европейской литературе рубежа XIX–XX вв.

Можно отметить две тенденции в испанской литературе на момент появления произведения. В конце XIX в. в Испании снова набирает популярность жанр исторического романа. В 1897 г., за год до выхода произведения Гальдоса, М. де Унамуно публикует «Мир среди войны». Действие романа Унамуно разворачивается во время Третьей Карлистской войны (1872–1876). Само название является отсылкой к «Войне и миру» Л. Н. Толстого. Незадолго до этого произведение русского писателя было переведено на испанский язык и пользовалось на Пиренейском полуострове большой популярностью (см.: [González 1982; Korkonosenko 2000]). На фоне успеха произведений Унамуно и Гальдоса в 1900 г. появляется перевод одного из наиболее известных исторических романов конца XIX в. в европейской литературе – «Камо грядеши» Г. Сенкевича, который сразу завоевывает популярность в Испании [Wislocka 1988]. Тему истории карлизма, затронутую Гальдосом и Унамуно, продолжает Р. М. дель Валье-Инклан, который в течение следующих десяти лет пишет три романа о карлистских войнах.

Кроме того, 1898 г. – это критический момент в истории Испании. Страна терпит сокрушительное поражение в испано-американской войне и лишается последних остатков своей колониальной империи. Чувство разочарования и депрессии становится одним из основных в испанской литературе. Многие писатели начинают искать источник вдохновения в прошлом, которое идеализируется в противовес настоящему. В испанской литературе формируется так называемое «поколение 98 года». Проходит «эпоха увлечения наукой», и зарождаются «интерес к тайне и мечты о высоких религиозных, моральных и патриотических идеалах» [García López 2003: 593]. Открывается важный этап в развитии литературы, и начало XX в. некоторые исследователи называют «новым золотым веком» испанской словесности [García López 2003: 591]. Гальдоса нельзя отнести к числу писателей «поколения 98 года», но, несомненно, некоторые веяния в современной литературе оказали влияние на его творчество.

«Сумалакарреги» знаменует собой начало нового этапа в творчестве Гальдоса. В 1879 г. он опубликовал последний роман из второй серии «Национальных эпизодов» – «Одним мятежником больше, несколькими монахами меньше». Решив вернуться к жанру исторического романа

во второй половине 1890-х гг., Гальдос в 1898–1912 гг. напечатал 26 произведений, связанных в три серии «Национальных эпизодов». Если в двух ранних сериях персонажи обычно делятся на «хороших» и «плохих» (в зависимости от их политических взглядов), то начиная с «Сумалакарреги» герои исторических романов Гальдоса становятся гораздо сложнее. Несмотря на симпатии автора к кристинос, персонажи-карлисты показываются как сложные характеры, обладающие как положительными, так и отрицательными качествами. Ярким примером этой новой тенденции в творчестве писателя является образ главнокомандующего карлистской армией на севере Испании генерала Томаса де Сумалакарреги (далее – Сумалакарреги).

Сумалакарреги как исторический персонаж

Сумалакарреги стал одной из наиболее мифологизированных фигур в истории Испании XIX в. Участник боевых действий против наполеоновской Франции в 1808–1814 гг. и Роялистской войны 1821–1823 гг., в 1833 г. он без колебаний примкнул к карлистам.

Поводом для Первой Карлистской войны (1833–1840) послужил спор о правах на престол между доном Карлосом (братом скончавшегося в 1833 г. короля Фердинанда VII) и малолетней принцессой Изабеллой (дочерью покойного монарха), интересы которой представляла ее мать, королева Мария-Кристина. При этом противостояние между карлистами и их противниками было обусловлено рядом социально-экономических причин. Наиболее консервативная часть общества выступила на стороне дон Карлоса, в то время как сторонники «либеральных» преобразований поддерживали партию Изабеллы и Марии-Кристины («кристинос»).

В ноябре 1833 г. Сумалакарреги возглавил карлистскую армию на севере Испании. На тот момент ему было 44 года. Произведенный доном Карлосом в генерал-лейтенанты, Сумалакарреги стал одним из наиболее успешных полководцев Первой Карлистской войны. Во время осады Бильбао в 1835 г. Сумалакарреги был ранен и через несколько дней скончался. Его гибель стала тяжелым ударом для карлистского движения. В дальнейшем в лагере карлистов не нашлось военачальника, равного по полководческому таланту Сумалакарреги, и в конечном итоге дон Карлос потерпел поражение в войне [Oyarzún 1944: 21–68; Zaratiegui 1845].

Вскоре после смерти генерал стал настоящей «иконой» для всех сторонников карлизма. Рассмотрение особенностей формирования образа Сумалакарреги в романе Гальдоса не только

представляет интерес с точки зрения изучения творчества одного из крупнейших испанских писателей второй половины XIX – начала XX в., но и может иметь значение для анализа основных принципов формирования исторических мифов и трансформации образов исторических персонажей в массовом сознании.

Творчество Гальдоса и роман «Сумалакарреги» в оценках литературоведов

За сто лет, прошедших после смерти Гальдоса (писатель скончался 4 января 1920 г.), в Испании и за ее пределами были опубликованы десятки книг и сотни статей, посвященных его творчеству. Большой вклад в изучение наследия писателя внесла монография С. Гилмана, впервые выпущенная в 1981 г. и переизданная в 2016 г. [Gilman 2016]. А. Г. Андреу в своем исследовании показал, как в произведениях писателя отражены важные культурные референции XIX в. и как он использовал отсылки к испанской литературе «золотого века» [Andreu 1989], а Р. Бенитес проанализировал влияние Сервантеса на творчество Гальдоса [Benítez 1990]. Из работ на русском языке, посвященных Гальдосу, отметим публикации Е. В. Смирновой, Б. Ю. Субичуса и О. М. Винниковой [Винникова 2019; Смирнова 2014; Субичус 2014].

Хотя творчество Гальдоса стало предметом исследования в многочисленных научных работах как в Испании, так и за ее пределами, роману «Сумалакарреги» было уделено сравнительно немного внимания. Особенности произведения были рассмотрены в нескольких трудах. Так, Г. Буссагол попытался показать основные источники, которыми пользовался Гальдос при написании произведения, и сделал вывод, что писатель брал информацию о ходе конфликта преимущественно из воспоминаний генерала Х. А. Саратьеги [Boussagol 1924]. Х. Б. Авалле-Арсе проследил связь романа с другими произведениями «Национальных эпизодов» [Avalle-Arce 1970–71].

В то же время особенности формирования образа главного исторического персонажа романа и отражение в произведении наиболее распространенных карлистских мифологем¹ ранее не рассматривались ни в работах отечественных специалистов, ни в зарубежных исследованиях. Цель настоящей статьи – показать, как писатель рисует образ Сумалакарреги и как в романе отразились сформировавшиеся к концу XIX в. мифологизированные представления о лидере карлистов.

Изучение отражения образа Сумалакарреги в творчестве Гальдоса представляет интерес по той

причине, что писатель по своим взглядам был далек от карлистов и близок «либералам» [García López 2003: 564]. Автор анализируемого романа не пытался оправдать карлистов и не ставил перед собой задачи способствовать развитию карлистского мифа о Сумалакарреги. Опираясь преимущественно на мемуаристику, он старался создать объективную картину Первой Карлистской войны.

Мифологизация образа Сумалакарреги

Как отмечает О. В. Боровкова, понятие «исторический миф» пока не получило в науке однозначного определения [Боровкова 2014: 27]. В настоящей работе под мифом будет пониматься «индивидуальный или коллективный образ мышления, который всегда мотивирован и часто имеет экстрасубъективное обоснование», по определению Л. Мичелены [Michelena 1984]. С. В. Конорев сводит историческую мифологию к «мифам массового сознания, мифам власти и мифам о власти», причем автор отмечает, что не всегда можно провести грань между этими категориями [Конорев 2012: 326]. В случае с Сумалакарреги представляется, что образ генерала существует в рамках всех трех видов мифов, выделенных отечественным исследователем.

Р. Барт показал, что мифологические концепты лишены устойчивости, они создаются, изменяются и впоследствии разрушаются [Барт 1994]. Мифологизированный образ Сумалакарреги начал формироваться сразу после смерти главнокомандующего и очень быстро модифицировался. Генерал скончался 24 июня 1835 г.; уже через четыре дня, 28 июня, председатель военного совета при доне Карлосе граф де Вильмур опубликовал некролог Сумалакарреги во французском консервативном издании «La Gazette de France» (см. текст статьи: [Sabatier 1836: XXIII–XXVI]). Автор не только употребил стандартные «ритуальные» формулы, характерные для данного вида текстов, но и добавил ряд придуманных деталей, связанных с историей жизни генерала.

В дальнейшем в карлистской мемуаристике образ генерала все больше идеализировался и все больше удалялся от реального исторического персонажа. Участник войны на стороне карлистов британский доброволец Ч. Ф. Хеннингсен так характеризовал Сумалакарреги: «Вы могли бы легко представить его в роли одного из тех вождей, которые вели европейцев освобождать Святую Землю; он обладал той же рыцарственной отвагой, непоколебимой суровостью и бескорыстным рвением» [Henningesen 1836a: 92]. Князь Ф. фон Лихновски, который попал в Испанию через два года после гибели генерала, отмечал в своих воспоминаниях: «Сумалакарреги по-

читается, как святой, в этих долинах... Он герой песен и баллад, которые будут хранить его имя тогда, когда уже никто не будет помнить о доне Карлосе и Кристине» [Lichnowsky 1942: 185]. На протяжении XIX–XX вв. Сумалакарреги воспринимался как один из героев карлистского движения не только сторонниками дона Карлоса, но и внешними наблюдателями. Французский писатель Виктор Гюго выделял его среди остальных предводителей карлистов и утверждал, что «дело дона Карлоса было проиграно в тот день, когда скончался Сумалакарреги» [Hugo 1880: 121].

В XX в. Сумалакарреги стал одним из исторических персонажей, чей образ использовался в пропагандистских целях франкистским режимом. Во время Гражданской войны 1936–1939 гг. в честь Сумалакарреги был назван один из терcio армии Национальной Испании [Aróstegui 2013: 485–491]. Русский белый эмигрант, проживавший после Второй мировой войны в Испании, генерал Н. В. Шинкаренко писал в своих воспоминаниях, что «когда кто-нибудь из испанских авторов или произносителей речей упоминает о Сумалакарреги, то зачастую его сравнивают с императором Наполеоном» [Белая песня Испании 2018: 17].

Сумалакарреги не только воспевался властями франкистской Испании, но и парадоксальным образом вошел в пантеон героев баскских националистов. «Предтеча» баскского национализма А. Шао опубликовал книгу «Путешествие в Наварру во время восстания басков (1830–1835)», в которой представлял карлистское движение как борьбу баскского народа за независимость. Сумалакарреги, «гениальный горец», который «заклучал в себе всю поэзию войны» [Шао 1865: 417], изображался автором как «рыцарь без страха и упрека». В XX в. Сумалакарреги оставался героем сторонников независимости Страны Басков. Правовед и политик И. Гурручага писал о генерале как о провалившемся национальном герое басков [Gurutxaga 1990]. Заслуживает внимания и тот факт, что в конце XX в. образ католика, монархиста и консерватора Сумалакарреги активно использовался в пропаганде ультралевых боевиков из террористической организации ETA [Urquijo Goitia 2011].

Таким образом, Сумалакарреги стал героем как испанских правых, так и баскских националистов. Можно отметить формирование идеализированного образа, вписываемого в искусственно создаваемую картину мира. Для карлистов, франкистов и баскских националистов Сумалакарреги являлся героем, хотя представления о генерале сторонников этих трех разных идеологий сильно различались. Н. А. Сребрянская, анализируя классификацию мифов, предложенную

Е. Ю. Ильиновой, выделяет два значимых свойства мифа: «его манипулятивность и художественность» [Сребрянская 2017: 119]. Как мы видим, оба данных характерных признака свойственны и мифам о Сумалакарреги.

В то же время среди противников карлистов в войне 1833–1840 гг. отношение к генералу было, в первую очередь, негативным. «Подлый, трусливый вор и убийца Сумалакарреги, которому никогда не будет прощения», – писал о лидере карлистов его бывший сослуживец и начальник генерал В. де Кесада [Cuartel general... 1845].

Неоднократно упоминается Сумалакарреги в воспоминаниях участника войны на стороне кристинос Ф. Фернандеса де Кордобы. Мемуарист отдает должное военному искусству генерала, но старается принизить его образ, лишить его «святости», которой наделяли своего лидера некоторые из процитированных выше авторов. Например, рассказывая о боевых действиях в ноябре 1834 г., Ф. Фернандес де Кордоба приводит слух, согласно которому Сумалакарреги задержался в селении Контраста, потому что «развлекался с одной вдовой, за которой ухаживал»; впрочем, автор сразу же добавляет, что, скорее всего, генерал просто хотел избежать боя [Fernández de Córdoba 1886: 153]. В дальнейшем Ф. Фернандес де Кордоба, однако, пишет, что противники всегда отмечали экстраординарные способности Сумалакарреги [ibid.: 194].

Генерал Сумалакарреги в творчестве Гальдоса

«Сумалакарреги» – это не единственное произведение Гальдоса, в котором упоминается знаменитый полководец дона Карлоса. В романе «Сто тысяч сыновей Святого Луиса» (1877), также относящемся к «Национальным эпизодам», Сумалакарреги упомянут как один их участников Роялистской войны на севере Испании. В «Апостоликах» (1879), предпоследнем романе второй серии «Национальных эпизодов», Сумалакарреги изображен на параде в Мадриде в декабре 1829 г.² Будущий лидер карлистов, «худой человек высокого роста»³, падает с лошади. Гальдос пишет, что «он напоминал Дон Кихота, упавшего на землю после одного из своих несчастных приключений» [Pérez Galdós 2003a: 20–21]⁴.

Действие романа «Сумалакарреги» охватывает временной промежуток между октябрём 1834 г. и июнем 1835 г. Главный герой романа – священник Хосе Фаго – является своего рода «двойником» Сумалакарреги. На страницах произведения показывается мистическая связь между служителем Церкви и знаменитым генералом. Гальдос, оставаясь идеологически далеким от карлизма, пытается предложить свое видение

образа Сумалакарреги, включая в свой текст элементы из разных нарративных традиций и рисуя противоречивую фигуру лидера карлистов.

Текст романа «Сумалакарреги» можно условно разделить на две части: панораму исторических событий, которую рисует перед читателем Гальдос («историческая» часть), и собственно художественный нарратив, в рамках которого реальные исторические персонажи взаимодействуют с вымышленными героями («художественная» часть).

Сумалакарреги представлен читателю уже в самом начале произведения: «Гордый своими успехами в делах у Сальватьерры и Алегррия-дела-Алава, Сумалакарреги вторгся в Риберу-Наварру» [Pérez Galdós 2003b: 23]. В «исторической» части генерал предстает как талантливый полководец, грозный вождь повстанцев: «Сумалакарреги сражался без устали. Несравненный мастер управления войсками... ведомый своим удивительным умом и глубокими знаниями военного искусства, он оставлял своим львиным когтем исторический след на горящей земле» [ibid.: 24]. Образ, который рисует здесь перед читателем Гальдос, соотносится с тем, как изображали своего лидера сами участники карлистского движения.

Фаго под влиянием слухов о Сумалакарреги испытывает робость при мысли о возможной встрече с главнокомандующим: «В голове священника фигура героя войны выросла до таких размеров, что к желанию клирика увидеть его вблизи, поговорить с ним и послушать его, примешивался страх, что такой великий и славный персонаж в реальной жизни не будет соответствовать ожиданиям» [ibid.: 47]. Автор намекает на то, что мифы, которыми окружен Сумалакарреги, могут рассеяться при более близком знакомстве с героем.

Действительно, первое появление Сумалакарреги в «художественной» части романа лишено какой-либо величественности. «Он [Саратьеги] пошел к командующему, который разместился в доме местного священника, и, как говорили, провел жуткую ночь из-за проблем с мочеиспусканием, которые часто испытывал» [ibid.: 50]. Следующее упоминание Сумалакарреги в тексте также лишено помпы и торжественности, на что указывает сам автор: «Герой, стоя у окна своей комнаты, был занят таким обыденным делом, как бритье, наблюдая одновременно, как бабы спускались по лестнице» [ibid.: 55]. В данном отрывке следует обратить внимание на использование лексемы «hembra» (досл. «самка») применительно к женщинам, которые спасались по веревочной лестнице из осажденной карлистами церкви в селении Вильяфранка.

Вскоре Фаго впервые увидел Сумалакарреги. С точки зрения священника, во внешности генерала не было ничего «героического»: «Выше среднего роста и при этом довольно тощий. Одно плечо было выше другого» [ibid.: 56]. Первые действия генерала в «художественной» части романа также далеки от героизма и вызывают у читателя негативные чувства по отношению к лидеру карлистов, который бьет плеткой жен вражеских солдат и офицеров. И хотя далее объясняется, что таким образом Сумалакарреги спас их от бессудной расправы со стороны озлобленного населения деревни, созданный в «исторической» части образ величественного полководца окончательно рушится. Стоит отметить, что данный эпизод не является выдумкой Гальдоса: свидетелем событий в Вильяфранке стал прибывший из Франции барон А. дю Касс, который рассказал об избииении женщин генералом в своих воспоминаниях [Du Casse 1840: 43].

Сумалакарреги поручает Фаго ответственную задачу – с небольшой группой людей найти спрятанную в укромном месте старую пушку времен войны с Наполеоном и доставить ее в расположение карлистских войск. Священник является вымышленным персонажем, но история с артиллерийским орудием, которое Сумалакарреги закопал за 20 лет до Первой Карлистской войны и потом использовал в 1834–1835 гг., нашла отражение в мемуарах участников войны. Этот сюжет всплывает в воспоминаниях А. Сабатье, барона дю Касса, Ч. Ф. Хеннингсена и Х. А. Саратьеги [Du Casse 1840: 22; Henningsen 1836b: 105; Sabatier 1836: 121; Zaratiegui 1845: 285–286]. Таким образом, Гальдос обращается к реальному историческому эпизоду, вводит в него вымышленного персонажа и придумывает ряд деталей, относящихся к операции по транспортировке пушки через охваченный войной север Испании. Участники войны приписывают заслугу в поиске пушки самому Сумалакарреги, который дал своим подчиненным точные указания, где находилось орудие. В романе Гальдоса ответственную миссию выполняет «двойник» генерала – Хосе Фаго.

Священник постоянно сравнивает себя с Сумалакарреги. «План донна Томаса был его [Фаго] планом; и его план был лучшим, единственным... Можно было подумать, что его идеи проникли в мозг генерала» [Pérez Galdós 2003b: 137]. Показывая постоянные душевные колебания клирика, Гальдос намекает на внутренние переживания, которые испытывает в глубине души главнокомандующий. Вера в правоту дела донна Карлоса сменяется у Фаго сомнениями, желание сделать военную карьеру – стремлением уйти из армии и жить отшельником. Отец Ибар-

буру, священник из окружения дона Карлоса, заставляет Фаго насильно следовать вместе с армией в сторону Бильбао. Известно, что в июне 1835 г. Сумалакарреги был противником наступления на столицу Бискайи и что он был вынужден начать осаду города под давлением дона Карлоса [Albi de la Cuesta 2017: 220]. Показывая в тексте романа, как Фаго бредет в сторону Бильбао под конвоем солдат, Гальдос намекал, что и сам главнокомандующий был не совсем доволен ходом развития кампании.

Сумалакарреги и Фаго встречаются еще раз уже перед смертью генерала. Перед кончиной Сумалакарреги выглядит, как «святой, погруженный в благочестивые размышления и покаяние» [Pérez Galdós 2003b: 289]. Впервые в «художественной» части романа Гальдос заимствует образ из карлистской мифологии. При этом сравнение генерала с католическим святым более характерно для изобразительного искусства, чем для художественной литературы или мемуаристики. В музее Сумалакарреги в Ормайстеги хранится гравюра Х. Вальехо 1844 г., представляющая генерала, излучающего сияние. Вокруг Сумалакарреги стоят на коленях солдаты. Еще одно изображение лидера карлистов в традициях католической иконографии из фондов данного музея относится к 1858 г. Генерал изображен на смертном одре со спокойным и умиротворенным лицом, у его постели – распятие. Можно предположить, что при написании романа Гальдос вдохновлялся не только воспоминаниями участников войны, но и произведениями живописи.

Заключение

В результате проведенной работы текст романа Сумалакарреги был условно разделен на две части: «историческую» и «художественную». В «исторической» части романа Гальдос рисует идеализированный образ генерала Сумалакарреги. Представление о главнокомандующем как о грозном военачальнике, «новом Наполеоне» и человеке безупречных моральных качеств сформировалось еще в 1830–40-е гг. в карлистской мемуаристике и сохранилось вплоть до второй половины XX в. При этом, как было показано, в XIX–XX вв. получает развитие миф о Сумалакарреги как о баскском национальном герое, который сражался за независимость своего народа против испанцев. Данное представление не находит никакого отражения в анализируемом романе.

В «художественной» части произведения Гальдос сознательно уходит от существующих мифологем и лишает образ генерала героических черт. Автор следует примеру противников Сумалакарреги, которые в своих мемуарах пытались развенчать карлистский миф. Генерал показыва-

ется как сложная, противоречивая фигура, имеющая как достоинства, так и недостатки. Таким образом, в одной части произведения Гальдос опирается на карлистскую мифологию, а в другой – на «либеральную».

Пытаясь раскрыть сложность природы Сумалакарреги, писатель вводит в повествование «двойника» генерала – священника Хосе Фаго. Через образ Фаго Гальдос изображает внутренний мир известного генерала. Если в «исторической» части Сумалакарреги показан как абсолютно преданный абсолютизму персонаж, то в «художественной» читатель видит постоянно сомневающегося героя, находящегося в поиске истины и не способного ее найти. Использование в романе образов, взятых из двух противоположных традиций изображения Первой Карлистской войны, позволяет Гальдосу создать в своем произведении сложный и противоречивый образ генерала Сумалакарреги.

Примечания

¹ В числе наиболее растиражированных карлистских мифов можно отметить представления о карлистах, как о единственных носителях «настоящей» испанской культуры, как о защитниках католической веры от «безбожников», а также восприятие карлистских партизан как «благородных разбойников» (т. е. романтизированный образ Испании в европейской литературе XIX в. накладывался на восприятие карлистского движения). Из наиболее знаковых персонажей в истории карлизма, образы которых идеализировались сторонниками движения, наряду с Сумалакарреги выделяются претендент на испанский престол Карлос VII (1848–1909), претендент на престол и офицер Русской императорской армии дон Хайме (1870–1931) и генерал Р. Тристань (1814–1899). Кроме того, говоря о карлистской мифологии, нельзя не вспомнить о сложной и противоречивой фигуре генерала Р. Кабреры (1806–1877).

² Гальдос допускает небольшую неточность: в его тексте Сумалакарреги фигурирует как подполковник, хотя еще в феврале 1829 г. (за 9 месяцев до описываемых событий) он был возведен в чин полковника.

³ Здесь и далее перевод наш. – А. Т.

⁴ Э. Серрано отмечает, что в «Сумалакарреги» Гальдос обыгрывает также сервантесовские мотивы, переворачивая ситуацию с помешательством Дон Кихота. Главный герой книги Гальдоса Хосе Фаго идентифицирует себя с другим персонажем, только не с вымышленным (подобно герою Сервантеса), а с реально существующим лицом (с самим генералом Сумалакарреги) [Serrano 2013: 656]. Еще одним автором, помимо

Гальдоса, сравнивающим Сумалакарреги и Дон Кихота, является Х. дель Рио Саинс, опубликовавший в 1943 г. книгу «Сумалакарреги», представляющую собой смесь исторического исследования и художественного произведения [Del Río Sainz 1943].

Список литературы

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. Г. К. Косикова. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Универс», 1994. С. 72–130.

Белая песня Испании. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2018. 291 с.

Боровкова О. В. Субъект исторического мифа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8(46). С. 26–29.

Винникова О. М. Языковые средства оценки в романе Б. Переса Гальдоса «Марианелла» // Актуальные вопросы иноязычной профессиональной подготовки: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. М.: Рос. эконом. ун-т им. Г. В. Плеханова, 2019. С. 115–120.

Коноров С. В. Исторический миф в современном российском обществе: происхождение и социокультурная роль // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 325–333.

Смирнова Е. В. Характерные черты испанского реалистического романа (на примере творчества Бенито Переса Гальдоса) // Актуальные проблемы современной науки. 2014. № 6(79). С. 58–66.

Сребрянская Н. А. Политические мифы в сказке Дж. Оруэлла «Animal Farm» и их временная отнесенность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. 2017. Т. 16, № 1. С. 118–125.

Субичус Б. Ю. Наследие классики в постмодернистской литературе: испанский опыт (А. Перес-Реверте и Б. Перес-Гальдос) // Латинская Америка. 2014. № 12. С. 76–88.

Albi de la Cuesta J. El ejército carlista del norte (1833–1839). Madrid: Desperta Ferro, 2017. 496 p.

Andreu A. G. Modelos dialógicos en la narrativa de Benito Pérez Galdós. Amsterdam: John Benjamins, 1989. 126 p.

Aróstegui J. Combatientes requetés en la Guerra Civil Española (1936–1939). Madrid: La Esfera de los Libros, 2013. 1008 p.

Avallé-Arce J. B. Zumalacárregui // Cuadernos Hispanoamericanos. 1970–1971. № 250–252. P. 356–373.

Benítez R. Cervantes en Galdós. Literatura e intertextualidad. Murcia: Universidad, 1990. 163 p.

Boussagol G. Sources et composition de Zumalacárregui // Bulletin Hispanique. 1924. № XXVI. P. 241–264.

Chaho A. Voyage en Navarre pendant l'insurrection des basques (1830–1835). Bayonne: P. Lespès, 1865. 447 p.

Cuartel general de Villalba, 18 de abril de 1834. Marqués de Moncayo a Iturralde // Zaratiegui J. A. Vida y hechos de Don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S. M. Don Carlos V, por el general del mismo Ejército D. J. A. Zaratiegui. Madrid: Imprenta de D. José de Rebolledo y Compañía, 1845. P. 571–572.

Del Río Sainz J. Zumalacárregui. Madrid: Atlas, 1943. 158 p.

Du-Casse H. Ecos de Navarra o Don Carlos y Zumalacárregui. Hechos históricos, detalles curiosos y recuerdos de un oficial carlista. Madrid, 1840. 158 p.

Fernández de Córdoba F. Mis memorias íntimas. Tomo I. Madrid: Establecimiento tipográfico “Sucesores de Rivadeneyra”. Impresores de la Real Casa, 1886. 411 p.

García López J. Historia de la literatura española. Barcelona: Vicens Vives, 2003. 790 p.

Gilman S. Galdos and the Art of the European Novel: 1867–1887. Princeton: Princeton University Press, 2016. 426 p.

González M. Unamuno y la cultura rusa // Cuadernos de la Cátedra Miguel de Unamuno. 1983. № 27–28. P. 85–101.

Gurrutxaga I. Las guerras carlistas en el siglo XIX y su significación en la historia vasca // 150 años del Convenio de Bergara y de la Ley del 25-X-1839, 1990. P. 105–136.

Henningsen C. F. The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacárregui in Navarre and the Basque Provinces / by C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos. Vol. I. London: John Murray, Albemarle-street, 1836a. 310 p.

Henningsen C. F. The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacárregui in Navarre and the Basque Provinces / by C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos. Vol. II. London: John Murray, Albemarle-street. 1836b. 304 p.

Hugo V. En voyage, Alpes et Pyrénées. Paris: J. Hetzel, 1880. 233 p.

Korkonosenko K. Miguel de Unamuno, «un extraño rusófilo» // Cuadernos de la cátedra Miguel de Unamuno. Salamanca. 2000. № 35. P. 13–25.

Lichnowsky F. Recuerdos de la Guerra Carlista (1837–1839). Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1942. 360 p.

Michelena L. Los vascos y su nombre // Revista Internacional de los Estudios Vascos. 1984. № 29. P. 9–29.

Oyarzún R. Historia del carlismo. Madrid: Editora Nacional, 1944. 510 p.

Pérez Galdós B. Los Apostólicos. Biblioteca Virtual Universal, 2003a. 151 p.

Pérez Galdós B. Zumalacárregui. Madrid: Editorial Castalia, 2003b. 318 p.

Sabatier A. Tío Tomás. Souvenirs d'un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d'infanterie au service d'Espagne, deux fois chevalier de première classe de l'ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand. Bordeaux: Chez Granet, Bordeaux, 1836. 211 p.

Serrano E. Formas y temas en la trayectoria literaria del héroe: el caso de Tomás Zumalacárregui // Signa: Revista de la Asociación Española de Semiótica. 2013. № 22. P. 643–674.

Urquijo Goitia J. R. Tomás Zumalacárregui, literatura y mito // Revista de historia Jerónimo Zurita. 2011. № 86. P. 249–280.

Wislocka B. «Rara avis»: traducciones españolas del polaco // II Encuentros Complutenses. Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1988. P. 279–288.

Zaratiegui J. A. Vida y hechos de Don Tomás de Zumalacárregui, nombrado por el señor don Carlos María Isidro de Borbón, capitán general del ejército realista, duque de la Victoria y conde de Zumalacárregui. Madrid: Imprenta de D. José de Rebolledo y Compañía, 1845. 583 p.

References

Barthes R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Transl. by G. K. Kosikov. Moscow, Izdatel'skaya group 'Progress', 'Univers', 1994, pp. 72–130. (In Russ.)

Belaya pesnya Ispanii [The white song of Spain]. Kursk, The Southwest State University Press, 2018. 291 p. (In Russ.)

Borovkova O. V. Sub"ekt istoricheskogo mifa [Subject of historical myth]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2014, issue 8(46), pp. 26–29. (In Russ.)

Vinnikova O. M. Yazykovye sredstva otsenki v romane B. Peresa Gal'dosa 'Marianella' [Linguistic means of assessment in B. Perez Galdos's novel 'Marianella']. *Aktualnye voprosy inoyazychnoy professionalnoy podgotovki. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current Issues of Professional Foreign Language Trai-

ning. Proceedings of the 4th International Scientific-Practical Conference]. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics Press, 2019, pp. 115–120. (In Russ.)

Konorev S. V. Istoricheskiy mif v sovremennom rossiyskom obshchestve: proiskhozhdenie i sotsiokul'turnaya rol' [Historical myth in modern Russian society: Origin and sociocultural role]. *Krizisy pere-lomnykh epokh v istoricheskoy pamyati* [Crisis of the turning points in historical memory]. Moscow, IWH RAS, Publ., 2012, pp. 325–333. (In Russ.)

Smirnova E. V. Kharakternye cherty ispanskogo realisticheskogo romana (na primere tvorchestva Benito Peresa Gal'dosa) [Specific features of the Spanish realistic novel (case study of Benito Perez Galdos's works)]. *Aktualnye problemy sovremennoy nauki* [Current Issues of Modern Science], 2014, issue 6(79), pp. 58–66. (In Russ.)

Srebryanskaya N. A. Politicheskie mify v skazke Dzh. Oruella 'Animal Farm' i ikh vremennaia sootnesennost [Political myths in G. Orwell's fairy tale Animal Farm and their temporal reference]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 16, issue 1, pp. 118–125. (In Russ.)

Subichus B. Yu. Nasledie klassiki v postmodernistskoy literature: ispanskiy opyt (A. Peres-Reverte i B. Peres-Gal'dos) [Classical legacy in postmodern literature: Spanish experience (A. Pérez Reverte and B. Pérez Galdós)]. *Latinskaya Amerika*, 2014, issue 12, pp. 76–88. (In Russ.)

Albi de la Cuesta J. *El ejército carlista del norte (1833–1839)*, Madrid, Desperta Ferro, 2017. 496 p. (In Span.)

Andreu A. G. *Modelos dialógicos en la narrativa de Benito Pérez Galdós*. Amsterdam, John Benjamins, 1989. 126 p. (In Span.)

Aróstegui J. *Combatientes requetés en la Guerra Civil Española (1936–1939)*. Madrid, La Esfera de los Libros, 2013. 1008 p. (In Span.)

Avallé-Arce J. B. 'Zumalacárregui'. *Cuadernos Hispanoamericanos*, 1970–1971, issue 250–252, pp. 356–373. (In Span.)

Benítez R. *Cervantes en Galdós. Literatura e intertextualidad*. Murcia, Universidad, 1990. 163 p. (In Span.)

Boussagol G. Sources et composition de Zumalacárregui. *Bulletin Hispanique*, 1924, issue 26, pp. 241–264. (In Fren.)

Chaho A. *Voyage en Navarre pendant l'insurrection des basques (1830–1835)*. Bayonne, P. Lespès, 1865. 447 p. (In Fren.)

Cuartel general de Villalba, 18 de abril de 1834. Marqués de Moncayo a Iturralde. Zaratiegui J. A.

- Vida y hechos de Don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S. M. Don Carlos V, por el general del mismo Ejército D. J. A. Zaratiegui, Madrid, Imprenta de D. José de Rebolledo y Compañía, pp. 571–572. (In Span.)
- Del Río Sainz J. *Zumalacárregui*. Madrid, Atlas, 1943. 158 p. (In Span.)
- Du-Casse H. *Ecos de Navarra o Don Carlos y Zumalacárregui. Hechos históricos, detalles curiosos y recuerdos de un oficial carlista*. Madrid, 1840. 158 p. (In Span.)
- Fernández de Córdoba F. *Mis memorias íntimas*. Madrid, Establecimiento tipográfico ‘Sucesores de Rivadeneyra’. Impresores de la Real Casa, 1886, vol. 1. 411 p. (In Span.)
- García López J. *Historia de la literatura española*. Barcelona, Vicens Vives, 2003. 790 p. (In Span.)
- Gilman S. *Galdos and the Art of the European Novel: 1867–1887*. Princeton, Princeton University Press, 2016. 426 p. (In Eng.)
- González M. Unamuno y la cultura rusa. *Cuadernos de la Cátedra Miguel de Unamuno*, 1983, issue 27–28, pp. 85–101. (In Span.)
- Gurrutxaga I. Las guerras carlistas en el siglo XIX y su significación en la historia vasca, *150 años del Convenio de Bergara y de la Ley del 25-X-1839*, 1990, pp. 105–136. (In Span.)
- Henningsen C. F. *The most striking events of a twelvemonth’s campaign with Zumalacárregui in Navarre and the Basque Provinces. By C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos*. London, John Murray, Albemarle-street, 1836a, vol. 1. 310 p. (In Eng.)
- Henningsen C. F. *The most striking events of a twelvemonth’s campaign with Zumalacárregui in Navarre and the Basque Provinces. By C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos*, London, John Murray, Albemarle-street, 1836b, vol. 2. 304 p. (In Eng.)
- Hugo V. *En voyage, Alpes et Pyrénées*. Paris, J. Hetzel, 1880. 233 p. (In Fren.)
- Korkonosenko K. Miguél de Unamuno, ‘un extraño rusófilo’, *Cuadernos de la cátedra Miguel de Unamuno*. Salamanca, 2000, issue 35, pp. 13–25. (In Span.)
- Lichnowsky F. *Recuerdos de la Guerra Carlista (1837–1839)*. Madrid, Espasa-Calpe, S. A., 1942. 360 p. (In Span.)
- Michelena L. Los vascos y su nombre. *Revista Internacional de los Estudios Vascos*, 1984, issue 29, pp. 9–29. (In Span.)
- Oyarzún R. *Historia del carlismo*. Madrid, Editora Nacional, 1944. 510 p. (In Span.)
- Pérez Galdós B. *Los Apostólicos*. Biblioteca Virtual Universal, 2003a. 151 p. (In Span.)
- Pérez Galdós B. *Zumalacárregui*. Madrid, Editorial Castalia, 2003b. 318 p. (In Span.)
- Sabatier A. *Tío Tomás. Souvenirs d’un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d’infanterie au service d’Espagne, deux fois chevalier de première classe de l’ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand*. Bordeaux, Chez Granet, Bordeaux, 1836. 179 p. (In Fren.)
- Serrano E. Formas y temas en la trayectoria literaria del héroe: el caso de Tomás Zumalacárregui. *Signa: Revista de la Asociación Española de Semiótica*, 2013, issue 22, pp. 643–674. (In Span.)
- Urquijo Goitia J. R. Tomás Zumalacárregui, literatura y mito. *Revista de historia Jerónimo Zurita*, 2011, issue 86, pp. 249–280. (In Span.)
- Wislocka B. ‘Rara avis’: traducciones españolas del polaco. *II Encuentros Complutenses*. Madrid, Universidad Complutense de Madrid, 1988, pp. 279–288. (In Span.)
- Zaratiegui J. A. *Vida y hechos de Don Tomás de Zumalacárregui, nombrado por el señor don Carlos María Isidro de Borbón, capitán general del ejército realista, duque de la Victoria y conde de Zumalacárregui*. Madrid, Imprenta de D. José de Rebolledo y Compañía, 1845. 583 p. (In Span.)

THE NOVEL 'ZUMALACÁRREGUI' BY BENITO PÉREZ GALDÓS AND TRANSFORMATIONS OF HISTORICAL MYTHS IN LITERATURE

Andrei A. Tereshchuk

Associate Professor in the Department of Romance Philology

Herzen University

48, Naberezhnaya Moiki st., St. Petersburg, 191186, Russia. atereschuk@herzen.spb.ru

SPIN-code: 1210-6319

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

ResearcherID: R-5417-2019

Submitted 09.01.2020

The article studies the reflection of Carlist and 'Liberal' mythological concepts, formed in 1830s–1890s in Spain, in the novel *Zumalacárregui* by Benito Pérez Galdós. There is given a brief overview of some previous research works concerning Galdós's *National Episodes* and the novel *Zumalacárregui*. The paper focuses on the ways of representation of general Tomás de Zumalacárregui (1788–1835) in the novel and shows the processes of creating the myths related to the general. In the 19–20th centuries, Zumalacárregui became a hero for the representatives of three different ideologies: Carlism, Francoism, and Basque Nationalism. It is shown that mythologization of the general began just after his death in 1835. Based on the text of the novel, there are made conclusions concerning the sources that Galdós used when creating it. The writer studied the most relevant memoirs about the First Carlist War. The paper shows how Galdós's text was influenced by the memoirs of A. Sabatier, Ch. F. Henningsen, F. von Lichnowsky, J. A. Zaratiegui, F. Fernández de Córdoba, and H. Du-Casse. It is also noted that Galdós could have been inspired by some pictures created in the traditions of 'Carlist visual art'. It is concluded that the writer used both Carlist and 'Liberal' myths concerning Tomás de Zumalacárregui. The text of the novel is divided into two parts, 'historical' and 'narrative'. The 'historical part', i. e. a general description of the First Carlist War military operations carried out in 1834–1835, is mainly based on Carlist sources. In this part, the general Zumalacárregui is described as a war hero. The 'narrative part' mainly refers to 'Liberal' sources. The author introduced in this part a fictional character, priest José Fago, being the general's 'double'. Through Fago's moral doubts and hesitations Galdós showed the internal tension of Zumalacárregui.

Key words: historical myths; Carlism; First Carlist War; historical novel; Benito Pérez Galdós.

УДК 82.31
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-130-138

МЕТАПРОЗАИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

Мария Александровна Черняк

д. филол. н., профессор кафедры русской литературы

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48. ma-cher@yandex.ru

SPIN-код: 4364-6689

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9291-1781>

ResearcherID: M-6658-2016

Марине Амраевна Саргсян

аспирант кафедры русской литературы

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48. marinasargsyan006@gmail.com

SPIN-код: 5400-2196

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6414-4017>

Статья поступила в редакцию 09.01.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Черняк М. А., Саргсян М. А. Метапрозаические стратегии в современной прозе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 130–138. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-130-138

Please cite this article in English as:

Chernyuk M. A., Sargsyan M. A. Metaaprozaischeskie strategii v sovremennoy proze [Metafictional Strategies in Modern Prose]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 130–138. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-130-138 (In Russ.)

С возникновением и развитием теории метапрозы круг произведений, которые можно отнести к этому явлению, постоянно расширяется, находя глубинные истоки в истории формирования романа как жанра. Современная российская метапроза, развивающаяся в условиях перезагрузки литературоцентризма и создания новых практик, активно представлена на разных этапах развития современной русской литературы: в элитарной («Пушкинский Дом» А. Битова, «t» В. Пелевина, «Голубое сало» В. Сорокина и др.), в беллетристике («Счастье возможно» О. Зайончковского, «Качество жизни» А. Слаповского, «Медведки» М. Галиной, «Самоучки» А. Уткина и др.), массовой литературе («Стилист» А. Марининой, «Мальчики да девочки» Е. Колиной, «Точка невозврата» П. Дашковой и др.). В статье проанализированы различные метапрозаические стратегии в современной прозе. Обнаруживается, что процесс создания художественного текста является одним из сквозных сюжетов современной метапрозы. Связано это прежде всего с желанием писателей зафиксировать и отрефлексировать сложные и противоречивые стратегии письма XXI в. Приводятся примеры разных проявлений метапрозаической стратегии: «тройная литературная матрешка» («Литературная рабыня: будни и праздники» Н. Соколовской), тема перевода и мистификации («Перевод с подстрочника» Е. Чижова и «Стилист» А. Марининой), авторская рефлексия («Адапатор» А. Слаповского), «роман о писателе» («Счастье возможно» О. Зайончковского), текст, созданный в соавторстве с новым типом читателя («Арбайт. Широкое полотно» Е. Попова). Во всех проанализированных текстах ставятся вопросы об изменении роли писателя и читателя в современном мире и о новых писательских и издательских отношениях.

Ключевые слова: современная проза; метапроза; саморефлексия; писатель; читатель, издательские стратегии.

Современная проза – это зеркало, в котором отражаются важнейшие социокультурные параметры эпохи. Пестроту, полярность, противоречивость времени можно обнаружить в столь же противоречивых и пестрых тенденциях современной литературы, в которой иронические детективы Д. Донцовой будут соседствовать с романами Е. Водолазкина, а фантастика С. Лукьяненко с прозой М. Шишкина. Критик С. Оробий с иронией отметил, что сегодня существует два типа писателей: «Одни – писатели *par excellence*. Они родились внутри алфавита, живут в нем и постигают мир с его помощью. Им, как Акакию Акакиевичу, внутри букв уютно. В России таких записывают в «чистое искусство» – в диапазоне от Пушкина и Фета до Толстой и Сорокина. А другие к буквам пришли. Они были задуманы иначе – как преподаватели, историки, плотники, мало ли нужных профессий – в общем, жизненная доминанта у них другая... однако же занялись сочинительством. Поэтому их эстетика нередко вызывает споры, творческая манера раздражает. Они (пользуясь названием давнего романа Славниковой) – люди, увеличенные до размеров писателей» [Оробий 2018]. Можно предположить, что писатели первого типа родились не столько «внутри алфавита», сколько внутри текста под названием «русская литература». Поэтому логично утверждать, что существование метапрозаических стратегий в современной прозе является вполне закономерным и объяснимым.

Современная стадия развития литературы демонстрирует разнообразные жанровые сдвиги, скрещения и синкретические формы. Литературный процесс «ускоряется», формируются новые жанры и субжанры. Подобную динамику возникновения и закрепления новых жанров и форм художественных произведений можно обнаружить в разных стратах – в элитарной литературе, беллетристике, массовой литературе и, безусловно, в детской литературе, вбирающей в себя все основные черты современного литературного процесса. Слова Ю. Н. Тынянова о том, что в истории литературы возникают периоды, когда «из центра жанр перемещается на периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин всплывает в центр новое явление» [Тынянов 1993:124], часто вспоминаются при обращении к современному литературному процессу. Эстетические эксперименты современной прозы затрагивают самые основы жанрового мышления и отражают кризис жанрового сознания в начале третьего тысячелетия, а внутренняя перестройка российской словесности влечет за собой радикальное изменение жанрового репертуара.

Т. Н. Маркова справедливо говорит о двух направлениях трансформации романного слова:

сужение семантического поля, свертывание, редукция – это путь минимализации, с одной стороны, и расширение границ, скрещение с другими – это путь гибридации, с другой стороны: «Общий для всех жанров современной прозы процесс минимализации сказывается в свертывании романов в микророманы, романы в стенограммы. Насыщенность-избыточность (гиперинформативность) в таких текстах парадоксально соединяется со стенографическим минимализмом. Параллельно с минимализацией отчетливо проявляется тенденция к объединению прозаических миниатюр разной степени связанности – монтажу и циклизации. Свободное и просторное жанровое поле цикла создает наиболее комфортные условия для реализации многожанрового мышления, для экспериментов по скрещиванию жанров, для эстетической игры» [Маркова 2012: 238].

Метапроза обладает целым рядом устойчивых признаков, которые сформировались на протяжении столетий (хотя термины «метапроза» и «метастратегия» появились в 1970-х гг., литературная практика старше самого термина). М. Бахтин подчеркивал специфику художественно-прозаического слова как слова диалогичного, способного сделать сам художественный язык «объектом осознания, рефлексии». Представление об изначальном тяготении романного слова к «самокритичности», ставшее одной из идей бахтинской теории романа, оказывается особенно продуктивным с точки зрения исследования метапрозы. Так, Д. Сегал, разрабатывая теорию метапрозы, исходит из того, что «в романе всегда присутствует эксплицитно выраженная ориентация на автометаописание. В романе всегда говорится об авторе или его тексте, о соотношении рассказчика или рассказчиков с автором, о соотношении данного текста с другими» [Сегал 2006: 63]. Бахтинский «творческий хронотоп» в метапрозе актуализируется и усиливается за счет пространственно-временной свободы и, по мысли М. Н. Липовецкого, «приобретает равноправное положение по отношению к «реальным» хронотопам» [Липовецкий 1997:47]. М. Н. Липовецкий, обобщая разные подходы к поэтике метапрозы, выделил ее устойчивые признаки, которые в дальнейшем легли в основу изучения русской метапрозы. В метапрозе процесс творчества (создания художественного текста) становится одной из главных тем. В результате этого происходит перенос акцента с того, что изображается, на то, как и кем изображается. Субъект «авторского повествования об авторском повествовании» (Ю. Лотман) выходит на первый план, возникает образ «самосознающего повествователя», «автора-героя», который является персонифика-

цией «внезапного автора-творца» (М. Бахтин). Отсюда возникает «зеркальность повествования», «позволяющая постоянно соотносить героя – писателя и автора-творца, «текст в тексте» и «рамочный текст» [Липовецкий 1997: 46]. История героев находится в процессе конструирования или реконструирования, поэтому в текстах метапрозы очень часто встречаются черновые проработки, записи, неосуществленные замыслы, явление пересоздания событий и т. д. По мысли М. Н. Липовецкого, это активизирует читателя и ставит его «в положение со-участника творческой игры (отсюда исключительная роль пародий, самопародий, разного рода загадок, ребусов, анаграмм и т. п.)» [там же].

Еще одной важной особенностью метапрозы является саморефлексия автора над структурой художественного произведения, над литературными формами и канонами, что мотивирует «обнажение приемов» – своих и чужих (следствием этого становится использование пародий, интертекстуальной игры, ремесленничества и т. д.). О. С. Мирошниченко отмечает, что «создание иллюзии “неготового настоящего” настроено на обязательное озадачивание читателя текстом, формирование в своем читателе активного создателя» [Мирошниченко 2001: 6]. Для метапрозы также показательны вставные отрывки текста – авторских комментариев, отступлений, замыслов, пересказов событий и т. д. В совокупности все эти признаки метастратегии рожают постоянную рефлексию по поводу взаимоотношений реальности и художественного вымысла [Vermeulen 2010; Metamodernism 2017].

Современная российская метапроза развивается в условиях перезагрузки литературоцентризма и создания новых практик. Слова Д. М. Сегала о том, что метапроза «выполняет моделирующую роль – особенно в переломные, кризисные эпохи <...> в ней устанавливаются новые эстетические конвенции, определяется новое место художника, но и строится образ, модель культуры в целом» (цит. по: [Абашева 2016: 116–117]), точно характеризуют и роль метапрозы, активно представленной на разных этапах развития современной русской литературы: в элитарной («Пушкинский Дом» А. Битова, «t» В. Пелевина, «Голубое сало» В. Сорокина и др.), в беллетристике («Счастье возможно» О. Зайончковского, «Качество жизни» А. Слаповского, «Медведки» М. Галиной, «Самоучки» А. Уткина и др.), в массовой литературе («Стилист» А. Марининой, «Мальчики да девочки» Е. Колиной, «Точка невозврата» П. Дашковой и др.).

Прагматический запрос «нового русского читателя» на упрощение культурных символов отражен в романе Антона Уткина «Самоучки», по-

казательном для понимания новых контуров современного метаромана. Важно вспомнить, что герой конца 1990-х рождался на фоне всеобщего упрощения культуры. В. И. Новиков медицинским термином *алексия* [Новиков 2002] обозначил новую культурную ситуацию 1990-х, когда вслед за читательским бумом с фантастическими тиражами толстых журналов и перманентным книжным дефицитом наметился резкий спад интереса к современной словесности. Герой романа, московский бизнесмен Павел Разуваев, нанимает своего старого армейского друга, а теперь журналиста модного журнала, во время поездок по Москве просвещать своего работодателя, пересказывая ему хрестоматийные литературные произведения. П. Басинский писал, что Уткин включил в свой роман историю всей русской литературы, особенно мотивы лермонтовской «Тамани» [Басинский 1999: 6]. Текст романа – своеобразный метатекст, сотканный из пересказов и наивной интерпретации классики. Школьная программа по литературе, преимущественно классика золотого века, осваивается в салоне дорогого автомобиля, колесящего по новорусской Москве: «Мы кружили по холодной Москве, словно мотали пряжу, – впрочем, этот образ устарел еще до изобретения печатного станка. Я выуживал из своей корзины то Иудушку, то Клементинку де Бурбон или висельника Ставрогина, и мы разглядывали в невидимых лучах серого света, едва проникавших сквозь тонированные автомобильные стекла, всех этих несчастных, каторжников и проституток, героев своих времен, снисходительных к себе студентов, смешных скупердяев, всю жизнь наживавших горы мусора, благодушных идиотов, не лишенных доброты, – одним словом, всех тех, кому не жилось на этом свете, потому что не хватало любви, или тех, у кого ее было в избытке <...> Предметом нашего внимания оставалась русская литература, но к этому стволу я прививал время от времени шедевры мировой, почти каждый день я что-то перечитывал и обнаруживал, что самому мне далеко не все понятно. <...> Простой вопрос о смысле искусства, поставленный передо мной Павлом на первом занятии, разросся в целую проблему, распутать которую не помогали даже соображения светлых умов прошлого, предусмотрительно оставленные в письменной форме» [Уткин 1999: 97–98]. Соотношение героя-рассказчика с героем и автора романа с героем-рассказчиком – еще один важный вопрос для метароманной структуры романа. Петр и Павел – антагонисты, «просветитель, перелазатель русской классики» Петр, от лица которого ведется рассказ, – полная противоположность деятельному герою Павлу, своеобразному «новому» Ло-

пахину. Уткин с присущей ему иронией вскрывает очень важные проблемы современной культуры. Резкое снижение уровня читательской компетенции, колоссальное количество культурных лакун, препятствующих общению, в значительной степени вызваны изменением типа культуры и вызовами цифровой эпохи.

Процесс создания художественного текста является одним из сквозных сюжетов современной метапрозы. Связано это прежде всего с желанием писателей понять, зафиксировать, отрефлексировать сложные и противоречивые стратегии письма XXI в.

Роман Натальи Соколовской «Литературная рабыня: будни и праздники» вышел под псевдонимом *Наталья Сорбатская*. М. Амусин главными чертами метапрозы считает «рефлексию о писательском бытии и ремесле, об инструментах и приемах, о том, как строится литературный опус вообще» [Амусин 2016]. Н. Соколовская знакомит читателя с секретами издательского дела и с тайнами писательского мастерства (история написания текстов Айдан, Кати и Томилины). Автор метаромана «изображает мир или с точки зрения участвующего в изображенном событии героя, или с точки зрения рассказчика, или подставного автора, или, наконец, не пользуясь ничьим посредством, ведет рассказ прямо от себя как чистого автора (в прямой авторской речи)» [Чемодурова 2013]. Героиня Соколовской Даша – это не alter ego автора, а, скорее, идеальный персонаж, воплощающий авторский взгляд на природу литературного творчества. Ю. Боров называет текст в тексте «своеобразной литературной матрешкой» (цит. по: [Чупринин 2007: 565]). Вот у Соколовской складывается «тройная литературная матрешка»: героиня романа рассказывает о своей жизни, в том числе о своей профессии редактора; она редактирует романы Айдан и Кати и становится их соавтором; в своих романах Айдан и Катя рассказывают о своей жизни. Любовный роман Кати, автобиографическая исповедь Айдан и производственный роман Даши причудливо переплетаются. «Литературная рабыня» – роман, на всех уровнях текста очень точно ставящий диагноз современному литературному процессу.

Главный герой романа Евгения Чижова «Перевод с подстрочника» – малоизвестный московский поэт Олег Печигин едет в далекий Коштырбастан (вымышленная экзотическая восточная страна) по приглашению студенческого друга Тимура Касымова переводить стихи президента Рахматкула Гулимова на русский язык. В романе с самого начала задается тема литературоцентричности (например, фамилия главного героя Олега Печигина – Печигин – Печорин (русский

человек на Востоке)). В интервью Е. Чижев говорил, «что, выбирая эту фамилию, действительно, думал о Печорине – герое нашего времени. Любопытно, что первый и главный на все времена герой своего времени является, как и мой персонаж, путешественником и действует вовсе не «внутри» своего времени, то есть не в Петербурге и вообще не в России, а на Кавказе, где «свое» граничит с чужим и переходит в чужое» [Интервью Чижева 2014]. Постигание «чужого» становится главной целью жизни Печигина в Коштырбастане. В. Котелевская пишет, что сюжеты метароманов повествуют «о чтении, письме, печати, издании, переводе и разрушении книг» [Котелевская 2018: 128]. В романе «Перевод с подстрочника» описан творческий процесс создания художественного текста, ставятся вопросы о роли поэта и поэзии в жизни современного общества. В текст романа включены подстрочники стихотворений Народного Вожаго, политика и поэта, которые дополняют и комментируют разговоры Олега с героями романа. Политическая власть Народного Вожаго, так называют президента в Коштырбастане, для Е. Чижева лишь воплощение власти поэта, реализовавшего идею А. Рембо о поэте как ясновидце и демиурге. Что было бы, если бы правил поэт, – очень многие задавались этим вопросом, и Е. Чижев показывает, как это могло выглядеть: «...художник не на обочине общества или в роли шута при нем, а во главе страны, обладающий властью, позволяющей ему превратить слово в реальность» [там же]. Здесь, безусловно, есть отсылка к словам из знаменитой Нобелевской лекции И. Бродского: «Мне думается, что потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать прежде всего не о том, как он представляет себе курс иностранной политики, а о том, как он относится к Стендалю, Диккенсу, Достоевскому. Хотя бы уже по одному тому, что насущным хлебом литературы является именно человеческое разнообразие и безобразие, она, литература, оказывается надежным противоядием от каких бы то ни было – известных и будущих – попыток тотального, массового подхода к решению проблем человеческого существования» [Бродский 1987].

В романе Е. Чижева много размышлений о творчестве, о поэзии, рассказов о длинных вечерах в московском кафе, где друзья-поэты читали друг другу свои стихи, обсуждали и спорили. Печигину запомнились слова друга – поэта Владика Коньшина – о том, что «если б его стихи чего-нибудь бы стоили, они бы могли остановить эту бойню (события в Чечне) – а так это просто испачканная чернилами бумага», и Коньшин сжигает собственные рукописи [Чижев 2013: 194].

М. Липовецкий пишет, что «в метапрозе конфликтность главным образом проявляется между видимой материальностью повседневного псевдобытия и иллюзорной хрупкостью творческого создания» [Липовецкий 1997:50]. Но попытка Печигина изменить «повседневное псевдобытие» терпит крах, как и попытка его друга-поэта, надеявшегося, что его поэзия может остановить войну.

Детективный сюжет, тема перевода, мистификаций и секретов издательского бизнеса неожиданно сближает роман Е. Чижова с романом Александры Марининой «Стилист». Главный герой детектива – профессиональный переводчик японской литературы Владимир Соловьев. Между романом Е. Чижова и романом «Стилист» можно провести несколько параллелей. Герои Е. Чижова и А. Марининой работают над чужими текстами – Печигин переводит с подстрочника, Соловьев знает японский и переводит иероглифы, у одного – поэзия, у другого – проза. Название романа «Перевод с подстрочника» отсылает к профессии Соловьева – он тоже переводчик и переводит произведения, связанные с Востоком. В романах «Перевод с подстрочника» и «Стилист» описан творческий процесс создания художественного текста, но работа не над своим (как в большинстве метароманов), а над чужим текстом для создания нового художественного произведения. Перед читателем романа «Стилист» разворачивается история создания издательских серий – романов с восточной стилизацией, раскрываются издательские тайны, переживания создателя текста. Если задача Печигина – по подстрочникам на коштырском языке сделать перевод стихов и создать новый художественный текст на русском языке, то задача Соловьева – перевод (а в реальности – создание нового текста) графоманского японского романа.

Е. Чижов, как уже говорилось, сделал своего героя переводчиком, установил прямую связь между никому не нужным московским литератором и поэтом-властителем. В романе А. Марининой «Стилист» между никому ненужным японским писакой и всемирно известным японским писателем устанавливается связь с помощью переводчика Владимира Соловьева. Из «беспомощного лингвистического лепета некоего безграмотного японца», от которого отказывались японские издатели, Соловьев создал целую серию книг, которые «пользовались бешеным успехом у российских читателей» [Маринина 2014: 368]. Созданные Соловьевым романы переводились на английский или еще на какой-то распространенный язык и становились мировыми бестселлерами. «Русские переводы публикуются под псевдонимом А. Накахара, а все

остальные под подлинным именем автора Отори Митио» [там же: 410]. А. Маринина показывает яркий пример литературного проекта (когда создается серия произведений по заранее запланированной автором или издательством схеме) [Черняк, Черняк 2016: 94], связанного с мистификацией, когда «читателя преднамеренно вводят в заблуждение относительно авторства того или иного произведения» [там же: 111]. Серии «Восточный бестселлер» и «Любовный роман Востока» издательства «Шерхан» – издательские литературные проекты, связанные с мистификацией и стилизованные под японскую культуру. Этот издательский литературный проект приносил «Шерхану» большие деньги, и о том, кто на самом деле создает эти книги, никто не знал, а переводчику Соловьеву платили лишь маленькую часть гонораров японского писателя. Тема издательского мира как важнейшей составляющей современного литературного процесса связывает роман А. Марининой и с романом Н. Соколовской «Литературная рабыня: будни и праздники». Серийная героиня Марининой Настя Каменская не только расследует преступление, но и раскрывает механизм создания издательских проектов.

Тема издательских проектов, писательской зависимости от формата и серии становится сюжетообразующей в романах Б. Акунина, Д. Быкова, П. Дашковой и др. В этом контексте можно вспомнить роман В. Пелевина «t», текст многоярусный, порождающий много смыслов. Нельзя не согласиться с культурологом и лингвистом М. Эпштейном, полагающим, что Пелевин – это не массовая и не элитарная литература, а «литература взаимного подстрекательства массы и элиты. Благодаря Пелевину происходят чудеса социально-психологической трансмутации: массовый читатель чувствует себя удостоенным элитарных почестей, посвященным в намеки и перемиги избранных, а элитарный читатель присоединяется к массам, жаждущим чуда и откровения, пусть даже в самой дешевой или нарочито удешевленной упаковке (чем дешевле упаковка, тем по контрасту драгоценнее содержимое)» [Эпштейн]. Роман «t» представляет собой сатирическую карикатуру на литературу во всех аспектах, от книгоиздательской кухни до метафизики творчества. Пелевин сканирует современный литературный процесс, ставя ему неутешительный диагноз. Конфликт разворачивается между графом Т. и преуспевающим писателем Ариэлем Эдмундовичем Бахманом (чье имя в траурной рамке значится в выходных данных книги в качестве литературного редактора). Ариэль открывает графу, что он – персонаж литературного произведения, создаваемого командой

высокооплачиваемых литераторов. Именно Ариэлю принадлежал приговор современной литературе: «В ваше время писатель впитывал в себя, фигурально выражаясь, слезы мира, а затем создавал текст, остро задевающий человеческую душу. Людям тогда нравилось, что их берут за душу по дороге с земского собрания на каторгу. <...> Но сейчас, через столетие, от писателя требуется преобразовать жизненные впечатления в текст, приносящий максимальную прибыль. Понимаете? Литературное творчество превратилось в искусство составления буквенных комбинаций, продающихся наилучшим образом. Это тоже своего рода каббала. <...> Эта рыночная каббалистика изучается маркетологами. Писателю остается только применять ее законы на практике» [Пелевин 2010: 144]. Критик Л. Данилкин пишет о базовой метафоре пелевинского романа так: «...мир есть роман, пишущаяся книга; соответственно, создание и функционирование мира есть написание и чтение книги, в которой в разной степени задействованы Автор, Читатель и – третий, мистический член пелевинской троицы – «Ты», дух / душа» [Данилкин 2010]. Действительно, в «t» Пелевин рисует довольно страшный социологический портрет современного читателя как объекта рыночных манипуляций и одновременно создает философскую концепцию Читателя.

Еще одним принципом организации метапрозаического повествования в современной прозе становится авторская рефлексия. Показателен в этом отношении роман Алексея Слаповского «Адапатор». Анисимов – типичный пример литературного поденщика, который под разными псевдонимами за четыре года сочинил 24 романа. Кроме того, Анисимов работает адаптатором текстов. Так, например, в романе есть пять разных типов текста, в них автор показывает работу адаптатора над текстом, раскрывает секреты создания литературного произведения (исправление ошибок, пересказы, стилизации и т. д.), визуально играя шрифтами. Жирным шрифтом выделены отрывки, представляющие собой разные варианты одного и того же события (в обычном и адаптированном формате). Анисимов, подражая стилю им же придуманных авторов, некоторые происходящие с ним события описывает так, как бы их описали они (Темнова, Панаевский и т. д.), зачеркнутые отрывки («зачеркивание – один из этапов работы адаптатора – так он отмечает то, что предполагает выкинуть, но пока сомневается») [Слаповский 2004: 15–16]. Перед читателем воссоздается творческая история текста, своеобразная авторская текстология XXI в. «Обнажение приема» делает читателя участником творческого процесса. В романе «Адапатор» А. Слапов-

ского так же, как и в романах Н. Соколовской и А. Марининой, обсуждается вопрос о взаимоотношениях автора с издателем, об издательских проектах. Показательны разговоры с главными редакторами одного из издательств в романах «Стилист» Марининой и «Качество жизни» Слаповского: «Но, конечно, все-таки без авторов нельзя, – с сожалением разводит руками главный редактор известного издательства в романе «Качество жизни». – Но вопрос только в том, как бы умудриться продать максимальное количество бумаги по максимальной цене» [там же: 128].

В романе «Стилист» возмущенный неуважительным отношением издателей писатель хочет прекратить сотрудничество, на что главный редактор издательства «Шерхан» ей отвечает: «Ну, вы слишком хорошо думаете об авторах <...> если автор не напишет книгу, то издателю нечего будет издавать. Пусть издательство будет самое лучшее, самое престижное, самое богатое, но если авторы не будут сочинять и приносить им свои сочинения, то ничего и не будет вообще. Поэтому с авторами надо дружить. Издательство кормится от автора, а не наоборот» [Маринина 2014: 162].

Роман Олега Зайончковского «Счастье возможно» – особый тип метаповествовательной конструкции – «роман о писателе». Книга, рождающаяся у читателя на глазах, – своеобразный дневник автора, возникающий из воспоминаний, встреч с читателями, прогулок с собакой, выездов на рыбалку. Писатель наблюдает за жизнью и записывает истории разных людей, эти истории иногда имеют счастливый конец, если у писателя хорошее настроение (история Людмилы и Константина и их детей). Создается интересная картина синтеза жизни писателя и жизни обычного жителя Москвы. В романе поднимается вопрос об изменении роли писателя в современном мире культуртрегеров и пиар-агентств. Писатель создает книгу по заказу на нужные темы: «Если есть заказчик, значит, есть и исполнитель. Договор у нас типовый, и я бы на вашем месте не стала бы придирается к словам», – говорит писателю заказчик, и он выходит из этой организации «не вольным художником, а нормальным трудоустроенным гражданином» [Зайончковский 2012: 301].

Процессу написания текста посвящен и роман Евгения Попова «Арбайт. Широкое полотно». Но если писатель – рассказчик у О. Зайончковского – в пределах своего текста «полномочен устраивать судьбы героев по своему усмотрению» [там же: 317], то писатель Гдов в романе Е. Попова приглашает читателей к диалогу и обсуждает с ними волнующие вопросы. «Арбайт. Широкое полотно» состоит из двух частей и со-

рока четырех глав. Каждую главу автор раз в неделю выставлял на своем Живом Журнале и сопровождал ее вопросами к читателю. Из ответов пользователей ЖЖ сложилась вторая часть романа «Широкое полотно». Таким образом, как заявлено во введении к книге, «впервые в истории литературы читатели получают возможность вести диалог непосредственно на страницах текста, создаваемого здесь, сейчас и сегодня» [Попов 2012: 3]. Если О. Зайончковский писал об изменении роли писателя, то в романе Е. Попова продемонстрировано изменение роли читателя, который становится читателем-пользователем и получает возможность принимать участие в создании текста. Рождается новый тип читателя – читатель-юзер-комментатор, новый участник коммуникативного поля, с которым автор обсуждает новый, еще не напечатанный текст.

Относительно современной метапрозы М. Амусин писал, что она «предстает задорной игрой, не дающей зазнаваться ни действительности, ни литературе, сводящей их в поединке равных. Читателя же она тормозит, побуждает протирать глаза и концентрировать внимание, тренировать свой «вестибулярный аппарат» [Амусин 2016]. Эти слова можно отнести к экспериментальной книге Е. Попова, в которой соединяются все звенья метапрозаической стратегии: автор – писатель – рассказчик – читатель. Отличительной особенностью романа является и то, что его можно читать с любого места (текст Гдова, потом комментарии пользователей-читателей), смысл от этого не изменится.

Приведенные в статье примеры современной прозы и тексты, которые тоже можно рассматривать в этом контексте (М. Рыбакова «Черновик человека», О. Рой «Писатель и балерина», Ев. Гришкoveц «Рубашка», А. Снегирев «Тщеславие», А. Архангельский «Бюро проверки», Е. Колина «Такая девочка» и др.) доказывают, что новая литературная реальность диктует свои законы и создает новые условия для развития писательско-издательских, писательско-читательских отношений. В условиях развития инновационных технологий и Интернета книги в разных форматах доступны каждому, литературная жизнь открыта и происходит на глазах у всех читателей и интересующихся, за всеми процессами и событиями можно следить, можно становиться их участником и комментатором (распространение литературных блогов и каналов). Современная метапроза, как и метапроза прошлых лет, реагирует на культурно-исторические события и на развитие литературного процесса, рефлексирова о создании текста и о роли писателя здесь и сейчас.

Список литературы

Абашева М. На литературном фронте: борьба с канонами в русской прозе рубежа 20–21 веков // Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs. новые возможности: сб. ст. по материалам междунар. науч. семинара, ноябрь 2013 г. / отв. ред.: Н. В. Ковтун. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА Наука, 2016 [г. е. 2015]. 572 с. С. 116–117.

Амусин М. Метапроза или Сеансы литературной магии // Знамя. 2016. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/3/metaproza-ili-seansy-literaturnoj-magii.html> (дата обращения: 09.12.2018).

Басинский П. Белеет крайслер одинокий. Новая русская тема в 1998 году // Литературная газета. 13.01.1999. С. 6.

Бродский И. А. Нобелевская лекция. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (дата обращения: 12.10.2019).

Данилкин Л. Т-образный тупик. URL: <http://www.afisha.ru/personalpage/191552/review/298339/> (дата обращения: 12.06.2018).

Зайончковский О. В. Кто погасил свет? М.: Астрель, 2012. 635 [2] с.

Котелевская В. В. Томас Бернхард и модернистский метароман. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2018. 351 с.

Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм: Очерки истории поэтики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.

Маринина А. Стилист. М.: Эксмо, 2014. 448 с.

Маркова Т. Н. Жанровые номинации в русской прозе 2000-х гг. // Жанровые трансформации в литературе и фольклоре / Т. Н. Маркова, И. А. Голованов, Н. Э. Сейбель [и др.]; под общ. ред. Т. Н. Марковой. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 238–249.

Мирошниченко О. С. Поэтика современной метапрозы: на материале романов А. Битова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 25 с.

Новиков В. Алексия: десять лет спустя // Новый мир. 2002. № 10. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/10/aleksiya-desyat-let-spustya.html (дата обращения: 18.12.2018).

Оробий С. Люди, увеличенные до размеров писателей // Дайджест Лит-ра.инфо. URL: <http://lit-ra.info/kolonka-sergeya-orobiya/lyudi-uvlichennye-do-razmerov-pisateley/> (дата обращения: 20.06.2019).

Пелевин В. «t». М.: 2010. 254 с.

Попов Е. А. Арбайт. Широкое полотно: интернет-роман. М.: Астрель, 2012. 568 [8] с.

Сегал Д. М. Литература как охранная грамота. М: Водолей Publishers, 2006. 974 [1] с.

Слаповский А. Качество жизни. М.: Вагриус, 2004. 349 [2] с.

Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М.: Высш. шк., 1993. 318 с.

Уткин А. Самоучки. М.: Грантъ, 1999. 208 с.

Чемодурова З. Рефлексивная авторская игра в метапрозе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksivnaya-avtorskaya-igra-v-metaproze> (дата обращения: 09.09.2019).

Черняк В. Д., Черняк М. А. Массовая литература в понятиях и терминах: учебный словарь-справочник. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 192 с.

Чижев Е. Л. Интервью с Юрием Володарским // ПИО: укр. журнал. URL: http://chizhov.ucoz.ru/-index/intervju_s_juriem_volodarskim_ukr_zhurnal_quot_sho_quot/0-23 (дата обращения: 12.07.2019).

Чижев Е. Л. Перевод с подстрочника. М.: АСТ, 2013. 508 с.

Чупринин С. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. 768 с.

Эпштейн М. Академический выбор. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=2339> (дата обращения: 12.10.2019).

Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Meta-modernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. P. 1–14.

Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism / R. van den Akker et al. (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2017. 201 p.

References

Abasheva M. Na literaturnom fronte: bor'ba s kanonom v russkoy proze rubezha 20–21 vekov [At the literary front: Struggle with the canon in Russian prose at the turn of the 20th–21st centuries]. *Krizis literaturotsentrizma: utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti: monografiya: sbornik statey po materialam mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, noyabr' 2013 g.* [The crisis of literary centrism: loss of identity vs. new opportunities: monograph: Proceedings of the international scientific seminar, November, 2013]. Ed. by Dr. philol. sci. N. V. Kovtun. 3rd stereotyped edition. Moscow, FLINTA Nauka Publ., 2016, pp. 116–117. (In Russ.)

Amusin M. Metaproza ili seansy literaturnoy magii [Metafiction or sessions of literary magic]. *Znaniya*, 2016, issue 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/3/metaproza-ili-seansy-literaturnoj-magii.html> (accessed 09.12.2018). (In Russ.)

Basinskiy P. Beleet kraysler odinokiy. Novaya russkaya tema v 1998 godu [A lonely Chrysler is flashing white. The 'New Russian' theme in 1998]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], January 13, 1999, p. 6. (In Russ.)

Brodsky I. A. *Nobelevskaya lektsiya* [Nobel lecture]. Available at: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (accessed 12.10.2019). (In Russ.)

Danilkin L. *T-obraznyy tupik* [T-shaped dead end]. Available at: <http://www.afisha.ru/personal-page/191552/review/298339/> (accessed 12.06.2018). (In Russ.)

Zayonchkovskiy O. V. *Kto pogasil svet?* [Who turned off the light?]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 635 p. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. *Tomas Bernkhard i modernistskiy metaroman: monografiya* [Thomas Bernhard and the modernist metanovel]. Rostov-on-Don, Taganrog, Southern Federal University Press, 2018. 351 p. (In Russ.)

Lipovetskiy M. N. *Russkiy postmodernizm: Ocherki ist. poetiki* [Russian postmodernism: Essays on historical poetics]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 1997. 317 p. (In Russ.)

Marinina A. *Stilist* [Stylist]. Moscow, Eksmo Publ., 2014. 448 p. (In Russ.)

Markova T. N. Zhanrovye nominatsii v russkoy proze 2000-kh gg. [Genre nominations In Russian prose of the 2000s]. *Zhanrovye transformatsii v literature i fol'klore* [Genre transformations in literature and folklore]. Collective monograph (T. N. Markova, I. A. Golovanov, N. E. Seybel' et al.). Ed. by T. N. Markova. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2012, pp. 238–249 (In Russ.)

Miroshnichenko O. S. *Poetika sovremennoy metaprozy: na materiale romanov A. Bitova*. Avtoref. ... diss. kand. filol. nauk [Poetics of modern metafiction: a case study of A. Bitov's novels. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2001. 25 p. (In Russ.)

Novikov V. *Aleksiya: desyat' let spustya* [Alexia: ten years later]. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/10/aleksiya-desyat-let-spustya.html (accessed 18.12.2018). (In Russ.)

Orobiy S. Lyudi, uvelichennye do razmerov pisateley [People enlarged to the size of writers]. Daydzhest Lit-ra.info [Digest Lit-ra.info]. Available at: <http://lit-ra.info/kolonka-sergeya-orobiya-lyudi-uvelichennye-do-razmerov-pisateley/> (accessed 20.06.2019). (In Russ.)

Pelevin V. *t [t]*. Moscow, 2010. 254 p. (In Russ.)

Popov E. A. *Arbayt. Shirokoe polotno: internet-roman* [Arbeit. Wide canvas: internet novel]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 568 p. (In Russ.)

Segal D. M. *Literatura kak okhrannaya gramota* [Literature as a letter of protection]. Moscow, Vodoley Publishers, 2006. 974 p. (In Russ.)

Slapovskiy A. *Kachestvo zhizni* [The quality of life]. Moscow, Vagrius Publ., 2004. 349 p. (In Russ.)

Tynyanov Yu. N. *Literaturnyy fakt* [Literary fact]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1993. 318 p. (In Russ.)

Utkin A. *Samouchki* [Self-taught]. Moscow, Grant' Publ., 1999. 208 p. (In Russ.)

Chemodurova Z. *Refleksivnaya avtorskaya igra v metaproze* [The authorial reflexive play in metafic-

tion]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2013. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksivnaya-avtorskaya-igra-v-metaproze> (accessed 09.09.2019). (In Russ.)

Chernyak V. D., Chernyak M. A. *Massovaya literatura v ponyatiyakh i terminakh: uchebnyy slovar'-spravochnik* [Mass literature in concepts and terms: educational reference book]. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2016. 192 p. (In Russ.)

Chizhov E. L. *Interview with Yuri Volodarsky* (Ukrainian magazine 'ShO'). Available at: http://chizhov.ucoz.ru/index/intervju_s_juriem_volodarskim_ukr_zhurnal_quot_sho_quot/0-23 (accessed 12.07.2019). (In Russ.)

Chizhov E. L. *Perevod s podstrochnika* [Interlinear translation]. Moscow, AST Publ., 2013. 508 p. (In Russ.)

Chuprinin S. *Russkaya literatura segodnya. Zhizn' po ponyatiyam* [Russian literature today. Life by the rules]. Moscow, Vremya Publ., 2007. 768 p. (In Russ.)

Epstein M. *Akademicheskii vybor* [Academic choice]. Available at: <http://znamlit.ru/publication.php?id=2339> (accessed 12.10.2019). (In Russ.)

Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, 2010, vol. 2, pp. 1–14. (In Eng.)

Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism. Ed. by R. Van den Akker et al. Lanham, Rowman & Littlefield, 2017. 201 p. (In Eng.)

METAFICTIONAL STRATEGIES IN MODERN PROSE

Maria A. Chernyak

Professor in the Department of Russian Literature

Herzen State Pedagogical University of Russia

48, Moika River embankment, 191186, St. Petersburg, Russian Federation. ma-cher@yandex.ru

SPIN-code: 4364-6689

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9291-1781>

ResearcherID: M-6658-2016

Marine A. Sargsyan

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature

Herzen State Pedagogical University of Russia

48, Moika River embankment, 191186, St. Petersburg, Russian Federation. marinasargsyan006@gmail.com

SPIN-code: 5400-2196

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6414-4017>

Submitted 09.01.2020

With the advent and development of the theory of metafiction, the range of works that can be referred to this phenomenon is constantly expanding, with the deepest origins of metafiction being found in the history of novel as a genre. Modern Russian metafiction, developing in the context of literary centrism rebooting and new practices being created, is widely represented in different strata of modern Russian literature: in elite literature (*Pushkin House* by A. Bitov, *t* by V. Pelevin, *Blue Fat* by V. Sorokin, etc.), in fiction (*Happiness Is Possible* by O. Zayonchkovsky, *Quality of Life* by A. Slapovsky, *Medvedki* by M. Galina, *Self-Taught* by A. Utkin, etc.), in mass literature (*Stylist* by A. Marinina, *Boys and Girls* by E. Kolina, *Point of No Return* by P. Dashkova, etc.). The article analyzes different metafictional strategies in modern prose. The process of creating literary text is found to be one of the crosscutting subjects of modern metafiction. This is primarily connected with the writers' desire to capture and reflect the complex and contradictory strategies of writing in the 21st century. The article considers different manifestations of metafictional strategy, such as: 'triple literary matryoshka' (*Literary Slave: Weekdays and Holidays* by N. Sokolovskaya), the theme of translation and mystification (*Interlinear Translation* by E. Chizhov and *Stylist* by A. Marinina), the author's reflection (*Adaptor* by A. Slapovsky), 'novel about a writer' (*Happiness is Possible* by O. Zayonchkovsky), text created in collaboration with the new type of the reader (*Arbeit. The Wide Canvas* by E. Popova). All the analyzed texts raise questions about the changing role of the writer and the reader in the modern world and about the new relations between the writer and the publisher.

Key words: modern prose; metafiction; metaprose; self-reflection; writer; reader; publishing strategy.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Екатерина Владимировна Исаева.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (Лаборатория региональной лексикологии и лексикографии, тел. (342)2396795), ауд. 172 (Лаборатория сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций, тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 12. Выпуск 2 / 2020

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицветова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 22.06.2020. Дата выхода в свет __. __.2020
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 16,28. Тираж 500 экз. Заказ ____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке